

ГОУ ВПО «Красноярский государственный университет»

На правах рукописи

КОЛЕСОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИДИОСТИЛЕ В. АКСЕНОВА

10. 02. 01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор
Григорьева Т.М.

Красноярск 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	12
1.1. Основные свойства текста и подходы к его изучению.....	12
1.2. Заимствование как лингвистический феномен.....	16
1.3. Стилистические особенности и функции заимствований	27
1.4. Прагматические особенности заимствований	33
1.5. Заимствования и литературно-художественный билингвизм	38
Глава 2. ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ	
В. АКСЕНОВА	46
2.1. Функции заимствований.	46
2.1.1. Номинативная функция (предметно-тематическая классификация) ...	46
2.1.2. Функция речевой характеристики персонажей.....	55
2.1.3. Социально-стилистическая функция.....	60
2.1.4. Экспрессивно-оценочная функция заимствований	63
2.1.5. Эвфемистическая функция	70
2.1.6. Функция языковой игры.....	73
2.1.7. Рифмообразующая функция.....	81
2.1.8. Функция авторского самовыражения.....	83
2.1.8.1. Противопоставление российской и американской действительности	86
2.1.8.2. Заимствования как предмет языковой рефлексии и оценок писателя.....	90

2.2. Особенности функционирования заимствований.....	97
2.2.1. Графико-орфографические особенности заимствований в индивидуаль- но-авторском словоупотреблении.....	98
2.2.2. Лексические особенности заимствований	106
2.2.3. Морфемные и словообразовательные особенности заимствований....	108
2.2.4. Синтаксические особенности.....	116
2.3. Способы введения заимствований в текст.....	121
Глава 3. ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕНОСТИ БИЛИНГВИЗМА В ХУДО- ЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В. АКСЕНОВА	128
3.1. Западное влияние и предпосылки билингвизма писателя (советский пе- риод)	128
3.2. Формирование билингвизма В. Аксенова (эмигрантский период)	133
3.3. Язык русских эмигрантов в оценке писателя	140
3.4. Особенности литературно-художественного билингвизма писателя...	143
3.5. Категория автора и предполагаемая читательская аудитория.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	154

Введение

Прием использования иноязычной лексики в текстах художественных произведений не нов в русской литературе. Исследователи отмечают давнюю и прочную традицию введения иноязычных выражений в контекст русского языка, что приводит к образованию своеобразного международного фонда подобных выражений [Бабкин 1970: 236]. Заимствования использовали в своих произведениях многие писатели. Как правило, это свидетельствовало о владении иностранными языками и хорошем представлении о культуре другой страны.

Особую сферу исследования представляет собой изучение функционирования русского языка в условиях эмиграции и языковых изменений, вызванных воздействием другой языковой системы. В последние два десятилетия эта тема становится особенно актуальной и привлекает пристальное внимание лингвистов. В настоящее время активно изучается феномен литературы русской эмиграции, с особой актуальностью встает вопрос о слиянии двух литератур (литературы эмиграции и метрополии) и «возвращении» эмигрантской литературы на родину. Лингвистические работы в этом направлении немногочисленны, представлены рядом статей и диссертационных исследований, авторы которых рассматривают, главным образом, существование русской литературы в эмиграции, проблемно-тематическое и художественно-стилевое разнообразие произведений писателей-эмигрантов первой и второй волн [Трубина 1996; Агеносов 1998]; изучены политические взгляды, творческие поиски, тематическое и жанровое своеобразие произведений писателей и поэтов третьей волны эмиграции [Бочаров 1989; Шайтанов 1989; Глэд 1991; Бондаренко 1992; Зайцев 1993].

Следует отметить, что изучение языка писателей-эмигрантов до сих пор является одной из наименее разработанных областей лингвистики. Имеются работы, посвященные лингвистическому анализу произведений писателей-эмигрантов И.А. Бунина, Е.И. Замятина [Напцок 2001]; В.В. Набокова

[Напцок 2001; Маслова 2001; Антошина 2002; Чеплыгина 2002]; М.И. Цветаевой [Корчевская 2000; Чигирин 2002]; В.Я. Брюсова [Зубкова 2000]; А. Макина [Балеевских 2002] и др. Лингвисты исследуют особенности словотворчества писателей-эмигрантов, влияние других культур и традиций на создание литературных произведений. В исследованиях, посвященных языку писателей-эмигрантов, анализируются функциональные разновидности русского языка, способы выражения языковых оценок, особенности словоупотребления в языке писателей первой – второй волны эмиграции: М. Осоргина, И. Бунина, В. Набокова, М. Алданова, Н. Тэффи, М. Цветаевой, Г. Газданова, Б. Зайцева и других [Кожевникова 2001].

Язык же писателей-эмигрантов третьей волны до сих пор не рассматривался в теоретическом и практическом отношении. Это стало одним из основных факторов, побудивших обратиться к данной теме. Так как в текстах писателя-эмигранта В. Аксенова продуктивно использованы иностранные слова преимущественно английского происхождения, его произведения представляют собой благодатный материал для изучения заимствований как средства художественной выразительности, раскрывающих особенности авторского индивидуального стиля.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена следующими основными факторами: во-первых, В. Аксенов считается одним из наиболее читаемых современных прозаиков; вопросы его творческой эволюции, стилистического и жанрового своеобразия привлекают всестороннее внимание литературоведов [Харитонов 1993; Ефимова 1995; Кузнецов 1995; Торуннова 1998]; во-вторых, В. Аксенов представляет интерес как русский писатель-эмигрант, долгое время работавший за границей, и заимствования в его произведениях дают возможность судить о влиянии иноязычной среды на язык писателя и, возможно, на язык русской диаспоры в целом.

Новая языковая среда, оторванность от языка и развития языковых процессов метрополии, ограниченная сфера функционирования русского

языка за границей неизменно накладывают отпечаток на особенности речи эмигрантов. Под влиянием иностранного языка возможна утрата речевых навыков родного языка, изменение его словарного состава. Наиболее яркой чертой речи эмигрантов исследователи называют насыщенность заимствованиями [Васянина 2001: 98]. Большое количество иноязычных единиц, отличных от заимствований, вошедших в состав современного русского литературного языка, используется как в речи эмигрантов, так и в художественных текстах.

Рядом лингвистов предпринимались попытки изучить иноязычный лексический корпус в языке В. Аксенова, но в большинстве случаев данные исследования находятся на уровне отдельных замечаний или лишь косвенно затрагивают вопросы, связанные с особенностями употребления заимствований, не раскрывая полностью проблему функциональной значимости данного явления [Брейтер 1997; Залесова 2002]. Язык прозы В. Аксенова с точки зрения анализа функционирования иноязычных элементов до сих пор не становился предметом подробного монографического исследования. Предполагается, что опыт подобного рода анализа может служить одним из средств характеристики писателя как языковой личности.

Кроме того, анализ языка писателя-эмигранта третьей волны В. Аксенова существенно важен для описания условий функционирования русского языка в иноязычном окружении. Это позволит рассмотреть изменения, вызванные пребыванием в Америке и, соответственно, влиянием американского окружения и английского языка. Изучение языка писателя нацелено на выявление как общих черт, присущих ему как представителю третьей волны эмиграции, так и индивидуальных, учитывающих личные и профессиональные свойства автора, что даст возможность проанализировать письменную фиксацию речи эмигрантов в художественной литературе, изучить реализацию языковых особенностей в речи одного лица. Для этого необходимо рассмотреть, каким стал язык писателя в эмиграции, как изменилось отношение

к новой культурно-языковой действительности и какие объективные и субъективные факторы повлияли на этот процесс.

Материалом исследования послужили тексты романов В. Аксенова «Коллеги» (1960), «Звездный билет» (1961), «Апельсины из Марокко» (1962), «Золотая наша железка» (1973), «Ожог» (1976), «Круглые сутки нон-стоп» (1976), «Остров Крым» (1979), «Бумажный пейзаж» (1982), «Скажи изюм» (1985), «В поисках грустного бэби» (1986), трилогии «Московская сага» (1989, 1991, 1993), «Желток яйца» (1989), «Новый сладостный стиль» (1997), «Кесарево свечение» (2000), а также тексты повестей, рассказов и пьес, написанных в разные периоды творчества писателя.

Системный характер использования иноязычных элементов в текстах определил выбор объекта и предмета исследования. **Объектом изучения** в данном исследовании являются заимствования, составляющие более 3000 единиц и представляющие интерес в связи с функционированием в текстах писателя с точки зрения художественного назначения; **предметом изучения** – структурно-типологический, стилистический и прагматический аспекты функционирования заимствований.

Цель исследования – определить состав и специфику функционирования заимствований в идиостиле писателя, выявить основные характеристики и их функциональный статус, а также причины и мотивы обращения автором к иноязычным заимствованиям в своих произведениях.

Достижение поставленной цели связано с решением следующих **задач**:

1) рассмотреть заимствования с точки зрения соотношения с системами контактирующих языков и связанности с национально-культурным своеобразием текста, выявить прагматические и стилистические особенности использования иноязычных элементов в художественном тексте и характерные черты литературно-художественного билингвизма;

2) выявить функциональную нагрузку иноязычных элементов в тексте, провести их комплексный структурно-семантический анализ, определить ме-

сто и статус иноязычной лексики в системе литературного языка, экстралингвистические факторы, воздействующие на характер использования иноязычных элементов;

3) проанализировать процесс формирования оценочного компонента в семантике иноязычной лексики, изучить словообразовательные и индивидуально-авторские особенности употребления заимствований;

4) рассмотреть заимствования, представленные в языке писателя-эмигранта, как одну из особенностей литературно-художественного билингвизма, позволяющую передать систему ценностей, мировоззренческих и психологических черт языковой личности.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- детально и подробно изучены функции заимствований в языке В. Аксенова;
- определены специфические особенности заимствований на различных языковых уровнях;
- творчество писателя-эмигранта В. Аксенова рассмотрено в аспекте литературно-художественного двуязычия, сформированного под воздействием американской языковой среды;
- через продуктивное использование заимствований В. Аксенов охарактеризован и как носитель языка, отражающий в своих текстах типичные особенности речевого узуса русских эмигрантов, и как писатель, использующий иноязычные элементы для повышения информативности и экспрессивности содержания.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит вклад в сформировавшиеся представления об использовании иноязычных элементов в тексте художественного произведения, углубляет понимание коммуникативно-прагматических и функционально-стилистических особенностей заимствований. Подобное исследование значимо для теоретического языкознания, поскольку связано с изучением воздействия иностранного язы-

ка на родной язык, оно позволяет выявить системы, наиболее легко подверженные воздействию. Теоретическому осмыслению и систематизации подвергаются вопросы, связанные со спецификой функционирования русского языка в иноязычном окружении, с функциональным статусом заимствований и определением возможностей их использования в целях повышения информативности и экспрессивности передаваемого сообщения.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в системе вузовского преподавания курса современного русского языка, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвостилистическому анализу художественного текста для студентов-филологов; могут быть использованы для подготовки словаря писателя. Данные исследования позволят дополнить картину, отражающую процессы языкового развития и функционирования русского языка за пределами России.

В диссертации были использованы следующие **методы и приемы** лингвистического исследования:

- метод анализа семантической структуры лексических единиц и метод синхронного сопоставления лексем – при определении семантической специфики иноязычных элементов и изменений в структуре иноязычных лексем при употреблении в русском языке;
- методы семантического, синтаксического, лингвостилистического анализа – при рассмотрении заимствований на различных уровнях языковой системы;
- метод словарных дефиниций и контекстуального анализа при рассмотрении значений заимствований;
- прием сплошной выборки при отборе иносистемных языковых элементов в текстах писателя;
- исследовательские приемы обобщения, классификации и количественного сопоставления данных для обработки заимствований и анализа динамики их употребления.

Основные результаты работы получены путем изучения особенностей функционирования заимствований и анализа их функций в языке В. Аксенова.

Данная проблема позволяет сформулировать следующие **основные положения**, которые **выносятся на защиту**:

1. В текстах писателя-эмигранта третьей волны В. Аксенова продуктивно используются заимствования преимущественно английского происхождения, их яркая стилистическая маркированность и прагматическая направленность придают повышенную информативность и национально-культурное своеобразие тексту.
2. Заимствования, использованные автором, обладают полифункциональным характером.
3. Употребленные в текстах литературных произведений, заимствования позволяют охарактеризовать В. Аксенова как носителя языка и как писателя, способного оценить сущность и потенциал иносистемных языковых явлений.
4. Многие заимствования, приведенные в текстах В. Аксенова, не находят широкого употребления в современном русском литературном языке метрополии, они остаются в сфере окказионально-авторского употребления.
5. Творчество В. Аксенова является одним из примеров существования билингвизма в пределах национальной литературы.

Основные разделы и наиболее значимые положения диссертации были **апробированы** в форме докладов и сообщений на научных конференциях:

- Международная конференция «Язык и культура в Евразийском пространстве», Томск, 2003;
- Ежегодная научная конференция на факультете филологии и журналистики КрасГУ, Красноярск, 2003, 2005;

- Международная конференция «Молодежь и наука XXI века», Красноярск, 2003;
- Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах», Челябинск, 2003;
- Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур», МГУ, 2003;
- Научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», Красноярск, 2004;
- Научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука – третье тысячелетие», Красноярск, 2005;
- на заседаниях кафедры русского языка КрасГУ и кафедры английской филологии КГПУ (2002 – 2005 гг.).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, который включает 155 источников.

Глава 1. Заимствования в художественном тексте

1.1. Основные свойства текста и подходы к его изучению

На современном этапе развития лингвистической мысли текст как речевое произведение находится в центре всестороннего внимания. Исследования проводятся в различных направлениях, изучаются единицы текста, их связи. Повышенный интерес к проблемам теории текста приводит к тому, что текст «начинает представлять как более сложный, чем язык, лингвистический объект», при этом теория текста, по оценкам языковедов, становится «интердисциплиной, выстраивающейся в коммуникативном ключе» [Основы теории текста 2003: 21].

Необходимость рассмотрения понятия текст в рамках данной работы объясняется спецификой предстоящего исследования: в исследовании предполагается проанализировать иноязычные элементы не только с точки зрения структурно-смысловых особенностей, но и в аспекте их функционирования в художественном тексте. Для этого необходимо рассмотреть основные свойства и характеристики текста, допускающие включение элементов иноязычного происхождения в русский контекст.

Текст представляет собой сложное многогранное явление: с одной стороны, он является фактом реальной действительности, репрезентированным с помощью языковых средств, с другой стороны, это способ отражения действительности, способ хранения и передачи информации. В тексте находят свое воплощение взгляды и деятельность индивида, конкретная историческая эпоха, культура. Множество свойств текста обуславливают разнообразие его определений [Лотман 1970; Гальперин 1981; Реферовская 1983; Тураева 1986].

Существующее многообразие в определении текста свидетельствует о значимости данного явления для лингвистической науки, его сложности, неоднозначности и связи с целым рядом научных дисциплин. Традиционно в

лингвистике используется определение текста, данное И.Р. Гальпериным, который рассматривает текст как речетворческое произведение, объективированное в письменной форме, литературно обработанное, обладающее целенаправленностью и прагматической установкой [Гальперин 1981: 18]. Данное определение, на наш взгляд, отражает основные признаки текста, учитывает факт письменной фиксации, роль автора и его интенции.

Несмотря на множество определений текста, в целом они все направлены на выделение основных признаков, границ и внутренних связей, за счет которых достигается его единство. Взгляды на основные признаки текста и их число обусловлены теоретическими представлениями исследователей, их принадлежностью к определенной школе и варьируют в пределах небольшого количества. Важнейшими признаками текста признаются цельность и связность, поскольку они обеспечивают его единство: «Именно процесс осмысления целостности через связность и обнаружения связности при условии знания целостности текста и обеспечивает единство текстовой конструкции» [Основы теории текста 2003: 88].

Применительно к данному исследованию наряду с цельностью и связностью особую важность представляют свойства содержательности, системности и коммуникативной установки, благодаря которым можно утверждать, что использование иноязычных элементов в тексте повышает его информационную насыщенность, служит передаче новых знаний и информированию реципиента, допускает взаимодействие иноязычных лексем с другими текстовыми элементами и использование их для реализации авторских интенций.

Изучение текста, его основных свойств, составляющих и функций представляет собой научную проблему, в определении и изучении которой существуют разнообразные подходы, отличающиеся взглядами на проблему и методами описания.

С лингвистической точки зрения текст рассматривается как языковая категория, явление, связанное со словом. Лингвистический аспект изучения художественного текста затрагивается в работах И.Р. Гальперина (1981), А.Т. Кривоносова (1986), З.Я. Тураевой (1986) и др. Исследователи признают текст высшей единицей синтаксического уровня, которая представляет собой часть знаковой системы языка и является одновременно единицей языка и речи.

Семиотическое направление, рассматривающее текст как совокупность значений определенной группы знаков, представлено в работах Ю.М. Лотмана (1970), А.И. Новикова (1983), Г.А. Антипова, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокина (1989), Р. Барта (1994) и др. Такое понимание текста оказывается более широким, чем изучение словесных структур. Оно распространяется на различные сферы деятельности человека, явления культуры, даже явления природы. Содержательный подход к изучению текста осмысливает закономерности отношений содержательных компонентов, учитывает лингвистические и экстралингвистические данные, основанные на общих знаниях отправителя и адресата информации.

Коммуникативно-прагматический подход рассматривает текст как единицу коммуникации. В рамках прагматического подхода изучается отношение текста к адресату, его коммуникативным интересам [Колшанский 1984; Сидоров 1987; Азнаурова 1988; Болотнова 2001]. Коммуникативно-прагматическая организация текста предполагает анализ категорий автора произведения и читателя, а также включает в себя исследование напряжения, созданного благодаря взаимодействию данных категорий, которое «обеспечивает динамику текста, создает гибкий смыслопорождающий механизм и в конечном счете обеспечивает жизнь текста» [Основы теории текста 2003: 117].

Перечисленные подходы к описанию текста, затрагивающие формальные, содержательные и функциональные свойства, необходимо учитывать

при анализе употребления заимствований в художественном тексте. С позиций лингвистического подхода к анализу изучение иноязычных элементов предполагает рассмотрение их как единиц, составляющих текст, и определение своеобразия их функционирования под влиянием текста. В рамках семиотического направления целесообразно изучение иноязычных элементов с точки зрения их связи с национально-культурным содержанием и связи с окружающей действительностью. С точки зрения коммуникативно-прагматического подхода иноязычные слова и словосочетания правомерно рассматривать как языковые средства, направленные на реализацию интенций говорящего в художественном тексте.

Следует отметить, что художественный текст обладает рядом отличительных особенностей, поскольку в нем язык используется автором как знаковая система и как строительный материал, языковые знаки применяются во вторичном кодовом значении, что делает язык текста неоднозначным, рождает множество интерпретаций. По определению Ю.М Лотмана, разнообразные толкования художественного текста свидетельствуют о его значимости: «Текст, допускающий ограниченное число истолкований, приближается к нехудожественному и утрачивает специфическую художественную долговечность» [Лотман 1970: 90].

Специфика художественного текста такова, что языковые единицы, помимо передачи основного номинативного значения, способны приобретать вторичный номинативный смысл и специфические индивидуализированные свойства под воздействием контекста, связности текста и пресуппозиций, обозначающих наличие в тексте экстралингвистических факторов и внеязыковых знаний. Эта особенность художественного текста обуславливает использование иноязычных слов и словосочетаний в разнообразных функциях исходя из установки писателя.

Таким образом, учет данных современной теории текста и подходов к его изучению может применяться для анализа языковых единиц иноязычного

происхождения, включенных в текст, для формирования целостного представления об их специфике, функциях и закономерностях употребления.

1.2. Заимствование как лингвистический феномен

Выбор и употребление автором языковых средств в художественном тексте свидетельствует прежде всего об индивидуальной манере писателя. Среди языковых средств, используемых в языке художественной литературы, особое место занимают слова и словосочетания, заимствованные из иностранных языков.

В настоящее время иноязычный пласт лексики в современном русском литературном языке активно исследуется и параметрируется. Вопросы о функциях иноязычных лексических единиц в русскоязычных текстах, их статусе, особенностях адаптации, способах перевода и лексикографического описания затрагивались в работах многих современных лингвистов: А.А. Леоновой (1966); Л.П. Крыкина (1968); А.Н. Бабкина (1970); Ю.Т. Листровой-Правды (1979, 1986); С. Влахова, С. Флорина (1980); Э.А. Григоряна (1997) и др.

Свидетельством интереса к лингвистическому аспекту проблемы использования заимствований являются многочисленные статьи на эту тему: В.М. Аристовой, И.П. Кравченко (1987), И.Г. Пастуховой (1987), М.В. Орешкиной (1994), В.В. Шмельковой (1994), А.И. Дьякова, Е.А. Скворецкой (2000), Г.П. Корчевской (2000), О.Г. Щитовой, Л.Т. Некрасовой (2001), Н.А. Кудриной (2002). На изучение функционирования иноязычной лексики в художественном тексте направлены диссертационные исследования следующих авторов: В.А. Лихолетова (1991), Н.Д. Агафоновой (1994), Г.Н. Скребова (1997), В.М. Феоклистовой (1999), Т.А. Зубковой (2000), Е.А. Чигирина (2002). В настоящее время имеется ряд работ, изучающих практическое функционирование иноязычной лексики в художественных

текстах русских классиков: А.С. Пушкина [Васильев, Савина 2000; Фролова 2002], М.Ю. Лермонтова [Балтаев 1994], М.Е. Салтыкова-Щедрина [Матвеев 1999], Л.Н. Толстого [Мальсагова 1989], М.М. Маяковского [Коваленко 1986] и др.

В центре внимания языковедов находятся в основном следующие основные аспекты:

- 1) изучение предметно-тематических групп заимствованной лексики;
- 2) рассмотрение форм и способов адаптации иноязычных лексем к принимающей системе русского языка;
- 3) исследование словообразовательных процессов на базе заимствованных лексических единиц;
- 4) дальнейшее семантическое развитие иноязычных лексем;
- 5) изучение способов перевода и лексикографической фиксации ино-системных языковых явлений;
- 6) анализ художественного задания иноязычной лексики и стилистического эффекта, создаваемого ее присутствием в художественном тексте.

Существование различных аспектов исследования свидетельствует о значимости данного явления для лингвистической науки. Полученные данные позволяют судить о развитии и функционировании русского языка, о языковых контактах и взаимодействиях, непосредственных результатах этих взаимодействий, о роли и статусе иноязычных лексем в художественном тексте.

Следует отметить терминологические разногласия, существующие вокруг понятия «*иноязычная лексика*». В современной лингвистике используются термины «*иноязычные лексические заимствования*», «*окказиональные заимствования*», «*окказиональные слова иноязычного происхождения*», «*безэквивалентная лексика*», наряду с ними продуктивно функционируют термины «*экзотизмы*», «*варваризмы*», «*иноязычные вкрапления*».

Спорным представляется вопрос о разграничении критериев определения понятий «заимствование», «вкрапление», «экзотизм», «варваризм». Этому вопросу уделил внимание Л.П. Крысин в работе «Иноязычные слова в современном русском языке» (1968), где он дифференцировал данные термины на основе их соотношения «с системой употребляющего их языка», указав на структурные и функциональные различия, существующие между этими группами слов. По мнению Л.П. Крысина, заимствования представляют собой факты языка, связанные с его лексико-семантической системой и зафиксированные лексикографически, их употребление в тексте обусловлено коммуникативной функцией языка. В отличие от заимствований экзотизмы и варваризмы рассматриваются им как незамкнутые группы слов, сохраняющие графический облик языка-источника и не имеющие прочных связей с грамматическим и лексическим строем языка-реципиента; их употребление в тексте определяется его тематикой, связанной с культурой и бытом определенного народа, знакомством говорящего с иностранным языком, стилистическими или жанровыми особенностями речи [Крысин 1968: 47–49].

Несмотря на важность дифференциации иноязычных элементов, границы между рассмотренными терминами продолжают оставаться нечеткими. Ю.Т. Листрова-Правда указала на невозможность признания принципа лексикографической фиксации основным, ссылаясь на фиксацию в словарях иностранных слов узуальных иноязычных вкраплений, используемых в литературных произведениях. Кроме того, она отметила тот факт, что все заимствования проходят стадию функционирования в качестве вкраплений, поэтому их использование в коммуникативной функции будет верно лишь при диахроническом подходе [Листрова-Правда 1986: 17]. В качестве основного признака заимствованной лексики Ю.Т. Листрова-Правда называет «выход иноязычного вкрапления за пределы индивидуальной или групповой речи билингов, когда оно начинает употребляться и монолингами в их родном языке (без опоры на иностранный)» [Там же: 22].

Наряду с этим существуют различные подходы к определению понятия «иноязычное вкрапление», оно было рассмотрено многими лингвистами, однако, объем явлений, включенных в его состав, трактуется различными исследователями по-разному. Этот термин был впервые введен А.А. Леонтьевым для обозначения иноязычных слов, функционирующих как за пределами системы русского языка, так и включенных в нее в качестве обычных заимствований [Леонтьев 1966]. Следует отметить, что такое понимание иноязычного вкрапления является емким по своему характеру и охватывает широкий круг явлений. Согласно другому, более узкому определению, иноязычные вкрапления рассматриваются как языковые явления иностранного языка, заимствованные русским языком при сохранении их иноязычного облика, часто в графической форме языка-источника [Каменева 1978: 54; Сапожникова 1980: 41]. Некоторые исследователи для обозначения иноязычных слов, представленных в русском тексте в исконном графическом облике, используют термин «варваризмы» [Баш 1989: 27; Васильев, Савина 2000: 99]. Другие лингвисты отождествляют термины «вкрапления» и «варваризмы» [Диброва 2001: 306].

Рассматривая признаки иноязычных вкраплений, ряд исследователей указывают на их окказиональность, т. е. «невоспроизводимость в литературной речи, несоответствие общепринятым нормам, принадлежность отдельному лицу (тексту), а не словарному составу данного языка» [Листрова-Правда 1986: 12].

Другие же утверждают, что иноязычные вкрапления могут носить как узуальный, так и окказиональный характер [Феоклистова 1999: 22–23]. Узуальные вкрапления фиксируются словарями иностранных слов, занимая в связи с этим особое положение в системе русского языка, и рассматриваются в составе интернационального культурного фонда. Окказиональные иноязычные вкрапления не имеют частотного распространения в языке, они остаются в сфере функционирования отдельных индивидов или групп населе-

ния. В литературном тексте окказиональные вкрапления сопровождаются переводом или авторскими комментариями. В состав окказиональных вкраплений входят варваризмы, их лексикографическая фиксация возможна лишь при переходе к следующему этапу ассимиляции слова в языке-реципиенте. Для адресата, не владеющего иностранным языком, семантическое значение варваризмов оказывается закрытым, что ведет к возникновению трудностей в акте коммуникации.

В связи с терминологическими разногласиями, различными подходами и неоднозначностью толкований элементов чужого языка, перенесенных в принимающий язык в результате языковых контактов, нам представляется целесообразным уточнить значение термина «заимствование», который в дальнейшем изложении при анализе языкового материала в данной работе будет определяться как функциональный элемент системы принимающего текста, предназначенный для реализации определенных коммуникативных интенций и характеризующийся набором функционально установленных инвариантных формально-содержательных признаков (эксплицитная национально-культурная маркированность, окказиональный характер употребления). Данный термин мы рассматриваем в широком смысле слова, относя к нему незамкнутую группу иносистемных языковых элементов с различной степенью адаптации в современном русском языке, обусловленных определенной степенью владения автором иностранным языком. Состав заимствований включает языковые единицы, представленные как в русской, так и в оригинальной графике, непосредственно заимствованные из иностранного языка или калькированные слова и выражения, а также лексемы или сочетания лексем интернационального фонда, так как по отношению к русскому языку они выступают иносистемными элементами.

Определение корпуса исследуемых иноязычных единиц ставит проблему их классификации. В связи с несомненной важностью, которую представляет теория заимствования для современной лингвистики, следует отме-

туть существование разнообразных подходов к классификации заимствованных лексем. Исследователи классифицируют иноязычные лексемы: 1) по хронологическому признаку, учитывая период вхождения в русский язык [Крысин 1968; Биржакова и др. 1972; Аристова 1978]; 2) по языку-источнику [Крысин 1968; Биржакова и др. 1972; Аристова 1978]; 3) по сфере употребления иноязычной лексики [Биржакова и др. 1972; Аристова 1978]; 4) по характеру заимствования (непосредственное или прямое заимствование и калькирование) [Лотте 1982]; 5) по способам передачи письменной формы заимствованного слова в русском языке (трансплантация, транслитерация, практическая транскрипция) [Тимофеева 1991: 28]; 6) по передаче национально-культурной специфики [Верещагин, Костомаров 1983]; 7) многие поддерживают классификацию иноязычной лексики по степени ассимиляции в принимающем языке [Брагина 1973; Аристова 1978; Крысин 1991].

Практическое изучение функционирования иноязычной лексики в русском литературном языке было затронуто в работе А.А. Леонтьева «Иноязычные вкрапления в русскую речь» (1966). При изучении текста как продукта «развертки» или «свертывания» модели определенного языка А.А. Леонтьев обратил внимание на несоответствие некоторых отрезков текста предложенной модели. Данные части текста были названы «иноязычными вкраплениями в основной текст», возникшими в результате «сосуществования» двух текстов. А.А. Леонтьев разработал детальную классификацию иноязычных вкраплений на основе «аналитической дистрибутивной модели». Им были проанализированы лексемный, фонемный, морфемный уровни и уровень звукотипов, в результате чего было выявлено 16 видов вкраплений [Леонтьев 1966: 61–67]. Анализируя причины употребления заимствований, автор указал, что их функционирование возможно вследствие «неудовлетворенной выразительной потребности говорящего, для которого в данном контексте, например, не хватает слов русского языка» или вследствие сознательного сосредоточения внимания на иностранном слове при его семантическом и син-

таксическом выделении [Там же: 67]. Классификация А.А. Леонтьева включает в себя разнообразные виды вкраплений, представленные от непосредственной вставки в русский текст отрывка на иностранном языке до русского текста без иноязычных вставок.

Данная классификация послужила основой для дальнейших исследований в этом направлении. Основные положения этой классификации были уточнены в работах Ю.Т. Листровой-Правды, которая учла влияние словообразовательных, лексико-семантических и синтаксических явлений, не затронутых в классификации А.А. Леонтьева, указала на активное воздействие принимающей системы русского языка, обуславливающее многообразие типов заимствований. При анализе иноязычных вкраплений в переводных и оригинальных русских текстах была отмечена их связь с национально-культурным своеобразием передаваемого содержания.

Указав на неполноту предшествующих классификаций, Ю.Т. Листрова-Правда предложила собственное подразделение иноязычных вкраплений, включающих в себя: 1) полное иноязычное вкрапление, представляющее собой текст или отрезок текста на иностранном языке; 2) частичное вкрапление, в определенной степени ассимилированное в принимающем языке; 3) контаминированное вкрапление, которое представляет собой языковые элементы русского языка, употребленные по законам другого языка; 4) нулевые вкрапления, представляющие собой переводные тексты, включенные в оригинальную русскую речь [Листрова-Правда 1986: 24–26]. Автор классифицировала частичные вкрапления в зависимости от степени и уровня адаптации (фонетической, морфологической) и контаминированные вкрапления в зависимости от отклонения и несоблюдения норм современного русского языка, соответствующих типам интерференции. В представленной ею классификации учитываются как синтаксические, так и графические характеристики иноязычных вкраплений.

Иноязычные вкрапления, введенные автором в русский текст, направлены на обозначение предметов и явлений иной культуры или коммуникативных ситуаций, участниками которых могут быть носители иностранного языка. Употребление иноязычных вкраплений в таких случаях придает тексту национально-культурную специфику. По определению Ю.Т. Листровой-Правды, «национально-культурная специфика содержания текстов достигается изображением реалий чужих культур», которые могут быть: 1) непосредственно связаны с национально-культурным содержанием, т.е. использоваться для отображения стандартных речевых ситуаций и предметов национально-культурной специфики; 2) косвенно связаны с содержанием, т. е. представлены в виде цитат или эпитафии на иностранном языке; 3) ассоциативно связаны с национально-культурным своеобразием путем сопоставления явлений разных культур; 4) не связаны вообще [Листрова-Правда 1986: 30]. Таким образом, одной из особенностей иноязычных вкраплений является их участие в формировании национально-культурного содержания текста.

В.В. Кабакчи в этой связи вводит понятие «иноязычное описание культуры» (ИОК), под которым понимает «описание культуры народа, говорящего на одном языке (Я1 – язык описываемой культуры), средствами выражения другого языка (Я2 – язык описания)». При этом, по мнению автора, для иноязычного описания культуры наиболее подходящей является та часть «словарного состава описываемой культуры, которая передает ее специфические стороны» [Кабакчи 1975: 114]. Использование заимствований для описания явлений другой культуры придает тексту реальность и экономичность, что соответствует тенденции экономии языковых средств, поскольку позволяет избежать громоздких описательных оборотов, необходимых для толкования или пояснения предметов и явлений, отсутствующих в языке реципиента. По мнению В.В. Кабакчи, введение заимствований в текст для описания культуры целесообразно в тех случаях, когда форма языковой единицы приемлема для использования в качестве термина иноязычного описа-

ния культуры, то есть, как правило, представлена словом, удобным в обращении и характеризующимся терминологической однозначностью [Там же: 115].

Характерно, что сама форма иноязычного знака, помимо основного лексического значения, может передавать информацию об адресанте высказывания и порожденном им тексте, об определенном социуме. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, внешняя форма слова «всегда включает в себе не общечеловеческую, а национально-культурную семантику, отражает специфику истории, быта, расселения, материальных и духовных ценностей некоторого вполне определенного народа» [Верещагин, Костомаров 1987: 63]. Следовательно, можно утверждать, что форма иноязычного слова отражает его связь с национально-культурным содержанием текста и окружающей действительностью, передает национальную специфику определенного этноса.

Показательно, что присутствие иностранных языков в тексте не всегда может эксплицитно выражаться наличием заимствований. Анализ текста с точки зрения языковой принадлежности обнаруживает в монолингвальном тексте присутствие других языков или смешанных состояний в разнообразных формах: «от мифического, условного их присутствия до натуральных иноязычных фрагментов, вплетенных в текст и нередко называемых варваризмами» [Григорян 1997: 73]. Косвенное присутствие иностранных языков в русском тексте проявляется в указании с помощью специальных слов-сигналов, на каком языке происходит общение, при этом иностранные герои произведений говорят по-русски, но авторские комментарии акцентируют условность подобного общения и подчеркивают, что русский язык занимает место другого языка. Введение сопроводительных сигналов создает эффект присутствия иноязычной речи и иноязычную атмосферу коммуникации.

Процесс вхождения заимствованных слов в принимающий язык имеет поступательный характер и осуществляется по пути от номинации новых,

еще чужих, явлений в русском языке до слов-наименований, ассимилированных языком-реципиентом, при этом возможно дальнейшее самостоятельное развитие слова в принимающем языке, «в дальнейшем уже в системе заимствующего языка усвоенное слово может приобрести функцию характеристики-оценки (сравнения). В этом случае заимствованный неологизм становится мотивированным знаком. Он раскрывает свою внутреннюю форму или получает определенное осмысление, не всегда абсолютно совпадающее со значением в языке-источнике» [Брагина 1973: 161].

На современном этапе развития языка и общества, по наблюдениям исследователей, отмечается изменение статуса заимствованных лексем, что проявляется в более продуктивном введении новых или малоизвестных слов без ссылок на их иноязычные прототипы в русский текст. Если ранее таким образом могли употребляться только интернациональные слова, то в настоящее время подобное словоупотребление возможно благодаря «распространению билингвизма и относительной этимологической неоднородности новых заимствований» [Казкенова 2003: 74]. Кроме того, активизация процесса заимствования в настоящее время во многом обусловлена «орфографическим плюрализмом», возникшим вследствие падения орфографического режима и проявления свободы письма. Среди наиболее характерных тенденций современного периода исследователи выделяют продуктивное «внедрение в русский текст графико-орфографических явлений разных языковых систем» [Григорьева: 2004: 229].

Использование иноязычных слов в русском тексте вызывает различные оценки литературоведов и лингвистов. Традиционно заимствования считаются средством развития и пополнения словарного состава языка. Однако, несмотря на традицию употребления иностранных слов в русском тексте, их использование в иноязычном облике зачастую оценивается как нежелательное, нарушающее восприятие текста. Об этом свидетельствуют мнения лингвистов: «... в художественной и публицистической литературе способ не-

посредственного включения сейчас признан непригодным и применяется редко» [Гиляревский, Старостин 1985: 12–13].

Ряд исследователей предостерегает против чрезмерного использования заимствованной лексики в текстах художественных произведений, ссылаясь на ее неэффективность с позиций коммуникативной целесообразности: «В подавляющем большинстве случаев использование таких слов или даже отдельных фрагментов чужого языка приводит к информационной опустошенности текста, к малоэффективности его воздействия на читателя и даже в отдельных случаях к негативной реакции с его стороны на весь подаваемый в тексте материал. Процесс восприятия и переработки таких единиц осложнен даже в тех случаях, когда рядом с ними в тексте употребляется русский перевод. Если же русский эквивалент отсутствует, то в большинстве случаев такие вкрапления превращаются в «черные дыры», дающие о себе минимум информации» [Новикова 1996: 393–394].

Безусловно, присутствие большого количества незнакомых иноязычных слов в тексте может привести к непониманию его отдельных фрагментов. Однако, по мнению психолингвистов, несмотря на неполное понимание отдельных частей текста, возможно понимание его общего смысла: «даже в том случае, если в тексте отсутствует часть слов, реципиент в состоянии понять основное содержание текста достаточно адекватно. Воспринимая поврежденный текст, читатель восстанавливает его, предлагая свои варианты. Как правило, варианты читателей бывают или близки пропущенным элементам, или шире их по объему, что так или иначе позволяет реципиенту уменьшить субъективную трудность понимания фрагмента текста в целом» [Белянин 1988: 28].

Таким образом, данные психолингвистических исследований подтверждают, что употребление заимствований в тексте художественного произведения не может существенным образом нарушить процесс его восприятия и декодирования. Кроме того, следует иметь в виду, что, создавая художест-

венное произведение, автор в первую очередь ориентируется на доступность и понимание текста потенциальной читательской аудиторией и в соответствии с этим осуществляет отбор языковых средств для оказания воздействия на адресата и выполнения определенного художественного задания.

1.3. Стилистические особенности и функции заимствований

Заимствования, вошедшие в русский язык, на определенном синхронном срезе языка могут функционировать наряду с русскими эквивалентами. В этих случаях они существуют как стилистически маркированные синонимы. По наблюдениям лингвистов, заимствованные слова, как правило, «находятся в ином стилистическом слое по сравнению с их синонимами из числа исконных слов данного языка» [Ярцева 1978: 24].

Стилистические особенности заимствований играют важную роль в процессе функционирования в условиях речевого общения или художественного текста, их специфика определяется многими факторами и, прежде всего, коммуникативной природой. Как правило, большинство заимствований, использованных в тексте, обладают стилистической маркированностью, то есть несут определенную стилистическую информацию. Стилистическая маркированность и яркая выразительность иноязычных слов обусловлены их необычным звучанием и графикой, вследствие чего заимствования составляют контраст литературному тексту, а выделяемость на фоне контекста, полностью состоящего из русских слов, позволяет иноязычным лексемам использоваться в качестве стилистических средств. Использование в русском тексте иноязычных заимствованных лексем исследователи определяют стилистическим приемом, основанным на эффекте «обманутого ожидания» [Галимулина 1987: 77]. Эффект обманутого ожидания создается вследствие неожиданности появления заимствований, благодаря чему читательское внимание фиксируется на иноязычной единице и передаваемой ею информации.

При рассмотрении функционирования необычных сочетаний слов в тексте И.Р. Гальперин отметил их роль в деавтоматизации языкового кода, поскольку нетипичная для русского языка сочетаемость единиц заставляет читателя переключать внимание на их значение. По мнению И.Р. Гальперина, этот процесс наиболее выражен на лексическом уровне, что «определяется привычными представлениями о содержательной стороне слова, отражающей связи и отношения объективной действительности. Выработанный автоматизм соединения единиц кода заставляет подвергнуть значение одного из компонентов переосмыслению для того, чтобы сохранить структурное соотношение единиц кода» [Гальперин 1978: 63]. Это еще раз подчеркивает мысль о том, что слова и словосочетания иноязычного происхождения неизбежно привлекают и акцентируют внимание читателя, а их использование в тексте служит определенным целям.

Несмотря на нейтральный характер некоторых иноязычных единиц с точки зрения экспрессивности, в условиях речевого общения (в определенном лексическом окружении) под влиянием контекста возможно формирование дополнительных стилистических характеристик заимствованного слова. Языковые единицы, составляющие текст, воздействуют на иноязычные элементы, заставляют приспосабливаться к новому стилю, в результате чего заимствования получают конкретное семантическое наполнение, реализованное в определенном контексте, сохраняя при этом эмоционально-оценочную окраску. Экспрессивное значение, которое приобретают заимствования в тексте, оказывается возможным «благодаря стилистическому смешению разнородных, стилистически несоединяемых единиц», которые достаточно легко усваиваются контекстом, обеспечивая читательское внимание [Зорько 1987: 64]. Контекстное значение иноязычных единиц включается в декодирование всего художественного произведения.

В процессе адаптации заимствованных лексем в русском языке возможна утрата экзотического оттенка значения и сопровождающей его стили-

стической окраски или, напротив, приобретение ими постоянной экспрессивной оценки в принимающем языке. Современные исследования свидетельствуют о том, что заимствованные слова активно эволюционируют в русском языке, они «претерпевают изменения объема значения и способны приобретать коннотации, отсутствующие в языке-источнике» [Веренич 2004: 6].

Метод трансформации позволяет судить, насколько эффективным является введение слов иноязычного происхождения в русский текст. При замене их соответствующими эквивалентами теряется выразительность контекста, хотя смысл высказывания остается неизменным. Творческое использование автором иноязычной лексики добавляет тексту особую образность, экспрессивность, обогащает русский текст, вносит в русский литературный язык точность выражения, придает некоторую высококость, официальность.

При анализе употребления заимствований в идиостиле писателя необходимо рассмотреть вопрос об их роли в процессе создания стилистического эффекта, то есть определить стилистическую функцию. В современной лингвистике под стилистической функцией понимают «роль (значение или назначение) языковых средств, которая предопределяет создание стилистического эффекта в тексте» [Романов 2000б: 111]. В рамках данного исследования понятие стилистической функции заимствований будет рассматриваться как творческая реализация данных языковых средств в тексте для выполнения художественно-выразительной нагрузки в соответствии с художественным заданием.

Анализ практических работ по изучению функционирования иноязычных лексем в текстах [Васильев, Савина 2000; Дьяков, Скворецкая 2000; Корчевская 2000; Романов 2000б; Щитова, Некрасова 2001] обнаруживает их полифункциональность и использование автором в самых разнообразных целях.

1. *Номинативная* (репрезентативная, семантическая, информативная) функция заимствований самая распространенная. Она связана с необходимо-

стью обозначения предметов и явлений, отсутствующих в русском языке или их выделения. В номинативной функции заимствования выступают репрезентантами отдельных реалий – предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории определенной страны, дают возможность описать окружающую действительность, отраженную в языковом сознании писателя. Процесс заимствования в этих случаях осуществляется по принципу денотат-сигнификат. Отличительной характеристикой реалий в плане содержания исследователи называют «тесную связь референта – обозначаемого реалией предмета, понятия, явления – с народом (страной), племенем или, реже, с другой социальной общностью, с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой; отсюда соответствующий национальный (местный) и/или исторический колорит» [Влахов, Флорин 1980: 30].

Хотя заимствования в данной функции могут быть лишены экспрессивной окраски, они придают описываемым явлениям реальность, точность и национальный колорит. Кроме того, их иноязычная маркированность вносит дополнительную информацию о происхождении, выражает определенную экзотичность. Таким образом, можно утверждать, что номинативная функция иноязычных элементов перекликается с функцией «создания местного колорита» или «экзотической», в которых иноязычные слова используются для знакомства читателя с явлениями чужой культуры.

2. Функция *речевой характеристики персонажей* (характерологическая) представляет собой традиционное использование иноязычной лексики в качестве характеристики словоупотребления отдельных героев. Языковые единицы в данной функции «не только отражают внешний материальный мир, воспринимаемый субъектом речи, но и помогают формулировать его мысли, выводы относительно поступков, поведения, чувств, взаимоотношений людей, его окружающих, т.е. осуществляют эффект мыслеобразующей функции» [Лобанов 2003: 141].

Исследователи отмечают данную функцию заимствований еще в дореволюционных текстах, где чужеродные вкрапления характеризовали «мещанско-обывательскую речь, которая являла собой смешение языков французского с нижегородским. Упрощенная транскрипция русскими буквами подчеркивала плохое произношение, нередко соединявшееся с плохим пониманием» [Бабкин 1970: 238].

В рамках данной функции возможна передача репрессивного значения – подчеркивания собственного превосходства с целью унижить партнера по коммуникации [Дьяков, Скворецкая 2000] и эстетического значения, когда заимствования используются персонажем в качестве украшения речи с целью привлечения внимания окружающих к собственной персоне, стремления подчеркнуть собственную значимость и превосходство [Щитова, Некрасова 2001].

С характерологической функцией тесно связана социально-стилистическая функция, которая проявляется в преимущественном использовании иноязычных лексем в речи определенных социальных слоев. К ним можно отнести речь русских эмигрантов, представляющую собой особую территориальную разновидность русского языка, и молодежный социолект, где иноязычные лексемы продуктивно используются для придания высказыванию большей экспрессивности, новизны, некоторой небрежности или для повышения социального престижа говорящего [Борисова-Лукашанец 1983: 118].

3. *Эмотивная, или оценочная*, функция проявляется в «выражении оценочного и эмоционального отношения субъекта речи к тому, что происходит во внешнем и внутреннем для него мире» [Щитова, Некрасова 2001].

Использование заимствований в оценочной функции обусловлено переосмыслением значения нейтральных заимствованных лексем под влиянием контекстуальных факторов, в результате чего у иноязычного неологизма появляется окказиональная оценочность, приобретаются коннотативные значе-

ния. Окружающий контекст и тематика произведения подготавливают читателя к адекватному восприятию иноязычной единицы. Контекстное окружение иноязычной единицы, его семантический и тематический характер оказывают существенное влияние на коннотации заимствованной лексики, так как в контексте «одно слово семантически взаимно определяет другое, то есть каждое служит семантическим контекстом другому» [Уфимцева 1968: 83].

Исследователи отмечают, что во многих случаях оценочная функция определяется престижностью иноязычного слова, которое, будучи отчасти непонятным носителю русского языка, служит символом учености или ассоциируется с более привлекательным образом жизни [Крысин 1996: 147].

4. Функция *языковой игры* проявляется в использовании заимствований для создания комического; данная функция реализуется через приемы языковой игры, в которых заимствования могут передавать шутку, насмешку, иронию, сарказм [Изюмская 2000; Романов 2000б].

5. *Эвфемистическая* функция иноязычной лексики отмечается многими исследователями. Заимствования в этой функции позволяют выразить суть явлений более завуалированно, непрямым смягченным способом [Крысин 1996, 1998; Васильев, Савина 2000; Романов 2000б].

6. Функция *авторского самовыражения* – «позволяет писателю более точно выразить свои мысли, показать знание иностранных языков, избежать использования привычных слов» [Васильев, Савина 2000: 103].

Данные функции заимствований выявлены в зависимости от их назначения и роли в тексте: служат ли они целям номинации для обозначения иностранных реалий, не имеющих соответствий в родном языке, заполняя при этом определенную лакуну текста, или являются стилистически маркированными элементами, используемыми для дифференциации уже имеющихся понятий и создающими противоречие между «чужим» и «своим». Автор художественного произведения при этом исходит не только из принципа эко-

номии языкового материала, но и основывается на художественных принципах, создающих с помощью заимствованных единиц дополнительную насыщенность текста.

1.4. Прагматические особенности заимствований

К постановке проблематики данного исследования непосредственное отношение имеет изучение прагматических особенностей заимствований, функционирующих в определенном социальном контексте, направленных на побуждение реципиента к восприятию и интерпретации высказывания в соответствии с намерениями адресанта. Изучение заимствований с позиций прагматического подхода предполагает не только стилистический анализ словоупотребления, но и позволяет рассмотреть функциональные особенности использования заимствований, специфику их семантики и роль в акте коммуникации. Функционально-прагматический аспект изучения употребления иноязычных элементов позволит выявить их роль и значение в процессе восприятия текста. Изучение функционирования заимствований в тексте с точки зрения коммуникативного предназначения и социальной деятельности человека осуществляется с опорой на сущность языкового знака и прагматические основы словоупотребления, что предполагает анализ социально-коммуникативных условий общения и принципов отбора иноязычных лексем, которые являются социально детерминированными и лингвистически обусловленными. Выбор и использование иноязычных лексем определяются лингвистическими и экстралингвистическими факторами, сводящимися к коммуникативно-прагматическим целям говорящего.

Как известно, процесс коммуникации находит свое выражение в тексте. Порождение текста в ситуации реальной коммуникации обуславливает необходимость учета и изучения тех факторов, которые влияют на процесс его возникновения, формирования и выполнение конечной цели коммуникации –

осуществления воздействия на адресата. Для достижения коммуникативной цели автор выбирает определенный тип текста, характеризующийся прагматической функцией. Коммуникативно-прагматическое назначение или функция текста, его тип накладывают специфический отпечаток на природу, отбор и функционирование языковых элементов, образующих его систему.

Художественный текст в силу своей специфики характеризуется определенной прагматической направленностью, которая включает в себя несколько аспектов, учитывающих: 1) отношение адресанта к объекту коммуникации; 2) категории адресанта и адресата; 3) прагматическую установку; 4) прагматическое содержание и прогнозируемый прагматический эффект.

Одной из центральных категорий в прагматике является категория субъекта коммуникации, которая реализуется в теме произведения, в образах автора и персонажей, в наборе лексических средств. Как отмечал М.А. Багдасарян, «индивидуальность видения мира писателем проявляется на всех уровнях иерархически организованной структуры художественного текста, специфика этого видения обуславливает отбор писателем тех речевых средств, которые дают ему возможность наиболее ярко выразить свои творческие замыслы» [Багдасарян 1986: 5].

Личность автора имеет существенное значение для лингвопрагматического анализа текста. Характеристику языковой личности писателя можно получить через анализ языковых средств его произведений. Среди всех возможных языковых средств автор использует только те, которые соответствуют его коммуникативным интенциям, художественному вкусу и могут быть поняты определенным кругом читателей, так как иначе его замыслы останутся нереализованными. Особую важность при этом представляют факторы, объясняющие предпочтительное использование автором того или иного элемента речи. Автор стремится создать реалистичную картину речевого общения: он вносит собственные коррективы в речь персонажей, выделяет те черты, которые кажутся ему наиболее типичными и характерными в отображае-

мых социально-коммуникативных ситуациях. Для реализации прагматической установки текста и создания системы художественных образов и оценок автор выбирает наиболее уместные с его точки зрения, нейтральные или, напротив, прагматически и стилистически маркированные единицы.

С личностью автора непосредственно связан состав иноязычных лексем, приемы и способы их введения в текст, которые определяются конкретными социально-психологическими факторами: образованием, культурным уровнем, языковыми вкусами и особенностями стиля писателя, требующими от него тонкого языкового чутья.

В отборе языковых средств существенная роль принадлежит прагматическому компоненту значения. Под прагматическим значением заимствования исследователи понимают «функциональные свойства его словарной и ситуативной семантики» [Пастухова 1987: 10]. Словарная семантика иноязычных лексических единиц несет в себе функциональный потенциал слова, который реализуется в процессе коммуникации в определенном контексте и включается в высказывание. С данным определением прагматического значения перекликается понятие прагматического аспекта, который представляет собой «часть лексического значения, выражающую информацию о коммуникативной ситуации» [Беляевская 1987: 41]. Информация, передаваемая прагматическим аспектом, может выражать сведения: 1) о времени и месте коммуникативной ситуации, представленных при помощи значения слова, указывающего на положение говорящего или время действия; 2) об участниках ситуации при помощи используемых ими языковых средств; 3) о содержании дискурса, о взаимоотношениях адресанта и адресата; 4) о стиле коммуникативной ситуации и соотношении стиля с содержанием. По мнению Е.Г. Беляевской, практически каждое слово в языке является стилистически маркированным, так как несет прагматическую информацию о стиле, в котором оно может быть употреблено [Там же: 41–43].

В силу своих лингвистических особенностей заимствования обладают прагматической направленностью и привлекают внимание читателя. Прагматический аспект иноязычных единиц может содержать информацию о месте действия, участниках ситуации, об определенном социуме, и индивидуальном стиле писателя.

Функционирование иноязычных слов и выражений, введенных в художественный текст в соответствии с замыслом автора, подчиняется реализации прагматической установки – оказания воздействия на читателя, его мысли, чувства, эмоции, вследствие чего иноязычные элементы приобретают в контексте определенную коммуникативную или прагматическую нагрузку. Вслед за В.А. Лихолетовым под прагматической нагрузкой иноязычных единиц мы будем понимать «создание у адресата-читателя субъективного эмоционально-оценочного отношения к изображаемым событиям, действующим лицам, их поведению, поступкам и т. д.» [Лихолетов 1991:92]. Прагматическая нагрузка иноязычных единиц может быть представлена непосредственно (с помощью эксплицированной оценки) или опосредованно (с помощью ассоциативных средств). Характер использования заимствований в значительной степени зависит от тех непосредственных целей и задач, которые ставит перед собой автор произведения. Стремясь оказать воздействие на эмоции адресата и активизировать его внимание, он наполняет текст экспрессивно окрашенными иноязычными элементами.

Изучение произведений литературы не может осуществляться также без учета социальных детерминантов, которые обуславливают отбор языковых средств в произведении. Социально-коммуникативный подход к анализу художественного текста позволяет изучить лингвистические средства (направленные на отображение национально-культурной действительности, отбор и употребление которых осуществляется под воздействием социально-коммуникативных факторов) и социальный контекст, в рамках которого реализуется коммуникативное воздействие [Азнаурова 1988: 92]. Кроме того,

социально-коммуникативная установка дает возможность судить о количественном и качественном составе иноязычных элементов, использованных в речи представителей различных социальных групп, и отображает коммуникативную ситуацию внутри группы.

Структура общества, окружающего субъекта и адресата коммуникации, неоднородна. Она может быть представлена различными классами и социальными группами – следовательно, язык, направленный на обслуживание потребностей общества, характеризуется определенными вариациями. А.И. Мельников указал на существование в тексте художественного произведения социальной вариативности, представленной в двух измерениях: вариативность стратификационная, определяющая различия социального статуса участников коммуникации, и ситуативная, включающая в себя обстановку, в которой происходит общение, его содержание, установку, ролевые отношения [Мельников 1981: 158].

Стратификационная и ситуативная вариативность взаимосвязаны. Речевые различия между представителями различных социальных слоев и групп взаимодействуют с различиями, возникшими под влиянием социально-коммуникативной ситуации. Под влиянием данных взаимодействий языковой материал претерпевает разного рода изменения. Языковыми и речевыми показателями данных видов социальной вариативности являются «социолингвистические переменные» [Швейцер 1982: 40], в качестве которых могут выступать языковые единицы, в частности, лексемы. Яркими социально-лингвистическими маркерами в этом отношении являются заимствования.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что высокий прагматический потенциал заимствований достигается благодаря сохранению лингвистической и ассоциативной связи с языком-источником, с одной стороны, и вхождению в систему русского языка путем использования в тексте для построения конкретных высказываний в процессе коммуникации, с другой. В художественном тексте, где доминирующую роль играют лексические сред-

ства русского языка, иноязычные элементы вступают в парадигматические отношения с исконной лексикой, получают в русском контексте новые оттенки значений и используются для формирования коммуникативной цели высказывания. Изучение прагматического аспекта иноязычных лексем существенно необходимо для выявления их потенциала и особенностей реализации в тексте. Учет этих данных имеет большое значение для декодирования прагматической направленности, необходимой для понимания текста, его анализа, характеристики персонажей и образа автора.

1.5. Заимствования и литературно-художественный билингвизм

Использование иноязычных элементов в художественной литературе требует от автора тонкого языкового чутья, знания особенностей и закономерностей их употребления, семантических и стилистических оттенков значений, то есть предполагает высокую степень владения писателем иностранным языком. «Владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения» представляет собой явление билингвизма [Розенцвейг 1972: 4].

Следует учитывать, что понятие «билингвизм» непосредственно взаимосвязано с языковыми контактами и процессом взаимодействия языков. Однако, как справедливо отмечает Г.П. Ильяшенко, языковой контакт является более емким понятием, чем билингвизм, поскольку «языковые контакты могут проявляться и на базе общего процесса билингвизма, и на базе контактов между литературами, между культурами, посредством переводов и в результате индивидуально-спонтанных контактов в различных стилях, в художественной литературе» [Ильяшенко 1970: 27].

Современная лингвистическая наука признает национальное своеобразие каждого языка и литературы, наряду с этим ряд исследователей рассматривает дальнейшее развитие литератур по пути слияния: «У нас есть доста-

точно оснований предполагать, что двуязычие и многоязычие в ближайшем будущем станут рассматриваться как очевидное и нормальное явление в литературном творчестве у народов очень многих стран» [Алексеев 1981: 17].

Проблема двуязычия может быть представлена в разнообразных аспектах. Одним из видов проявления двуязычия является билингвизм литературно-художественного творчества. Писательский билингвизм представляет собой редкое и неординарное явление. Вопрос о билингвизме ряда писателей привлекал внимание многих литераторов и языковедов, исследованиям на эту тему посвящены работы Н.В. Михайловской (1979), Р.Ю. Данилевского (1981), П.Р. Заборова (1981), Ю.Д. Левина (1981), Й. Станишича (1981), Ш. Мазанаева (2002) и др. На раскрытие особенностей этой проблемы направлен ряд диссертационных исследований: Ж.Н. Масловой (2001), К.В. Балеевских (2002), Е.А. Чигирина (2002) и др.

Изучение особенностей литературно-художественного билингвизма представляет собой комплексную проблему, при анализе которой необходим учет лингвистического, социального и психологического аспектов.

Лингвистический аспект изучения двуязычия затрагивает анализ структур и структурных элементов двух языков, их взаимовлияние, взаимодействие и взаимопроникновение на разных уровнях языка. Результатом взаимодействия языков является отражение двух языковых систем в языковом сознании писателя-билингва и функционирование иноязычных слов и словосочетаний в его языке, с помощью которых автор стремится подчеркнуть свою принадлежность к языковому обществу и ассимилированность в нем.

Анализ социального аспекта двуязычия обуславливается необходимостью изучения определенных социальных факторов, которые лежат в основе проявления билингвизма и отражают потребность в коммуникации между отдельными социальными слоями этнического коллектива или всего коллектива в целом.

При анализе двуязычия необходимо учитывать *психологический аспект* данного явления, который направлен на изучение механизма языкового взаимодействия. В данном аспекте изучаются психические механизмы речевой деятельности на иностранном языке, влияние билингвизма на личность, особенности усвоения языка в детском и зрелом возрасте. В научной литературе это направление представлено исследованиями Е.М. Верещагина, рассмотревшего двуязычие как «психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [Верещагин 1969: 134]. Согласно данному определению двуязычие писателя предусматривает не только факт владения языком, но и предполагает порождение самостоятельного высказывания.

Как известно, процесс взаимодействия языков в речи билингва может осуществляться по-разному. Используя терминологию У. Вайнрайха, можно утверждать, что у писателя-билингва в процессе творчества осуществляется переключение кода [Вайнрайх 1972: 28]. Оно имеет место в тех случаях, когда автор пользуется попеременно одним или другим языком в рамках одного и того же речевого акта в зависимости от требований ситуации. Переключение кода обусловлено условиями коммуникации, на которые могут влиять смена адресата, изменение роли говорящего и тема общения. При изучении механизма переключения кода А.Д. Швейцер указывал, что в этом случае «социально значимым является не выбор тех или иных языковых единиц, а выбор того или иного языка, предпочтение одного языка другому в определенной социальной ситуации» [Швейцер 1982: 46].

Осмысление проблемы литературно-художественного билингвизма предполагает изучение роли иностранного языка в биографии писателя и факторов, заставляющих писателя создавать произведения на неродном языке, переходить в чужую языковую систему и отказываться от родного языка.

Причины, обусловившие обращение авторов в своем творчестве к иностранному языку, могут быть самыми разнообразными, как правило, они связаны с индивидуальной биографией.

Среди внешних факторов можно выделить воспитание в семье, где родным языком наряду с русским был иностранный. В этом случае использование иностранного языка писателем объясняется его личными лингвистическими или культурными пристрастиями. Характерным примером, подтверждающим роль семейного билингвизма в литературе, может служить творчество М. Цветаевой, В. Набокова (подробнее об этом см. Чигирин 2002; Напцок 2001).

Другим фактором, побудившим писателя использовать иностранный язык, исследователи называют потребность более широкого самовыражения и самоутверждения [Балеевских 2003: 234]. Эта причина литературно-художественного билингвизма получила широкое распространение в советский период, когда в литературе народов СССР сложился особый тип русско-национального двуязычия, при котором писатели национальных республик обращались в своем творчестве к русскому языку. Причины этого обращения заключались в «стремлении национальных авторов приобщиться к мировой литературе и культуре, к культурным и литературным традициям русского народа, облегчить процесс коммуникации» [Мазанаев 2002].

Кроме того, чтобы побудить писателя творить на неродном языке, необходимы особые обстоятельства, главным из которых является проживание в стране, где распространен чужой для писателя язык. Таким образом, еще одной причиной творчества на иностранном языке может служить эмиграция, вызванная идеологическими, политическими, экономическими или иными соображениями. Для многих отечественных писателей современности мотивом, побудившим к эмиграции, послужило неприятие существовавшего языкового стандарта. Жизнь за рубежом обеспечивала свободу творчества, отсутствие запретов и цензуры, как отмечает Ю.Н. Караулов, «зарубежье в

этом отношении снимало запреты и позволяло говорить и писать именно то, что человек хочет, не прибегая к эзоповскому языку, эвфемизмам и прочим маскировочным средствам» [Караулов1992: 6].

Принимая во внимание вышеизложенные причины, можно утверждать, что творчество на ином языке или введение элементов иностранного языка в ткань художественного произведения характерно для определенных моментов в жизни писателя. Они могут быть связаны со склонностью автора к восприятию новой культуры, со средой проживания писателя, с той средой, в которой развивалась авторская индивидуальность. По мнению исследователей, «для того, чтобы полноценно писать на языке другого народа необходимо приобщение к судьбе этого народа. Таким образом создается сплав разных национальных культур ... познавая действительность, узнавая другой народ, другую страну, двуязычные авторы на неродном языке, как правило, воплощают судьбу и тему своего народа. Для многих из них творчество – единственная связь с родиной» [Станишич 1981: 157].

Случаи писательского билингвизма предполагают владение не только устной, но и письменной формой иностранного языка, поэтому изучение проблемы авторского двуязычия в основном ограничивается материалом литературных текстов, созданных писателем. Анализ этих текстов позволит сделать вывод о соотношении языков в творческом сознании писателя, установить, какой язык он знает лучше и глубже, использует шире и полнее. О том, какой язык доминирует в творчестве писателя, свидетельствуют его собственные высказывания и объективные данные о том, как часто, в каких случаях и в какой форме автор прибегал к иностранному языку.

В русской литературной критике существует мнение, что писатель не может равноценно владеть двумя языками и использование родного языка более полное и глубокое, оно влияет на характер творческого использования иностранного языка [Федоров 1971: 183]. Безусловно, знание двух или нескольких языков не может быть абсолютно одинаковым. Следует добавить,

что степень овладения иностранным языком может варьировать и в отдельных случаях достигать совершенства.

Рассматривая литературно-художественное двуязычие, необходимо уточнить степень владения вторым (иностраннм) языком в контексте литературного творчества. Достаточно часто иностранный язык может использоваться параллельно с родным, при этом автор сочетает элементы двух языковых систем в своих произведениях, в некоторых случаях иностранный язык может полностью вытеснить родной как в процессе творчества, так и в акте коммуникации. Обращение к иностранному языку в литературном творчестве предполагает наиболее высокий уровень владения, при котором иностранный язык применяется не только для передачи предметно-логической информации, но и в определенных стилистических целях. В.В. Кабакчи предлагает использовать в этих случаях понятие «иноязычное общение по программе максимум», при котором говорящий или пишущий, помимо передачи основной информации, стремится оказать воздействие на эмоции адресата, наполнить текст стилистическим оформлением. Характерной особенностью стилистически окрашенного иноязычного общения В.В. Кабакчи считает введение в текст иноязычных слов и фразеологических оборотов, заимствованных из языка внешней культуры: «Искусство наложения языка на внешнюю (иноязычную) культуру заключается в том, чтобы в ходе максимального использования потенциальных возможностей языка общения, предельного напряжения его норм, а порою и нарушения их посредством введения в текст элементов другого языка и пр. создать картину иной культуры, доступную для восприятия адресата» [Кабакчи 1990: 36].

Анализ литературно-художественного билингвизма позволяет выделить определенные специфические черты, отличающие его от других видов билингвизма. Вслед за Н.Г. Михайловской можно отметить следующие характеристики литературно-художественного билингвизма: 1) индивидуальность, при этом имеется в виду конкретное лицо, использующее двуязычие

как метод писательской деятельности; 2) принадлежность данного типа к информативной среде языка в отличие от коммуникативной; 3) необязательность непосредственных контактов коммуникативного порядка; 4) главная и основная ориентация на нормы языка, на котором написаны художественные произведения [Михайловская 1979: 61]. Приведенные характеристики билингвистического художественно творчества акцентируют внимание на факте использования иностранного языка, создающего творческую неповторимость писателя и отличают его произведения от творчества писателей монолингвов.

В результате взаимодействия или параллельного существования двух языков в творчестве писателя-билингва создается некое слияние, при котором иностранный язык становится существенным фактором, неотделимым от языкового сознания писателя. Сочетание родного языка с элементами иностранного в языковой практике писателя-билингва ведет к тому, что в результате формируются новые художественные приемы, позволяющие выразить творческую индивидуальность писателя и способствующие появлению нового специфического индивидуального языкового стиля. Билингвистический текст сочетает элементы двух языковых систем и имеет, по мнению исследователей, «двухмерное измерение, обусловленное двумя основными компонентами билингвизма, в условиях взаимодействия которых он составлен» [Дешериев 1976: 31].

Специфика художественного творчества на иностранном языке может находить отражение на уровне употребления слов и условий их функционирования. Важным при этом является качественный показатель: «В силу индивидуальности билингвизма в сфере художественно-литературной деятельности его специфику составляет не столько количественный признак, сколько качественный, соотносимый с языковыми и стилевыми особенностями мастерства автора» [Михайловская 1979: 61].

Существенным представляется решение вопроса об оправданности, уместности и необходимости использования элементов иностранного языка в

произведениях писателя. Художественное творчество на иностранном языке вызывает различные взгляды о месте подобных произведений в национальной литературе, об адекватности формы выражения содержанию описываемого, о том, насколько средства иностранного языка позволяют сохранить в произведении национальную специфику и отразить окружающую действительность. Детальное рассмотрение всех этих вопросов возможно при анализе культурного и языкового фактора в писательском творчестве.

Изучение особенностей использования заимствований в художественном тексте позволяет сделать вывод о специфической природе их функционирования как особых коммуникативных единиц, обладающих определенной лексической, семантической и стилистической нагрузкой. Анализ лингвистических работ показывает, что отбор и функционирование иноязычных лексем находятся в непосредственной зависимости от личности автора, его стремления оказать определенное воздействие на читателя, донести до него авторский замысел в наиболее полной степени. Использование потенциала двух языков позволяет писателю более полно отобразить национальную действительность и национальные характеры, проследить связь с психологией, культурой, бытом, традициями и мировосприятием другого народа.

Глава 2. Заимствования как компонент идиостиля В. Аксенова

2.1. Функции заимствований

В. Аксенов продуктивно использует в текстах своих произведений многочисленные заимствованные слова и словосочетания, обеспечивающие передачу предметно-логического содержания и экспрессивной информации. В художественном тексте иноязычные элементы взаимодействуют с другими текстовыми единицами и используются автором с самыми разнообразными целями: они обогащают язык писателя, устанавливают смысловые и ассоциативные связи между словами, выражают авторское отношение к описываемой действительности. Существенный удельный вес иноязычных слов и словосочетаний ставит проблему их классификации в зависимости от выполняемых в тексте функций. Анализ заимствований в языке писателя позволил выявить следующие функции: номинативную, функцию речевой характеристики, социально-стилистическую, экспрессивно-оценочную, эвфемистическую, игровую, рифмообразующую и функцию авторского самовыражения, которые будут рассмотрены ниже.

2.1.1. Номинативная функция

(предметно-тематическая классификация)

При описании инороссийской действительности автор неизбежно сталкивается с необходимостью номинации предметов и явлений, отсутствующих в русском языке. С этой целью в ткань текста активно вводятся иноязычные лексемы, выполняющие номинативную функцию. Лексика данной группы не имеет адекватных эквивалентов в русском языке и выступает, как правило, единственным обозначением соответствующих предметов.

Единицы данной группы объединены на основе общего критерия: репрезентации средствами языка выделенных в акте номинации объектов. Объекты или материально существующие вещи, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, представляют собой, по определению некоторых исследователей, реалии [Влахов, Флорин 1980: 47]. Будучи непосредственно связанными с окружающей действительностью, реалии выступают языковыми единицами ее художественного отображения в тексте.

Отсутствие в русском языке реалий американской действительности приводит к возникновению своеобразной лакуны. Термин «лингвистическая лакуна» используется для обозначения тех случаев, когда ситуации, характерные для культуры одного народа, отсутствуют в культуре другой языковой общности. В лингвистической литературе лакуны рассматриваются как «следствие неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности, в следствие чего не всегда возможно дополнить опыт одной лингвокультурной общности опытом другой лингвокультурной общности» [Сорокин 1977: 123].

Для заполнения культурологических лакун, вызванных отсутствием номинантов для слов, обозначающих этнические и культурные понятия, В. Аксенов продуктивно использует заимствования, апеллирующие к фоновым знаниям читателей. В подавляющем большинстве случаев в текстах В. Аксенова представлены абсолютные лексические лакуны, которые «связаны с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом понятие, лексически зафиксированное в другом языке» [Леонова 1984: 70].

Актуализируясь в художественном тексте, заимствования передают информацию о действительности в соответствии с идейным замыслом произведения, его эстетической заданностью.

Предметно-семантический анализ лексики данной группы позволяет выявить роль заимствований в формировании картины, отражающей жизнь современной Америки. Соединение иноязычных единиц в пределах данной функции образует три крупных блока реалий, объединяющих заимствования по общности типовой ситуации: реалии повседневного быта, общественно-политической жизни, географические наименования и антропонимы.

I. Тематическая группа повседневного быта характеризует жизнь, материальную и духовную культуру Соединенных Штатов. Данная группа наиболее многочисленна и предполагает дальнейшие подразделения.

1. Закономерно употребление наибольшего числа заимствований в семантической подгруппе «дом/квартира/жилье»:

- «снимает огромный *лофт*» (от англ. loft – чердачные помещения, постройки на крыше, переделанные под квартиры, студии) [«В поисках грустного бэби»: 24]; «*двухbedренный апартамент*» (от англ. two bedrooms – две спальни) (здесь и далее в цитатах перевод В. Аксенова) [«В поисках грустного бэби»: 26]; «платить “*рент*¹” за квартиру» [«В поисках грустного бэби»: 101] и др.

В целом заимствования данной семантической группы типичны для речевого узуса русских эмигрантов. Исследователи объясняют это одной из насущных проблем русских людей в Америке – поиском жилья [Эндрюс 1997: 21; Земская 2001: 186].

2. Высокочастотны случаи использования в произведениях наименований напитков и продуктов питания национальной кухни:

- «жуя *чиз-кейк*²» [«В поисках грустного бэби»: 77]; «все эти *пинат баттеры*³, кетчупы» [«В поисках грустного бэби»: 120]; «тележка с *хот-догом*⁴» [«Ожог»: 113] и т. д.

¹ от англ. **rent** – арендная плата (здесь и далее в сносках перевод мой – Н. К.).

² от англ. **cheese-cake** – сырный пирог.

³ от англ. **peanut butter** – арахисовое масло

⁴ от англ. **hot dog** – горячие сосиски.

3. Частотны случаи употребления названий дорог как одной из составляющих частей городской жизни в Америке. Номинация дорог не столь характерна для повседневного русского языка, в котором отсутствуют соответствующие наименования, поэтому автор прибегает к английским лексемам:

- «по *фривею*¹» [«В поисках грустного бэби»: 198]; «возле *beltway*² 695» [«В поисках грустного бэби»: 225]; «по *хайвею*³ № 95» [«В поисках грустного бэби»: 191]; «на *тернпайке*» (turnpike – выезд на шоссе, разворот) [«Кесарево свечение»: 204] и др.

4. Многочисленна группа наименований иностранных средств передвижения:

- «останавливается *вэн*» (van – фургон) [«В поисках грустного бэби»: 87]; «патрульный *кар*⁴» [«В поисках грустного бэби»: 44] и т. д.

5. В номинативной функции использованы формулы речевого этикета, общеизвестные устойчивые слова благодарности, приветствия, прощания. Их употребление служит целям характеристики быта определенного народа:

- «– *Good morning!*⁵ – Она не отвечает» [«В поисках грустного бэби»: 37]; «– *Хей*⁶, – сказал атакующий женский голос» [«Желток яйца»: 90]; «вот так запросто сказать *гуд морнинг* проходящему юноше» [«Желток яйца»: 77] и т. д.

Отдельные лексемы данной группы продуктивно используются в качестве полноправных элементов текста даже при наличии соответствующих эквивалентов русского языка. Этот прием активно применяется в тех случаях, когда транскрибированная форма достаточно понятна русскому читателю:

¹ от англ. **freeway** – автострада, многопутная дорога.

² кольцевая автодорога (англ.).

³ от англ. **highway** – шоссе.

⁴ от англ. **car** – автомобиль.

⁵ доброе утро (англ.).

⁶ от англ. **hey** – эй (оклик, выражающий вопрос, радость, изумление).

- «по 23-й *стрит*» [«В поисках грустного бэби»:176], «Бетховен-*стрит*¹» [«В поисках грустного бэби»: 265]; «из третьего *дистрикта*²» [«В поисках грустного бэби»: 176]; «*Сенчури Сити*³» [«Новый сладостный стиль»: 225] и т. д.

Использование иноязычных наименований при наличии соответствующих русских эквивалентов отмечается исследователями как типичное явление для русской эмиграции [Земская 2001: 186]. Эти лексемы, наряду с некоторыми другими, неправомерно было бы рассматривать как авторские неологизмы, поскольку их употреблению в художественном тексте предшествовала длительная письменная фиксация в эмигрантской прессе. Их можно считать полностью усвоенными эмигрантами, хотя они не получили прав литературного употребления и не стали полноправным достоянием нормы современного русского литературного языка.

Тематическая группа предметов быта, представленная в языке В. Аксенова, отражает особенности американской действительности, с которыми сталкивается русская эмиграция. Номинации данной группы продуктивно вводятся в художественный текст и служат единственным средством обозначения соответствующих явлений: они создают эффект естественности, придают выразительность и психологическую правду тексту.

II. Отдельную тематическую группу образуют реалии общественно-политической и экономической жизни Соединенных Штатов.

1. Многочисленные заимствования относятся к семантической подгруппе «образование». Поскольку система университетского образования в Америке существенно отличается от российской, возникает необходимость номинации или перевода отдельных специфических понятий на русский язык. В основном автор использует двойное обозначение понятия с помощью заимствования и сопровождающего его переводного эквивалента:

¹ от англ. **street** – улица.

² от англ. **district** – район, округ.

³ от англ. **city** – город.

- «Ты не возражаешь, если у тебя сегодня будет *outdoor*? – спросила Ольга» (урок на свежем воздухе) [«В поисках грустного бэби»: 220]; «пригласил на годичный *феллоушип*» (членство в научном обществе) [«В поисках грустного бэби»: 63]; «однажды меня пригласили на *creative writing* одного женского колледжа» (писательское мастерство) [«В поисках грустного бэби»: 140] и т. д.

2. Обращают на себя внимание наименования газет и журналов, составляющие значительную тематическую подгруппу:

- «*Месседжеро*» [«Остров Крым»: 70]; «*Геральд Трибюн*» [«Остров Крым»: 71]; «*Балтимор Сан*» [«В поисках грустного бэби»: 223]; «*Комментарии*» [«В поисках грустного бэби»: 254]; «*Роулинг стоунз*» [«В поисках грустного бэби»: 149] и т. д.

3. Продуктивно используются номинации из сферы социальных предметов и явлений, характерных для описываемого этноса:

- «на голливудские *парти*» (*party* – вечеринка) [«В поисках грустного бэби»: 63]; «по программе “*велфер*”» (*welfare* – благотворительность) [«В поисках грустного бэби»: 94]; «о *мортгейджах* мы тогда и понятия не имели» (*mortgage* – первый взнос, рассрочка) [«В поисках грустного бэби»: 40] и т. д.

4. В функции номинации активно употребляются названия фирм и компаний, необходимые для реалистичного описания окружающей действительности и придания колорита картине американского общества:

- «компания “*Парамаунт*”» [«Остров Крым»: 72]; «с новеньким зайчиком “*Плейбой клуба*”» [«В поисках грустного бэби»: 94] и т. д.

5. В текстах произведений В. Аксенова неоднократно приводятся фразы рекламных объявлений, надписей, газетных рубрик:

- «... бесчисленные обувные коробки с клеймом “*Made in Czechoslovakia*”» [«Ожог»: 86]; «вывешивают на своих домах предупреждение “*armed response*” (грабителям будет оказано вооруженное

сопротивление)» [«В поисках грустного бэби»: 24]; «программой под рубрикой “*Capital Shift*” (капитальные изменения)» [«В поисках грустного бэби»: 169] и т. д.

6. Интерес представляет группа наименований лиц различного статуса, типичных для американского социума:

- «явился молодой человек из племени “*яппи*”» (от англ. “YP” – young professionals – молодые профессионалы, интеллектуальная молодежь) [«В поисках грустного бэби»: 171]; «напоминал *аттендант*¹ с автопаркинга» [«В поисках грустного бэби»: 93] и т. д.

7. В целях компрессивной номинации для обозначения общепринятых официальных терминов используются иноязычные аббревиатуры. Включение сокращений в данную группу обусловлено тем, что «они представляют собой втянутые в одно «слово» номинативные сочетания» [Влахов, Флорин 1980: 19]. Необходимость выделения аббревиатур в отдельную подгруппу подтверждается их значительной распространенностью, характерным иноязычным произношением, семантическим наполнением (они могут представлять термины, имена собственные, реалии):

- «... лихо пилотирует *BMW* [«В поисках грустного бэби»: 33]; «самолетом компании *TWA*» [«В поисках грустного бэби»: 8]; «на канале *PBS*» [«В поисках грустного бэби»: 140] и т. д.

Иноязычные аббревиатуры привлекают внимание читателя своей необычной формой, они легко воспринимаются, служат показателем иноязычного происхождения денотата, создают колорит и атмосферу достоверности.

При использовании в художественном тексте данная группа заимствований порождает ассоциации, связанные с Соединенными Штатами и американским образом жизни.

III. Следующую группу образуют антропонимы и реалии, обозначающие названия объектов физической географии, передающие национально-

¹ от англ. **attendant** – служитель.

культурную специфику произведений и создающие специфическую национальную атмосферу. Они направлены на создание дополнительного фона, характеризующего действие, происходящее в Америке:

- *Клаус Габриель фон Дидерховен, Серджо Бугаретти, Уилис Кановер, Густаве Салазар, Бернадетта Люкс, Крэг Уитни* [«В поисках грустного бэби»] и т. д.
- *Гринвич-Виллидж, Дюпон-серкл, Коннектикут-авеню, Дистрикт Колумбия, Вайоминг авеню* [«В поисках грустного бэби»], *Лейк-Плесид, Мэдисон авеню* [«Скажи изюм»] и т. д.

В отдельных случаях неизвестные или малоизвестные иностранные слова в номинативной функции, о значении которых русскоязычный читатель может только догадываться, создают в тексте своеобразную информационную лакуну и вносят ощущение неясности. Автор сознательно не прибегает в этих случаях к разъяснениям и комментариям, за счет чего и достигается цель отстраненности, недосказанности, в то же время подчеркивается индивидуальный стиль персонажа, полностью усвоившего уже законы и нормы иностранной действительности:

- «Валюша Стюрин, который проводил со мной все эти покупки, аккуратно собрал все магазинные квитанции, передал мне и сказал: “Все *реситки*¹ собирай, пригодятся, когда будешь делать *инкамтексри-терн*»², – такую он произнес загадочную фразу» [«Бумажный пейзаж»: 388].

В данном примере иноязычные лексемы оцениваются персонажем как непонятные, смысл высказывания остается затемненным и неясным. Степень непонятности иноязычных слов находится в непосредственной зависимости от уровня владения читателем иностранными языками и языковой интуиции.

¹ от англ. **receipt** – квитанция.

² от англ. **income tax return** – возврат налога на доход.

Лексико-семантический анализ использования иноязычной лексики в номинативной функции позволяет сделать вывод о семантической однозначности как определяющем свойстве данной категории слов, так как иноязычные лексемы заимствуются преимущественно либо от однозначных слов, либо в одном лексико-семантическом варианте многозначного слова. Проанализированные примеры демонстрируют устранение полисемии исконных слов, упрощение их смысловой структуры, что, по мнению исследователей, в целом характерно для процесса заимствования [Крысин 1965: 13].

Анализ перечисленных иноязычных слов и выражений показывает, что номинативная функция заимствований в текстах В. Аксенова – самая распространенная, ее выполняют около 57% иноязычных лексем, объединенных на основе семантической общности – обозначения понятий и реалий, свойственных США. Столь существенный удельный вес иноязычных слов и выражений в номинативной функции обусловлен значимостью данной категории и способствует свободному и разнообразному отражению быта на страницах художественных произведений. Кроме того, помимо номинативной функции, массированное использование заимствований служит целям создания местного инокультурного колорита. Семантическая нагрузка заимствований данной группы, их использование для характеристики американского общества и социума, передачи этнокультурных особенностей для формирования у читателя адекватной картины жизни современной Америки позволяет говорить об уместности употребления заимствованных лексем данной группы. Замена иноязычных номинаций в художественном тексте об Америке и американской действительности лишила бы текст важной логической и семантической целостности, повлияла бы на информационно-коммуникативную функцию, которая существенно возрастает благодаря присутствию заимствований.

Показательно, что заимствования данной группы употребляются в текстах определенной тематической направленности, они свойственны, прежде всего, произведениям эмигрантского периода творчества В. Аксенова, где их

использование отражает языковую ситуацию в русской диаспоре США, характеризуя таким образом писателя как носителя языка. Реалии, употребленные в текстах писателя, обладают двойственным характером: с одной стороны, они широко известны и общеупотребительны в среде русских эмигрантов, с другой стороны, несомненно, обращает на себя внимание их чуждость и непонятность, несоответствие речевому узусу носителей русского языка и культуры.

В произведениях В. Аксенова реалии представлены многогранно и отражают сближение и взаимопроникновение культур в языковом сознании писателя. Они свидетельствуют об овладении культурными ценностями другой страны и освоении различных сторон жизни за рубежом, о знании английского языка и непринужденности общения, характерной для носителя языка.

2.1.2. Функция речевой характеристики персонажей

Использование заимствований в функции речевой характеристики отражает индивидуальное восприятие действительности персонажем произведения или автором. Характерологичность в данном случае проявляется как отражение речевых навыков говорящих. Показательно, что иноязычные лексемы не дают полного представления о месте проживания, профессиональной деятельности, владении персонажем литературным языком, в то же время они позволяют в известной степени судить о некоторых социальных характеристиках персонажа: возрасте, происхождении, образованности.

В этой связи целесообразно разграничить речь нерусскоязычных персонажей, с одной стороны, для которых иностранный язык – естественный способ общения, в данном случае обращение автора к заимствованиям объективно необходимо для реального колоритного изображения, и, с другой стороны, речь русскоговорящих литературных героев, где заимствования не-

сут в себе дополнительную информационную нагрузку. Для характеристики речи персонажей-иностранцев автор продуктивно использует фрагменты речи на иностранном языке. Речь иностранных героев представлена чаще всего в нетранслитерированном виде с сохранением графико-орфографических особенностей языка-источника, подчеркивающих произношение говорящего. Подобным образом автор воспроизводит речь персонажей с большей полнотой и убедительностью. Так, американский нищий, обращаясь к главному герою, говорит:

- “*Could you spare one dollar for me?*” (У вас найдется доллар для меня?). И получив деньги, отвечает: “*Thank you ... I was sceptical about you*” (Спасибо. Вы не внушали мне особого доверия) [«В поисках грустного бэби»: 94].

При описании жизни калифорнийцев автор приводит иноязычные фразы, детали описания, усиливающие эффект достоверности и фиксирующие реальность, с которой сталкивается субъект ситуации:

- «Разъезжаясь с паркинг-лот, кивают друг другу, сердечно напутствуют: “*Drive carefully!*” “*You too!*”» (Правьте осторожно! Вы тоже!) [«Круглые сутки нон-стоп»: 369]; «Сами о себе они говорят: “*We are easy going people*”, мы народ покладистый» [«Круглые сутки нон-стоп»: 367].

Данные примеры демонстрируют прагматику указания на национальную принадлежность субъекта речи и место действия.

Особо следует выделить речь иностранцев, плохо владеющих русским языком. В результате интерференции, порожденной взаимодействием двух языковых систем, возникает контаминированная речь, которая представляет собой «русские лексемы, предложения, отрывки текста на русском языке, оформленные с нарушением его законов или по законам другого языка» [Листрова-Правда 1986: 20]. Контаминированные формы используются как художественный прием для характеристики речи иностранцев:

- «Оба немного говорили по-русски: *«Герл, мы оба перед вами, граф и князь, если вы пжалста. Мы, однак, не надевать воздуха этой озабоченности, гот ит? Южули уи сэй, стоп это разговороу эбаут благородство. Мы больные и усталые ов эти факин благородство. Мы чилдрены Вудстока, если вы пжалста! Ответ ушел до ветру, как ви знайт! По другая рука, гёрл, мы пришел суда ни больше ни меньше, тут наши пэласы были эвейлабл, мы не можем ду бэз наших благородство иллужнз, гот ит? Мы пошел, Ник энд Джин, ту Юниверсити Нороуич брать ёр – лунатически язык. Теперь, гёрл, смотри ризалты»*. И они вдвоем читали небезызвестные стихи: *«Я поумней чудноу мэгновини, перидо мною йявилас ти...»* [«Кесарево свечение»: 121].

Автор имитирует русскую речь иностранцев, воспроизводя ее звучание и особенности языкового строя английского языка. Приведенное высказывание содержит калькированные выражения: *если вы пжалста* (от англ. if you please – с вашего позволения, если вы разрешите), *надевать воздух* (от англ. to put on airs – напускать вид), *по другая рука* (от англ. on the other hand – с другой стороны), *брать язык* (от англ. to take the language – изучать язык) и др.; иноязычные слова и выражения в русской графике (*гёрл, гот ит, южули, уи, сэй, чилдрены* и т. д.) и графоны, актуализирующие фонетические особенности иностранного акцента (*пжалста, однак, разговороу* и т. д.). Подобные контаминированные формы акцентируют внимание аудитории на фонетической, грамматической и семантической сторонах речи. При этом писатель опирается либо на собственное слуховое восприятие, либо на традиционное представление о речи иностранцев.

Заимствования продуктивно используются в речи русских персонажей, хорошо владеющих иностранным языком. Так, употребление франкоязычных элементов в тексте характеризует лиц определенного социального и интеллектуального круга, отражает стремление говорящих к изысканности и утонченности. Использование французского языка в качестве «салонного» можно

объяснить традиционным приоритетом Франции в сфере искусства и культуры. Частотное употребление франкоязычных элементов в речи действующих лиц связано с понятием хороших манер, престижности, принадлежности к социальному кругу лиц, занимающих высокое положение в обществе, соответствует общепринятому представлению о поведении аристократов.

Речь персонажей романа «Кесарево свечение» Герасима Мумуева и княжны Марианны Дикобразовой включает в себя многочисленные французские выражения, характеризующие их как образованных людей, демонстрирует их принадлежность к социальной элите:

- «Видишь что-нибудь?! – крикнул Мстислав. “*Je ne vois rien*”, – откликнулся аристократ» (Ничего не вижу) [«Кесарево свечение»: 7].

Прекрасно владея французским языком, персонажи легко переходят с одного языка на другой:

- «Ну, вот перед вами моя жена Марианна, *nee princesse Dikobrazova*, так та дама, чтоб я так жил, была в два раза больше, то есть лучше. *Ma chere, si viuz conduisez comme toujours, vous finire tres mal*» (урожденная княжна Дикобразова ... Моя дорогая, если вы будете вести себя как всегда, это кончится плохо) [«Кесарево свечение»: 262].

Речь русских персонажей, не владеющих свободно иностранным языком, как правило, представлена в кириллице, при этом создается эффект русского, не типичного для английского языка, произношения, подчеркивается происхождение героя и степень владения языком. Характерологическая функция заимствований в этом случае раскрывает кругозор и фоновые знания субъекта речи:

- «*О'кей, о'кей, ай эм олсоу вери хэпи ту хиа ер войс¹, сэр*» [«Скажи изюм»: 147]; «Слово дворянина! *Ноу информэйшн эбаут хер айденити*» (от англ. *no information about her identity* – никакой информации о ее личности) [«Кесарево свечение»: 162] и др.

¹ от англ. **I am also very happy to hear your voice** – Я тоже очень счастлив слышать вас.

Характерны случаи имитации индивидуальной речевой манеры персонажа, когда наряду с заимствованиями автор использует просторечные и диалектные слова и выражения. В результате подобного сочетания создается определенного рода противоречие, основанное на стилевой дифференциации, что позволяет судить о реальном социальном статусе действующих лиц:

- «Звиняйте, дядя Паша, это Леха *спыкает*¹» [«Кесарево свечение»: 163]; «Эти *инстабильности*² в московской сфере меня *даунрайт*³ заколебали» [«Кесарево свечение»: 441]; «Шо за блонда тебя интересуе, *Беннибой?*⁴» [«Кесарево свечение»: 150]; «Тому, кто нальет хоть полстакана, бля буду, скажу “*сенкью вери мяч*”⁵» [«В поисках грустного бэби»: 166] и др.

Автор воспроизводит отдельные характерные черты индивидуальной языковой манеры того или иного персонажа, где заимствования выполняют речевое задание и включены в портрет говорящих. Сочетание иноязычных, диалектных или сниженных разговорных лексем создает эффект пиджинизации речи. Подобным словоупотреблением автор стремится как можно более ярко и детально охарактеризовать своих героев, не умеющих грамотно построить высказывание.

Употребление заимствований в характерологической функции раскрывает восприятие материального мира субъектом речи, а также показывает его отношение к коммуникативной ситуации.

Заимствования, использованные в характерологической функции, находят широкое распространение в идиостиле В. Аксенова. Они составляют около 23% от общего количества иноязычных элементов, в литературном произведении заимствования нацелены на построение художественного образа и воспроизведения индивидуальной манеры, присутствие подобных

¹ от англ. **to speak** – разговаривать.

² от англ. **instability** – неустойчивость, непостоянство.

³ от англ. **downright** – совершенно, явно.

⁴ от англ. **boy** – мальчик, парень, дружище, старина.

⁵ от англ. **thank you very much** – большое спасибо.

единиц в тексте усиливает эффект реалистичности, придает речи литературных героев естественность и особый колорит.

2.1.3. Социально-стилистическая функция

Социально-стилистическая функция заимствований проявляется в их использовании для раскрытия речевого узуса представителей различных социальных групп. Так при описании молодежной проблематики писатель сталкивается с необходимостью отображения характерных черт языковой коммуникации, распространенных в молодежной среде, то есть с использованием молодежного социолекта.

Для раскрытия особенностей молодежного социолекта автор продуктивно вводит в текст иноязычные слова и выражения преимущественно английской и американской этимологии, типичные для молодежного жаргона. Общеизвестно, что молодежный социолект формируется в результате комплексного воздействия разного рода факторов: возрастных, психологических, социальных – и направлен на реализацию экспрессивной функции языка. Несмотря на наличие стилистически нейтральных эквивалентов в русском языке, иноязычные лексемы продуктивно используются в молодежном сленге, поскольку их цель состоит не в номинации предметов и явлений действительности, а в усилении выразительности высказывания. Исследователи отмечают, что «проникновение англоязычных слов в молодежный сленг происходит путем замены “недостаточно выразительных” русских слов на эффектно звучащие англизмы» [Романов 2000а: 102].

Используя жаргонизмы в тексте, автор создает впечатление, что персонажи стремятся подчеркнуть принадлежность к определенной социальной группе людей, щеголяющих модными, престижными словами, понятными и доступными лишь в малом конкретном социуме:

- «Есть кое-что на горизонте, – сказал я. – *Шузня* появилась, *трузера*, *батонзы*, *белты*¹ ... сами понимаете, нужны конверты» [«Ожог»: 219]; «Слышишь серебряные трубы – Глен Миллер *бэнд!*².. Голубая серенада, 1950 год...» [«Остров Крым»: 37]; «Саблер постоял и послушал голос друга и посмотрел, как *фаны*³ борются у входа с дружиной» [«Ожог»: 16].

Жаргонные слова и выражения, использованные в текстах доэмигрантского периода творчества В. Аксенова, вошли в употребление в 60–70-е годы XX века, когда интенсифицировались международные связи, что способствовало повышению интереса к западному образу жизни. Первые жаргонизмы некоторое время оставались достоянием довольно замкнутых групп молодежи. Именно на этот период приходится молодость и раннее творчество писателя.

Время, развитие языка и общества повлекло за собой обновление лексического состава жаргона, который отражает веяния моды на новые экспрессивные слова. Безусловно, жаргон не может существовать как устойчивая лексическая система, так как каждое поколение вносит в речь новые слова и выражения, поэтому жаргонизмы, использованные в более поздних романах автора, имеют несколько иной характер. Они уже не отражают увлечение иностранными товарами и музыкой, ставшими привычным явлением в постсоветском обществе. Молодежь по-прежнему увлечена западным образом жизни, мода на иностранные слова скорее свидетельствует о сохранении престижа английского языка, желании продемонстрировать знание языка, принадлежность к элитной части общества:

¹ от англ. **shoes, trousers, buttons, belts** – туфли, брюки, пуговицы, ремни.

² от англ. **band** – оркестр.

³ от англ. **fan** – энтузиаст, болельщик, любитель.

- «Ребята! – воззвал я к ним. – Да тут какая-то *мизандерстуха*¹ получается!» [«Бумажный пейзаж»: 306]; «А *кидсы*-то, *кидсы*², просто душа поет!» [«Кесарево свечение»: 526] и т. д.

В приведенных примерах иноязычные жаргонизмы выражают желание молодых людей идти в ногу со временем, раскрывают ценностные ориентации.

Отдельную разновидность социальной дифференциации языка представляет собой речь русских эмигрантов, в которой заимствования играют весомую роль. Сформированные в условиях билингвизма под воздействием английского языка, речевые особенности эмигрантов в ряде случаев характеризуются смешанной речью. Частотное использование заимствований, как правило, типично для лиц, плохо знающих иностранный язык и не умеющих свободно пользоваться им, поэтому говорящие вынуждены прибегать к словам и словосочетаниям родного языка, вследствие чего родная речь оказывается пересыпанной словами и оборотами иностранного происхождения:

- «Ты, Велосипедов, в американском мире еще салага и не знаешь, что у тебя будет *такс-дидактибл*³ и что *такс-недидактибл*. Собирай все бумажки, бля буду, и складывай все в отдельный *бокс*⁴, потом разберешься» [«Бумажный пейзаж»: 393]; «Вначале я, конечно, *имел чувство*⁵, что вряд ли *сделаю концы встречающимися*⁶, но потом быстро обнаружил, что могу заработать себе отличный *ливинг*⁷. Если не возражаешь, друг, давай вместе *доллары делать*⁸» [«Бумажный пейзаж»: 392]; «Однако сначала, поучает меня далее Спартак, нужно тебе выправить *вэл-фэр* (пособие), как моему тестю, не пропадать же деньгам. Я тебе буду

¹ от англ. **misunderstanding** – непонимание.

² от англ. **kids** – дети, малыши.

³ от англ. **tax-deductible** – исключаемый из суммы, подлежащий обложению подоходным налогом.

⁴ от англ. **box** – коробка, ящик.

⁵ от англ. **to have a feeling** – чувствовать.

⁶ от англ. **to make both ends meet** – сводить концы с концами.

⁷ от англ. **living** – средства к существованию.

⁸ от англ. **to make dollars** – зарабатывать деньги.

платить “кашей”, то есть наличными, и от государства будешь каждый месяц иметь чек – неплохо?» [«Бумажный пейзаж»: 393].

Употреблением иностранных слов и идиоматических выражений автор показывает, как представители русской диаспоры стремятся продемонстрировать собственную языковую компетенцию и адаптацию к новой культуре и языковой действительности. Лексическое наполнение речи эмигрантов отражает особенности их жизни, кругозор, фоновые знания. Во многих случаях заимствованные слова оказываются неизбежными и оправданными, поскольку являются более точными, удобными и понятными для окружающих, чем соответствующие русские эквиваленты или их переводы.

Анализ приведенных примеров показывает, что иноязычные элементы, использованные в социально-стилистической функции, характеризуются частотностью употребления в текстах В. Аксенова, образуя около 7% от общего количества заимствований. Они обладают высоким прагматическим потенциалом: помимо непосредственной передачи значения, заключенного в их семантике, иносистемные элементы направлены на реализацию определенной коммуникативной установки писателя: стремления охарактеризовать персонажей, передать дополнительные сведения об их характерах, норме поведения, мировосприятии.

2.1.4. Экспрессивно-оценочная функция заимствований

Экспрессивно-оценочная лексика образует особый пласт литературного языка, она отражает способность адресанта давать оценку предметам и явлениям окружающего мира. По мнению исследователей, оценочные слова представляют богатый материал для обоснования прагматической концепции значения, «будучи прямо связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, они в то же время регулярно употребляются в выска-

зываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

Экспрессивно-оценочный компонент может присутствовать в лексике иноязычного происхождения, поскольку использование заимствований в художественном тексте не ограничивается только передачей информации, с их помощью автор пытается выразить определенные оценки, чувства, эмоции. В связи с этим анализ семантического значения иноязычных единиц необходимо проводить с учетом основных способов реализации прагматических установок писателя, что позволяет рассмотреть его позицию по отношению к предметам и явлениям окружающей действительности. Более того, учет оценочного фактора существенно важен для толкования значения слова, поскольку без него смысл воспринимаемой языковой единицы может не соответствовать творческому замыслу автора.

Следует отметить, что не все иноязычные слова имеют экспрессивные коннотации. Нейтральная в эмоциональном отношении лексика отражает денотативное значение слов: она связана не с актом коммуникации, а с предметом сообщения.

Значение иноязычных лексических единиц, как и русских, обладает определенной структурой, сочетая ассертивный и оценочный компоненты, представляющие собой «описание факта или ситуации действительности – и оценку этого факта (ситуации) говорящими» [Крысин 1992: 65]. При рассмотрении экспрессивной лексики иноязычного происхождения можно выделить лексемы, имеющие в своих семантических значениях эмоционально-оценочные характеристики обозначаемых ими предметов и явлений и сохранившие оценочный компонент языка-источника, лексемы, нейтральные в языке-источнике, но приобретающие стилистическую окраску под влиянием контекста, и группу лексем, экспрессивный компонент которых выражается с помощью словообразовательных средств русского языка.

Лексемы первой группы обладают устойчиво закрепленной за словом эмоциональной окраской. Экспрессивно-оценочный компонент включен в семантическое значение иноязычного слова и заимствуется вместе с лексической единицей, он является общеизвестным и доступным. Иноязычные лексемы в этом случае могут иметь как отрицательную, так и положительную коннотацию:

- «Оба писателя были почтенными грешниками, философами, неряхами, “дарлингами” Европы» [«В поисках грустного бэби»: 8].

Лексема «дарлинг» (от англ. *darling* – *любимец, баловень*) несет в своей семантике положительный эмоционально-оценочный компонент, позитивная оценка слова «дарлинг» является обязательным компонентом денотативного значения.

- «О бастарды, бастарды, – заныл с лестницы Патрик. – Русские бастарды... Неужели у тебя нет холодильника с пивом “Левинбрау”?» [«Ожог»: 79].

Бастарды – от англ. *bastard* – 1) внебрачный, побочный ребенок; 2) груб. ублюдок; 3) помесь, метис, гибрид. Лексема использована в значительно суженом значении, в стилистически сниженном разговорном варианте. Ее отрицательные коннотации используются одновременно в качестве средства номинации адресата коммуникации и передачи отношения к нему. Употребление данной лексемы обусловлено тематикой высказывания и призвано сформировать у читателя определенное отношение. Ассертивный компонент лексем «дарлинг» и «бастард» совпадает с соответствующими английскими прототипами. Анализ контекстуального употребления этих слов обнаруживает усиление оценочной коннотативной части иноязычных лексем за счет денотативных частей значения.

Интересен факт использования иноязычной лексики для передачи эмоционально-окрашенных обращений. Иноязычная лексика используется для более точного выражения мысли, позволяет передать также те нюансы зна-

чений, которые отсутствуют в русском языке. При этом наряду с заимствованиями английского происхождения продуктивно используются слова и словосочетания немецкого и французского языков:

- «Вы правы, *майн либер герр профессор*¹, но можете ли вы назвать что-то еще...» [«Желток яйца»: 148]; «Ах, *гранмаман*², в молодости не всегда знаешь, что тебя ведет» [«Кесарево свечение»: 180].

Использование подобных лексем в художественном тексте соответствует их номинативной функции и характеризуется традиционным употреблением для обозначения определенных понятий. Фиксированная оценка заимствований выступает следствием переноса значения иностранного слова и передает определенные коннотации. Лексеммы данной группы представляют собой незамкнутый ряд, который может пополняться по мере развития языка.

Как правило, иноязычные слова приобретают в языке-реципиенте новую оценку, отличную от языка-источника, поскольку развитие языка, обусловленное развитием общественной жизни, приводит к формированию у слова тех или иных коннотаций. Исследователи отмечают, что «изменения общественного уклада жизни людей способствуют появлению отдельных, наиболее весомых слов в качестве семантических центров, вокруг которых группируются целые ряды других слов и понятий» [Изыумская 2000а: 62].

В связи с этим правомерно говорить о другой группе экспрессивно-оценочных лексем, заимствованных из иностранного языка в нейтральном значении и получивших эмоционально-оценочные коннотации в процессе ассимиляции в языке-реципиенте. В результате переосмысления значения нейтральных заимствованных лексем под влиянием контекстуальных факторов у иноязычного неологизма появляется окказиональная оценочность. Окружающий контекст и тематика произведения подготавливают читателя к адек-

¹ от нем. **mein lieber Herr Professor** – мой милый господин профессор.

² от фр. **grand maman** – бабушка.

ватному восприятию иноязычной единицы. Стилистическая окраска заимствованной лексемы может усиливаться под влиянием контекста:

- «Нью-Йорк напоминает человека, который делает себе шикарный *хэарду* ... прости, что? ну, прическу ...» [«Скажи изюм»: 203].

Хэарду – от англ. *hairdo* – прическа. Собственная интерпретация этой лексемы не содержит оценочного компонента, однако в контексте она приобретает стилистическую окраску. Словосочетание «*шикарный хэарду*» возникает вследствие оценки предмета говорящим, при этом иностранное «*хэарду*» повышает ранг обозначаемого явления, оценивается персонажем как более престижное, чем соответствующее русское, что и обуславливает выбор именно этой лексемы. Характер коннотации подчеркивается эмоциональным прилагательным «*шикарный*», которое усиливает экспрессивность словосочетания. Кроме того, в русском контексте иностранное слово оказывается противопоставленным современному литературному языку и, вследствие этого, обладает яркой выразительностью.

- «Такого мощного *мессиджа* из России еще не было» [«Скажи изюм»: 147].

Лексема «*мессидж*» образована от англ. *message* – 1) сообщение, донесение, письмо; 2) поручение, миссия; 3) официальное правительственное послание; 4) идея. Лексема заимствована из языка-источника в нейтральном значении. Коннотация новизны, передаваемая иноязычной формой слова, и влияние окружающего микроконтекста, представленного словом «*мощный*», приводят к формированию оценочного значения иноязычной единицы и позволяют привлечь внимание читателя к описываемому предмету. Ситуативно-контекстуальное окружение иноязычной единицы раскрывает понятийное ядро микроконтекста, передающего позитивную оценку, связанную с большей престижностью заимствованной лексемы, которую можно рассматривать как эмоциональную.

В рассмотренных примерах заимствования употреблены в структурно-семантической близости с экспрессивно-окрашенными лексемами. Подобное словоупотребление усиливает выразительность всего микроконтекста и передает авторскую модальность. Характер контекста позволяет судить о коннотации заимствованной лексической единицы и ее роли в художественном тексте.

В подавляющем большинстве случаев в заимствованиях, использованных автором, экспрессивность содержится не только в семантике слова или возникает под влиянием контекста, а выражается словообразовательными средствами языка. Экспрессивность в этих случаях обусловлена морфологической производностью заимствованных лексем.

Словообразовательная система русского языка используется для передачи эмоционально-оценочного компонента с помощью аффиксов:

- «С одной стороны, баба с воза – кобыле легче, а с другой – кто для кого, кобыла для бабы или баба для кобылы этой – *уайтхорсины...*» [«Скажи изюм»: 140].

Уайтхорсина – производное от англ. *whitehorse* – белая лошадь, кобыла. Аффикс *-ин(а)* имеет значение увеличительности и отрицательной оценки. В сочетании с разговорными лексическими единицами аффикс *-ин(а)* передает ярко выраженную сниженную экспрессивную окраску. Коннотация отрицательной оценки аффикса обладает субъективным характером – показывает неодобрительное отношение говорящего к описываемому явлению действительности.

- «*Бьютифульная айдийка*, Макс, ей-ей, красиво!» [«Скажи изюм»: 220].

Бьютифульная айдийка образована от англ. *beautiful idea* – прекрасная идея. Лексема *айдийка* стилистически маркирована, аффикс *-к(а)* несет значение уменьшительности. Значение приведенной заимствованной лексемы не исчерпывается только ассертивным компонентом «идея», словообразовательный аффикс придает лексеме шутливую ироничную окраску. Адъектив-

ный компонент «*бьютифульная*» сохраняет эмоциональную окраску языка-источника, выражает позитивную оценку: радость, восхищение.

- «... прохлопал такую «*геттугезину*» ...» [«Скажи изюм»: 176].

Лексема «*геттугезина*» образована от англ. *get-together* – 1) встреча, сбор, совещание, сборище, собрание; 2) вечеринка. Данная производная лексема выражает субъективное отношение говорящего, его оценку объекта высказывания. Словообразовательный аффикс *-ин(а)* передает значение увеличительности. Сниженная экспрессивная окраска усиливается сочетанием с разговорным элементом «*прохлопал*».

Использование словообразовательных средств русского языка (преимущественно аффиксов) в оценочной функции, помимо передачи определенного значения, приводит к возникновению эмоционально-окрашенных дериватов, обладающих в ряде случаев пейоративными свойствами. Словообразование от иноязычных производящих основ осуществляется по законам аналогии с русским языком.

Таким образом, можно утверждать, что экспрессивный компонент в составе иноязычного слова обусловлен оценкой предмета или явления со стороны субъекта, при этом оценка явления может заимствоваться вместе со значением слова или выявляться при анализе условий его употребления под влиянием контекстно-стилистических особенностей.

Оценочные единицы, как правило, связаны с личной сферой человека и его опытом. Современные лингвисты, характеризуя оценочные слова, отмечают, что чаще всего оценочными являются «те иноязычные слова, которые обозначают человека и человеческие отношения или понятия, находящиеся в сфере человеческих отношений, вовлеченных в эту сферу» [Крысин 1992: 66].

Наличие в семантике иноязычных единиц эмоционально-оценочных коннотаций, а также способность приобретать оценку под воздействием микрореконтекста обуславливает достаточно частотное употребление заимствова-

ний (5%) в рассмотренной функции. Оценка может быть представлена в авторской речи или в речи персонажей произведения. В этих случаях она выражает оценку предмета или явления литературным героем и характеризует его самого с точки зрения писателя. Использование заимствований для оказания воздействия на адресата, передачи определенных эмоций, чувств, переживаний в художественном тексте позволяет сделать вывод об их значительном оценочном потенциале.

2.1.5. Эвфемистическая функция

Эвфемистическая функция реализуется в употреблении заимствований для передачи сути явлений более завуалированно и смягченно, чем с помощью исконно русской лексики. Использование заимствований в данной функции можно объяснить социальной природой языка, который обуславливает отбор языковых единиц в соответствии с общественными нормами. Автор оценивает определенные предметы и явления окружающего мира и обозначающие их наименования с точки зрения соответствия определенным принятым в обществе нормам и заменяет прямые обозначения предметов, содержащие отрицательные коннотации, синонимичными им эмоционально нейтральными словами и выражениями иностранного языка, так как прямое обозначение может вызвать коммуникативный дискомфорт и быть расценено как неприличное. Кроме того, семантика используемых иноязычных слов более размыта и неопределенна, чем семантика соответствующих русских эквивалентов, поэтому они могут ассоциироваться с широким кругом обозначаемых явлений.

Данная функция наиболее продуктивно реализуется у В. Аксенова в жанре инвективы и служит для передачи негативной оценки говорящего. Иноязычные слова оказываются более приемлемыми в этой функции, по-

скольку замена их соответствующими словами и выражениями родного языка придала бы высказыванию оттенок грубости и неприличности:

- Под мышкой у него звонит телефон, грубый мужланский голос звучит во всю мощь: «Вот тебе мой ответ, *факинг* Пол Феймос! Ай *фак ю расфакингли* в коробку, *фак ю* под хрящ, *фак расфакованный в фачью ффаку*¹, понял?» [«Кесарево свечение»: 159]; «Что касается кикбоксинга, то дети давно уже привыкли к виду отцов, покрытых потом и кровотокающих, изрыгающих *shit, shit, shit*² и другие более-менее цензурные ругательства» [«Новый сладостный стиль»: 537]; «Берите мою шубу, терзайте, варвары, *мазерфакеры!*³» [«Новый сладостный стиль»: 446]; «Анис молча и медленно поднималась из кресла и вдруг разразилась: «Сволочь! *Merde!*...» (фр. дерьмо) [«Новый сладостный стиль»: 513].

Инвективная лексика, как правило, представлена эмоционально-окрашенными словами и выражениями, несущими в своей семантике оттенок оскорбления, они используются, с одной стороны, для унижения адресата, с другой стороны, как средство характеристики самого говорящего. Данный лексический пласт отличается «диффузностью значений, что обусловлено ...экспрессивно-оценочным характером слов и выражений, составляющих этот лексико-фразеологический разряд» [Бельчиков 2002: 67]. Использование инвективной лексики носит субъективный характер, так как с ее помощью говорящий выражает отношение к собеседнику, ситуации общения и собственное эмоциональное состояние.

Кроме инвективной лексики, эвфемизации традиционно подвергаются определенные темы и сферы человеческой деятельности, например, тема смерти. Стараясь избежать упоминания о смерти, В. Аксенов вводит в текст

¹ производные от англ. **fuck** – груб. сленг, основное значение, как правило, не переводится.

² груб. сленг – дерьмо (англ.).

³ от англ. **motherfucker** – груб. сленг – фамильярное или оскорбительное обращение, переводится в зависимости от контекста; мерзкая, низкая, отвратительная личность.

фразеологическую кальку с английского языка «*присоединиться к большинству*» – от англ. to join the majority – умереть:

- «То и дело наталкиваюсь на имена тех, кто в прямом переводе с английского “*присоединился к большинству*”, то есть усоп» [«Кесарево свечение»: 547].

В данном примере в роли эвфемизма выступают полисемичные слова, которые могут характеризовать широкий класс объектов, актуализируя в приведенном контексте только один определенный смысл.

Среди эвфемизмов, использованных автором, можно выделить заимствования, обозначающие названия профессий или лиц, занимающихся определенного рода деятельностью:

- «У нее была мимика и манеры дешевенькой лондонской *бимбо*» [«Новый сладостный стиль»: 496] (от англ. bimbo – проститутка, девка).

Автор избегает употребления прямого названия, чтобы предотвратить негативные коннотации, которые могли бы оказаться неприятными при неэвфемистическом наименовании.

Иноязычные эвфемизмы используются для смягчения сути некоторых явлений общественной жизни:

- «...интрижки, в которой было больше платонической романтики, чем *промискьюти*¹, май дия френд!» [«Новый сладостный стиль»: 103]; «Ага, вот в чем дело: вашингтонская “*гей комьюнити*”² на марше!» [«В поисках грустного бэби»: 130].

Рассмотренные сферы эвфемизации можно назвать личностными, используя терминологию Л.П. Крысина, так как они касаются личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц [Крысин 2000: 390].

Анализ языкового материала показывает, что использования заимствований в эвфемистических целях является достаточно распространенным ав-

¹ от англ. **promiscuity** – беспорядочность, неразборчивость в связях.

² от англ. **gay community** – общество гомосексуалистов.

торским приемом (около 3% по отношению к общему количеству заимствований), что можно объяснить несоотнесенностью заимствованных лексем в сознании русскоязычных участников коммуникации с определенными ассоциациями этического или бытового характера. Заимствования в эвфемистической функции принадлежат к окказиональному словоупотреблению автора, они не являются синонимами соответствующих русских слов, их назначение в том, чтобы скрыть подлинную сущность обозначаемого. Употребление иноязычного эвфемизма связано со стремлением писателя оказать воздействие на читателей, при этом «важным становится не то, что надо сказать, но и как сказать так, чтобы не оттолкнуть собеседника, а наоборот, расположить его к себе, убедить его в чем-либо» [Турганбаева 1983: 159]. Это подчеркивает прагматическую обусловленность отбора языковых средств в текстах В. Аксенова.

2.1.6. Функция языковой игры

Одной из функций заимствований в художественном тексте является функция языковой игры, реализуемая в указанных текстах, как правило, для создания комического эффекта. Языковая игра, отражающая креативную функцию языка, привлекает всестороннее внимание лингвистов. Различные подходы к термину «языковая игра» получили широкое освещение в современной лингвистической литературе [Санников 2002; Изюмская 2000а, б; Ни-колина, Агеева 2000; Сковородников 2003, 2004].

Понятие языковой игры по-разному трактуется современными языковедами. Под языковой игрой вслед за Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой в дальнейшем изложении мы будем понимать лингвистические явления, имеющие место в случаях «игры» говорящего с формой речи, «когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более

или менее удачная острота, и каламбур, и различные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.)» [Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 172].

Креативная лингвистическая деятельность, внимание к форме слова в целом характерны для творчества В. Аксенова. В его текстах иноязычные слова во многих случаях становятся предметом обыгрывания и переосмысления. Продуктивность и разнообразие приемов и способов языковой игры в художественных текстах В. Аксенова были отмечены современными исследователями: О.В. Залесовой (2002), М.А. Брейтером (1997). Поскольку языковая игра стала предметом глубокого и детального анализа в диссертационном исследовании О.В. Залесовой, в данной работе будут проанализированы лишь те примеры, которые не вошли в названное исследование и используются в более частной функции – служат целям создания комического, шутливого эффекта.

Среди приемов языковой игры, в которых автор использует заимствования, можно выделить: 1) каламбур; 2) словообразовательную игру; 3) макароническую речь; 4) паронимическую аттракцию. Данные приемы могут быть использованы как в авторской речи, так и в речи отдельных персонажей.

1. Центральное место в языковой игре В. Аксенова, по наблюдениям О.В. Залесовой, занимает каламбур, «он рассчитан на понимание, предполагает получение эстетического наслаждения и психологического комфорта. Автор преднамеренно манипулирует семантикой и/или формой, делает это так, чтобы игра была понятна читателю» [Залесова 2002: 173]. Прием каламбура применяется в тех случаях, когда авторское обыгрывание иноязычных единиц не затрагивает содержательного компонента:

- «Дай-ка я сам разолью. У меня глаз – *ватернас!*» [«Кесарево свечение»: 149].

Автор обыгрывает устойчивое выражение «глаз – алмаз», заменяя один из элементов созвучным заимствованием, в данном примере имеет место трансформация фразеологизма. «У меня глаз – *ватернас*» представляет собой

пародийную парафразу исходного фразеологизма «глаз – алмаз» Иноязычная лексема деформирует устойчивый оборот, передавая шутливо-пародийное значение, насмешку в качестве иллокутивного компонента. Каламбур создается путем акцентирования внимания на внутренней рифме слова и ее обыгрывании. Данный способ языковой игры реализуется через прием рифмовки и используется в созвучных словах. Слова оказываются объединенными по созвучию, рифмовка усиливает художественный эффект. В целом звуковая или интонационная организация высказывания оказывает эмоциональное воздействие на читателей, рифмованная речь апеллирует к их эстетическим чувствам.

Каламбурное обыгрывание устойчивого словосочетания можно наблюдать в следующем примере:

- «А дальше, как всегда, “*шерше ля фам*”, что в переводе означает “шерши женщину”» [«Новый сладостный стиль»: 104].

Широко известное французское высказывание дается в намеренно искаженном переводе, который носит сниженный, пародийно ориентированный ироничный характер. Оно приспособлено к конкретным ситуативным условиям и служит целям характеристики персонажей произведения. Прагматический эффект складывается из смысла сообщения и ситуативных условий, что увеличивает иллокутивную силу высказывания. Трансформация фразеологизма, основанная на звуковой близости иноязычной и соответствующей русской лексемы, не направлена на повышение семантической нагрузки, цель данного явления – шутливое обыгрывание формы слова, столкновение несовместимых смыслов.

Следует отметить экспрессивно-прагматический характер подобных выражений. Несмотря на то, что семантика заимствований в проанализированных примерах не связана с семантикой заменяемых лексем, образованные в результате трансформации устойчивых сочетаний, пародийные фразы выражают иронию, придают сообщению шутливо-разговорный оттенок. Коми-

ческий эффект достигается благодаря структурно-семантическим трансформациям высказываний и их контекстуальным изменениям.

2. Одним из способов языковой игры является словообразовательная игра. Словообразовательная игра может быть реализована с помощью приема экспрессивного словообразования, который в исследованиях лингвистов представлен разнообразными терминами: «фокус-покус прием», «повтор-отзвучие», «эхо-конструкция» [Земская, Китайгородская, Розанова: 193–194]. Данный вид языковой игры сводится к повторению слова с изменением начального звука, что приводит к образованию новой лексемы, рифмующейся со словообразовательной основой:

- «Сейчас нажратые в соседнем кабинете партнеры с удовольствием завалились в зал «Чаир» на *энтертейнмент¹-шментертейнмент*, чтобы разогнать циркуляцию-шмеркуляцию» [«Кесарево свечение: 308]; «То и дело они отправлялись на разные parties и, возвращаясь, шумно обсуждали, кто был *найс²*, а кто был *шмайс*» [«Кесарево свечение»: 53].

Авторские новообразования в данных примерах не имеют нового семантического значения. По мнению В.З. Санникова, функция подобных лексем направлена на снижение или дискредитацию самого понятия: «Поскольку у говорящих существует ... представление о строгой связи между формой и содержанием, постольку обыгрывание облика слова – присоединение к слову его искаженного двойника (в виде приложения или сочиненного члена), посягательство на форму, разрушение ее, воспринимается и как посягательство на соответствующее содержание» [Санников 2002: 168]. Данный прием отличается экспрессивностью, реализуется, как правило, в разговорной речи, его использование в художественном тексте направлено на выполнение характерологической функции.

¹ от англ. **entertainment** – развлечение.

² от англ. **nice** – милый, славный, приятный.

В качестве средства словообразовательной игры продуктивно используются гибридные слова, словообразовательная структура которых основана на совмещении иноязычных корней и русских аффиксов:

- «С-ума-сброд-ка. Пока они вытягивались вдвоем на шезлонге, а после его крушения катались по доскам дека, он объяснял ей значение и этого слова, образованного существительными и двумя частичками: *out-of-mind-ка*, то есть в общем все то же – идиотка» [«Новый сладостный стиль»: 242].

К иноязычной лексеме в данном случае добавляется морфемный показатель родовой принадлежности существительного, характерный для русского языка. Сочетание в пределах одной лексемы русских и иноязычных морфем придает яркость и оригинальность высказыванию.

Объектом языковой игры в романах В. Аксенова становятся фамилии персонажей. Автором обыгрывается внутренняя форма слова, рассматривается соответствие русских и английских эквивалентов. Обращает на себя внимание языковое обыгрывание фамилии профессора *Шумейкера*, которая образована от английского *Shoemaker* – сапожник, где *shoe* – полуботинок, ботинок, туфля; *maker* – производитель, изготовитель. В речи русских эмигрантов фамилия *Шумейкер* трансформируется в «*Туфлю*»:

- «Стю как-то сказал новому другу: «Знаешь, *Туфля*, о тебе тут поползли слухи» [«Кесарево свечение»: 111].

Шутливый перевод фамилии на русский язык вызывает определенные ассоциации, передает непринужденную атмосферу общения. Другой пример иллюстрирует обыгрывание фамилии одной из героинь Ленор Яблонски, автор частично переводит ее на английский язык, используя соответствующий эквивалент русской лексемы «яблоко» – “*apple*”:

- «Чудо из чудес, Ленор *Эпловски* (русский вариант ее фамилии) выглядела почти застенчивой в тот вечер» [«Новый сладостный стиль»: 290].

Полный перевод фамилии персонажа имеет место в следующих примерах:

- «Я ожидал этого упрека, – грустно сказал *Дакуорт*, чья фамилия, смею мы заметить, переводится на русский как “*Достойный утки*” [«Новый сладостный стиль»: 57]; «Бенджамен *Дакуорт (Достойный Утки)* приехал из Нью-Йорка со своим приемным сыном...» [«Новый сладостный стиль»: 289].

Использование в приведенных микроконтекстах переводных вариантов фамилий персонажей расширяет информационные возможности текста, рождает ассоциативные связи, акцентирует внимание на внутренней форме иноязычного имени.

Несомненный интерес представляет собой рассмотрение семантики имен собственных, так как в построении образов в романах семантическое значение ряда собственных имен лежит на поверхности и легко усваивается. Внутренняя форма фамилии персонажей зачастую позволяет судить об их характерах, например, *Джим Доллархайд* (от англ. dollar – доллар, hide – прятать, скрывать), *Генри Трастайм* (от англ. trust – ценить, дорожить; time – время) [«Желток яйца»].

Автор не подвергает «говорящие имена» переводу, поскольку их назывная сущность преобладает над коммуникативной. Можно предположить, что использование этих фамилий не случайно, автор применил их в определенных целях в качестве своеобразных лаконичных характеристик персонажей. Говорящие имена являются информативно насыщенными и указывают на какие-либо примечательные особенности характера или деятельности, что подтверждается соответствующим контекстом. Непереводимость данных имен собственных можно объяснить, кроме того, стремлением автора сохранить национально-культурную традицию.

3. Продуктивным способом создания языковой игры в языке В. Аксенова является использование макаронической речи, представляющей сочетания

ние русских и иноязычных слов и словоформ, заимствованных в ряде случаев из различных языков:

- «Неужели из Ленинграда, приезжий, *соу джентл, соу мэн?!*» [«Кесарево свечение: 150]; «Это “Столи”, она завоевывает весь мир. *Соу уот? Соу суй ит в рот!*» [«Новый сладостный стиль»: 251]; «*Кам ту сапа, джингл Белл, хочешь шоколатку, маленький пострел?* – так пел негодай» [«Ожог»: 137]; «На границе Коста-Рики Буревятников сам объяснился с ментом: “*Покито либертада, коммунисто нихт цузаммен. Сэ-ким башка. Понял?*”» [«Новый сладостный стиль»: 105].

Характерной особенностью данных примеров является множественное использование иноязычных лексем в русском контексте, не типичное для русского литературного языка. В приведенных высказываниях чрезмерное употребление иноязычных слов, нарушение естественного контекста их применения создает эффект диффузности, неопределенности семантики. Использование иностранных слов с неопределенной семантикой, не усвоенных русским языком и включенных в его грамматическую парадигму, направлено на создание комического эффекта или гротескно-шутливого колорита.

4. Автор продуктивно использует случаи языковой игры, основанные на явлении паронимической аттракции, которая состоит в обыгрывании слов или словосочетаний, близких по звучанию; при сохранении их формального состава в результате данного приема появляется совершенно новый смысл. Этот прием изменения структуры слова или словосочетания используется автором для достижения комического эффекта:

- «Все правильно перевел? – спросил секретарь. – “*Уелкам*”¹ донес? *Не “уел хам”, а в смысле “прошу, мол, к столу”, “кушать, дескать, подаю”*» [«Ожог»: 198]; «... кафе под забавным названием *Вилкинсон – сын вилки*» [«Остров Крым»: 185]; «... в столицу нации город *Вашингтон*,

¹ от англ. **welcome** – добро пожаловать.

который прижившиеся там русские эмигранты именуют *Нашингтоном*» [«Новый сладостный стиль»: 257].

В приведенных примерах автор меняет структуру слова, т. е. разделяет его на отдельные морфемы, добиваясь совершенно нового смысла, он обыгрывает внутреннюю форму слова при опоре на звуковые соответствия, возникшие при разложении его составляющих. Лексемы оказываются подобранными по созвучию и близкими по значению. В данных случаях имеет место игра слов, направленная на создание шутки, насмешки, иронии, остроты, что достигается путем неканонического их использования. Языковая игра в приведенных примерах построена на паронимических связях, которые носят межъязыковой характер.

Использование иноязычных слов или словосочетаний в качестве элементов языковой игры составляет 1,5% по отношению к другим функциям. Проанализированные примеры отражают стремление автора к образности, украшению речи, повышенной выразительности и новизне. В процессе игры со словом сознательно нарушаются языковые нормы, преднамеренно изменяется структура языковой единицы. Основная функция языковых экспериментов с иноязычными лексемами – создание комического эффекта, придание выразительности высказыванию. Языковая игра в тексте придает непринужденность и неофициальность ситуации общения, она служит целям ассоциативного воздействия на адресата, кроме того, языковая игра выполняет характерологическую функцию, так как «характеризует субъекта речи как квалифицированного носителя языка и как “творческую личность”» [Николина, Агеева 2000: 552]. Авторские эксперименты со словом, поиск необычных форм выражения индивидуального сознания создают специфику идиостиля В. Аксенова.

2.1.7. Рифмообразующая функция

В свои прозаические произведения В. Аксенов включает небольшие по объему рифмованные тексты. При этом в стихотворный текст на русском языке автор активно вводит заимствования, представленные отдельными лексемами или словосочетаниями, которые, помимо смыслообразующей и характерологической функций, служат целям создания рифмы, сочетаясь по звучанию либо с русскими, либо другими иноязычными лексемами:

- Город Запорожье!
*Санитэйшен фри!*¹
Вижу ваши рожи,
Братцы, *же ву при!* ²[«Остров Крым»: 21]

Соединение в пределах одного четверостишья созвучных английских и французских лексем (*санитэйшен фри – же ву при*) направлено на выполнение рифмообразующей функции.

Включение иноязычных слов в поэтическую ткань произведения заостряет звучание стихотворения, служит созданию выразительных и емких образов. Функционирование заимствований в начале или середине поэтической строки передает авторскую позицию или важную информацию. В следующем примере использование заимствований в акцентной позиции обусловлено темой, сюжетом, художественным замыслом, английское словосочетание «*say cheese*» – «*скажи изюм*» соответствует заглавию произведения и передает основную идею романа:

- Люблю в Москве поднять самум,
Друзьям устроить переключку...
Say cheese, my friends! ³Скажи изюм!
Вниманье, вылетает птичка [«Скажи изюм»: 6].

¹ от англ. **sanitation free** – зона, свободная от санитарного контроля.

² от фр. **je vous prie** – пожалуйста, я вас умоляю.

³ Скажите сыр, друзья! (англ.)

Кроме того, помимо использования заимствований для характеристики персонажей, автор продуктивно употребляет их для формирования разговорного стиля и воспроизведения национального колорита:

- Отцы – московские тузы,
А мамы – светские эстетки,
Поклонницы *charmante misique* (фр. прелестной музыки).
Здесь все работали как тетки
[«Кесарево свечение»:136].
- Посредь людей американских
Не можно сделать *конфесьон*¹.
Повсюду эти их глянца,
Российский дух не посвящен [«Кесарево свечение»: 161].

В приведенных примерах заимствования, как правило, расположены в конце поэтической строки, их семантическое своеобразие и интонационные особенности подчеркивают звучание рифмы.

В романах, написанных в эмигрантский период, автор приводит небольшие по объему собственные стихотворения на английском языке, включая в сноски или комментарии их перевод на русский язык:

- *There was a man of well known a nation,
He was worth of a modest quotation.
Having beer once he said,
You can grasp outset,
You cannot understand termination.*
Жил один мужичок в дальних штатах,
Он достоин скромнейшей цитаты.
Дуя пиво, сказал он:

¹ от англ. **confession** – признание.

Понимаю начало,
Не пойму завершенья расплаты
[«Новый сладостный стиль»: 452].

В данном примере структура построения стихотворения соответствует шуточным пятистрочным стихотворениям, популярным в английском языке, в нем автор сохраняет грамматическую структуру и ритм английского языка. В целом в англоязычных стихах В. Аксенова синтаксическое построение предложений и их лексическое наполнение соответствует английской логике.

Непринужденное сочетание элементов иностранных языков с русскими, использование русской графики для приспособления заимствований к грамматическому строю принимающего языка, приводит к тому, что иноязычные слова и словосочетания оказываются органично включенными в контекст, заостряют отдельные образы и служат художественному строю стихотворения. Использование заимствований в рифмообразующей функции составляет около 1% по отношению к другим выделенным функциям, то есть находится на периферии авторского словоупотребления. Тем не менее данная функция подчеркивает роль заимствований в создании обширного национально-культурного контекста произведений, их состав и выбор, характеризуют писателя как человека высокой культуры.

2.1.8. Функция авторского самовыражения

Данная функция будет рассмотрена в авторской речевой партии, представленной в комментариях и размышлениях самого писателя. Языковые средства, использованные в авторской речи, служат составляющими его образа и выражают отношение к обозначаемым событиям и видение действительности. Следует отметить, что элементы авторского отношения присутствуют в категориях оценочности и прагматической направленности, однако наиболее эксплицитно они выражены в собственно авторской речи и раз-

мышлениях писателя. Субъективное авторское осмысление действительности проявляется в модальности текста, которая реализуется в «отборе характеристик, репрезентирующих представленные в тексте объекты, и в отборе самих объектов повествования, репрезентирующих окружающий художника мир» [Кухаренко 1988: 78]. Авторское самовыражение реализуется в определенном способе передачи информации и использовании языковых средств, иноязычная лексика в этих случаях служит для выражения авторского отношения к Америке и американскому образу жизни в целом.

Наиболее показателен в этом отношении роман «В поисках грустного бэби», где В.П. Аксенов рассуждает о жизни русских эмигрантов, о преимуществах и недостатках американской действительности, о судьбе русской эмиграции. Русское слово в авторских размышлениях не может передать желаемого эффекта: иронии по отношению к чему-то американскому, а чаще всего удивления и восхищения. В этих случаях автор в основном использует заимствования для номинации предметов и явлений, закрепленных в русском литературном языке:

- «О, этот американский *community spirit!*» (дух соседства) [«В поисках грустного бэби»: 121]; «куда же мне тогда деваться, “куда нам плыть”, ведь дальше вроде и некуда, ведь Америка же это вроде как бы *last frontier*, на которой предполагалось отбиваться до конца?...(последнее пристанище) [«В поисках грустного бэби»: 255]; «В поисках настоящих, то есть русских, грибков торговцы бороздят пространства Нового Света, вступая в *коллаборацию*¹ с канадцами и поляками» [«В поисках грустного бэби»: 206].

Представляется, что подобное словоупотребление отражает новый взгляд на уже имеющиеся понятия, «обычные предметы и явления, названные писателем по-новому, непривычно, становятся некими символами, помогают раскрыть авторскую позицию» [Залесова 2002: 98]. По-видимому, автор

¹ от англ. **collaboration** – сотрудничество, совместная работа.

не находит подходящих эквивалентов для более точного обозначения определенных понятий и привлекает в связи с этим ресурсы иностранного языка.

Адаптация к новой языковой действительности и влияние речевого узуса окружающих приводит к использованию в авторской речевой партии междометий, калек, стереотипных формул, характерных для английского языка и выражающих ситуативные реакции:

- «*My God*¹, катя по фривею, ты видишь дорожные знаки [«В поисках грустного бэби»: 68]; «*У-упс*, опять расплзается подушка обобщений» [«В поисках грустного бэби»: 36]; «*Гош*², получается довольно забитый день» [«Кесарево свечение»: 37]; «*Называя лопату лопатой*³, я скажу...» [«В поисках грустного бэби»: 262].

В ряде случаев писатель осмысливает воздействие системы английского языка и комментирует появление иноязычных элементов в собственной речевой партии:

- «Я привык ставить месяц впереди числа, говорить “*у-уп*” вместо “оп” и “*ауч*” вместо “ой” [«В поисках грустного бэби»: 225]; «“*У-упс*”, – подумал я уже на американский лад (на свой лад я подумал бы “о-опс”) [«В поисках грустного бэби»: 117].

Заемствования продуктивно используются в функции авторского самовыражения, составляя около 5% от общего массива иноязычных единиц. Характерно, что иноязычные лексические единицы встречаются в ключевых позициях текста, определяющих его информативность, их употребление позволяет более точно выразить мысль, разнообразить синонимические средства. Заемствования, представленные в размышлениях автора, воспроизводят его представления об окружающем мире и действительности, благодаря чему создается возможность восстановить индивидуальное авторское мировидение.

¹ Боже мой! (англ.)

² от англ. **gosh** – ого! Вот это да! (выражение изумления, досады и т. п.)

³ от англ. **to call a spade a spade** – называть вещи своими именами.

В рамках функции авторского самовыражения возможно использование заимствований для противопоставления феноменов российской и американской действительности, авторской рефлексии и оценок определенных явлений.

2.1.8.1. Противопоставление российской и американской действительности

Иноязычная лексика, репрезентирующая реалии американского общества, продуктивно используется для сопоставления феноменов американской и российской реальности, при этом тождественные лексемы русского и английского языков могут быть употреблены в одном контексте и выражать авторскую позицию и отношение к новому образу жизни.

Безусловно, любая деятельность человека связана с делением пространства на «свое» и «чужое», поэтому закономерно противопоставление жизни в Советском Союзе американской действительности. Два совершенно разных мира отражаются в языковом сознании автора, что приводит к необходимости сравнить, разграничить и противопоставить два различных образа жизни. Противопоставление феноменов двух культур образует оппозицию «свой – чужой», что находит отражение в авторских оценках и комментариях.

Исследователи называют оппозицию «свой – чужой» одной из базовых культурно-психологических оппозиций, «формирующих когнитивную ценностно-оценочную систему знаний и отражающую уникальность восприятия и интерпретации реального мира, обусловленных особенностями конкретной культуры» [Балясникова 2003: 4]. В рамках данной оппозиции представлены как языковой, так и культурный компоненты, указывающие на принадлежность индивида к определенной социальной группе.

Концепт «чужой» выражен в текстах писателя иноязычными лексическими единицами, репрезентирующими феномены американской культуры. Способы использования иноязычной лексики могут варьировать в зависимости от прагматических интенций автора: быть эмоционально нейтральными или эмоционально окрашенными, выражать авторскую оценку и комментарии.

Эмоционально-нейтральный способ введения в контекст иноязычных лексем отражает усвоение понятий и реалий, составляющих мировидение писателя, и направлен на объективное сравнение и отражение двух реальностей: российско-советской и американской:

- «Советским футболистам, оказывается, легче пересечь железный занавес, чем американским *квотербекам и теклам* махнуть через Атлантический океан» [«В поисках грустного бэби»: 120].

Лексема «*квотербек*» образована от англ. *quarterback* – защитник (в американском футболе), «*текл*» – от англ. *tackle* – полузащитник, игрок, отбирающий мяч (в футболе). Данный пример представляет собой эмоционально-нейтральный способ использования заимствований в тексте с целью противопоставления реалий разных стран. Советские футболисты противопоставлены в одном контексте американским *квотербекам и теклам*. Эти единицы текста служат для номинации одних и тех же лиц, однако автор намеренно не называет американских игроков эквивалентными русскими лексемами, так как они принадлежат другому миру, другой действительности, противопоставленной советскому спорту. Именно стремлением писателя сравнить и сопоставить два явления объясняется присутствие в одном контексте семантической оппозиции «*советские футболисты*» – «*американские квотербеки и теклы*». Противопоставление представлено эксплицитно, автор приводит оппозицию для более четкого разграничения объектов и их конкретизации.

Другие примеры иллюстрируют эмоционально-нейтральное использование иноязычных лексем в тексте:

- «На этом, собственно говоря, завершились его отношения с *родиной* и начались отношения с новым *хоумлэнд*, то есть страной его нового дома» [«Новый сладостный стиль»: 106]; «Эта страна не предлагает чужакам *отечества*, но она все-таки предлагает им *The Homeland*» [«Новый сладостный стиль»: 603].

В приведенных примерах лексемы «*хоумлэнд*» и «*the homeland*» – «отечество, родина» противопоставлены русским лексемам «*родина*», «*отечество*». Несмотря на формальное семантическое тождество лексем, автор уточняет значение иноязычного элемента в контексте, называя его «*страной нового дома*», тем самым разграничивая данные понятия. В одном из интервью В. Аксенов так прокомментировал значение лексемы «*хоумленд*»: «Я благодарен Америке за то, что она дала мне приют в самый тяжелый момент моей жизни. Она для меня является не родиной, но домом. В английском языке есть слово “мазерленд” – это родина, а есть слово “хоумленд”, это значит страна твоего дома. Такого русского слова, к сожалению, нет» [Аксенов 1990в: 58]. В приведенном контекстном окружении английская лексическая единица более точно и глубоко выражает мысль автора.

Вместе с тем, адаптируясь к жизни в Америке, В. Аксенов не может оставаться безучастным к особенностям новой родины. Сравнение нередко сопровождается авторской оценкой сопоставляемых явлений, субъективными представлениями, эмоционально-оценочными коннотациями, которые детерминированы специфическими национально-культурными американскими особенностями. Оценка писателя может быть позитивной: выражать чувство удивления, интереса, симпатии, восхищения Америкой, присущими ей реалиями, американским образом жизни:

- «Советский сон при самом бурном воображении нельзя сравнить с *American Dream*, против которого бунтовали здешние радикалы» [«В поисках грустного бэби»: 236].

Семантическое значение идиоматической единицы «*American Dream*» – намного богаче, чем приведенное в том же контексте словосочетание «*советский сон*». Английское словосочетание полисемично, оно обладает значением «американский сон, мечта» и отражает особенности национальной картины мира американцев, их стремление к лучшей, более состоятельной жизни. Кроме того, данные лексемы обладают разной валентностью, стилистическими и социокультурными коннотациями. Английское словосочетание передает положительный эмоционально-когнитивный заряд в отличие от эмоционально-нейтрального словосочетания «*советский сон*».

В то же время некоторые стороны жизни в Америке вызывают отрицательную оценку писателя. Иноязычные лексемы в таких случаях передают оттенок пренебрежения, скепсиса, иронии:

- «...здесь это даже не называлось футболом. Какой-то *соккер*, как бы развлечение в носочках» [«В поисках грустного бэби»: 121].

В приведенном примере противопоставление характеризуется эмоциональной оценкой, элементы другой культуры представлены как чуждые; сравнение американского футбола с российским вызывает недовольство автора и оформлено лексически с помощью контекстного окружения. Неприятие слова обусловлено неприятием явления. Явление становится отрицательно маркированным знаком новой культуры и действительности, которую в данном случае не принимает В. Аксенов. Лексема «*соккер*» (от англ. *soccer* – футбол) получает отрицательную коннотацию в контексте, функционально она ориентирована на передачу отрицательного смысла. Авторские комментарии подчеркивают критически-оценочное отношение писателя к явлениям окружающей действительности, которые чужды его жизни.

В проанализированных примерах противопоставление «свой – чужой» тождественно противопоставлению «российский – зарубежный». Данная оппозиция выражает преимущественно отношения происхождения и принадлежности, связи с определенной общностью. Использование в одном контексте русских и иноязычных лексем разграничивает, выделяет и фиксирует оттенки значений, связанные с различным восприятием автора явлений российской и американской среды.

Характерной чертой рассмотренных примеров является полное или частичное тождество значений английских и русских лексем. Показательно, что иноязычные элементы несут в себе дополнительную смысловую нагрузку: выражают отношение автора к названным предметам, его сравнение, позитивную или негативную оценку, кроме того, они придают контексту стилистическую окраску, помогают сравнить и разграничить два мира.

Противопоставление русских и тождественных им иноязычных лексем в текстах В. Аксенова обусловлено различными представлениями автора об эквивалентных предметах и явлениях русской и американской действительности. Отношение автора к американским реалиям, с одной стороны, основано на критической оценке и неприятии «чужого», с другой стороны, характеризуется интересом к новому и незнакомому, желанием понять своеобразие и уникальность новой культуры.

2.1.8.2. Заимствования как предмет языковой рефлексии и оценок писателя

Иноязычные слова играют в произведениях В. Аксенова особую роль, в ряде случаев они становятся предметом метаязыковых комментариев и языковой рефлексии. Под языковой рефлексией мы понимаем «процесс, заключающийся в размышлении над знаком, его соответствием референту и всему тексту в целом» [Феоклистова 1999: 118]. Оценка и анализ языкового явле-

ния могут присутствовать как эксплицитно, так и имплицитно, выражать сознательно-аналитическое отношение к слову или явлению и быть направлены непосредственно на языковой знак или представлены в виде сопутствующих комментариев.

В целом творчество писателей-эмигрантов характеризуется рядом специфических особенностей. Исследователи отмечают особую роль языковых оценок в литературе русского зарубежья, объясняя их присутствие в текстах существованием русской литературы в иноязычном окружении и ее развитием «на фоне языковой смуты, которая происходит на родине» [Кожевникова 2001: 143].

Характерно, что во многих случаях внимание автора привлекает не только содержание высказывания, но и форма выражения языкового знака, которую он комментирует и оценивает. Внимание к языковому знаку – основная черта языковой рефлексии, которая «отражает отношение отправителя или получателя информации как к знаку, так и к обозначению с помощью этого знака, отношение к современному языку в целом, к конкретному заимствованному слову, к новому предмету или реалии, обозначаемой этим словом» [Феоклистова 1999: 112].

Факты языковой рефлексии, представленные в художественном тексте, воздействуют на механизм его восприятия: читатель обращает внимание не столько на содержание текста, сколько на форму языковых единиц. Авторские комментарии, сопровождающие лексическую единицу, оказывают влияние на эмоции адресата, заставляют задуматься о форме знака, его соответствии высказыванию, вызывают соответствующую оценку.

В ряде случаев оценка языкового явления входит в речевой обиход персонажей. Собственная оценка писателя в этом случае не представлена эксплицитно, поскольку автору оказывается более важным показать, как оценивает данное явление литературный герой. Однако в большинстве ситуаций

авторская оценка присутствует в тексте и позволяет писателю передать собственные языковые взгляды, пристрастия и отношение к языку.

В произведениях В. Аксенова языковая рефлексия представлена сочетанием различных типов языковых оценок: семантических, стилистических, эмоциональных и ассоциативных, они передают размышления о языковом знаке, выражают отношение к описываемым явлениям и, таким образом, косвенно характеризуют автора и его персонажей.

1. Языковые оценки семантического типа акцентируют внимание на значении иноязычного слова и тех новых оттенках, которые оно приобретает в тексте. Авторские комментарии к иноязычным словам помогают полнее раскрыть их смысл и значения, реализуемые в русском контексте:

- «Ему давно уже казалось, что стоит только прибавить “*индид*”¹, как будешь звучать словно настоящий американский “англо”» [«Новый сладостный стиль»: 100]; «Словом “*парти*” тут можно проверять любого на предмет отделения настоящих американцев от абсорбированных. Даже англичанин, не говоря уже о славяноидах, не сможет произнести “*рп*” в середине этого слова, как нечто вроде “д”, но уж никак не “д”» [«Новый сладостный стиль»: 120].

В первом примере иноязычный лексический элемент оценивается с точки зрения его уместности и целесообразности использования в определенной коммуникативной ситуации, во втором случае автор размышляет о фонетических особенностях американского варианта английского языка. Языковые комментарии в приведенных примерах использованы в авторской речи и свидетельствуют о попытках русских эмигрантов ассимилироваться в американском обществе, желании овладеть английским языком, насытить свою речь иностранными словами подобно звучащей английской речи, что в целом характерно для представителей русской диаспоры в Америке.

¹ от англ. **indeed** – в самом деле, действительно (служит для усиления, подчеркивания).

2. Стилистические языковые оценки актуализируют в тексте стилистически окрашенные слова. Оценка писателя эксплицируется в выражениях типа «*прошу прощения*»:

- «Наконец явился, дыша духами и туманами, адвокат Чарли Гастрономский, который – просим прощения за жаргон – “*чарджил*” своих клиентов по пятьсот баксов в час...» [«Кесарево свечение»: 520].

Авторские комментарии, предворяющие введение иноязычного слова, и кавычки, функционирующие как своеобразный знак безэквивалентности лексической единицы, показывают ее чуждость речевому узусу писателя. Автор осмысливает данную номинацию как необычную или неприемлемую для себя, он отстраняется от подобного словоупотребления, подчеркивает принадлежность иноязычной лексемы речевому репертуару его персонажа. Употребление иноязычной единицы «*чарджил*» (от англ. to charge – назначать цену, просить; (сленг.) заламывать цену), вносит дополнительную информацию о персонаже-адвокате, запрашивающем слишком высокие суммы за свои услуги. Стилистически окрашенная иноязычная лексема в данном примере выражает эмоционально-оценочное отношение автора к обозначаемому факту, она используется как своеобразный модификатор категории модальности, авторские комментарии к иноязычной лексеме подчеркивают ее роль в определении специфического понятия.

3. Ассоциативные оценки обусловлены образными ассоциациями, вызываемыми определенным словом, которые преимущественно основаны на метафоричности:

- «... “*ноу-хау*” у нас прижилось, с одной стороны, как что-то пушистое, годное на дорожную шубу, а с другой стороны, как нечто освежающее, вроде плода фейхоа, что когда-то актив поглощал в санаториях» [«Новый сладостный стиль: 525]; «при обилии “*p*” можете себе представить, почтенный читатель, как в его уме пророкотала последняя фраза и по-

русски и по-английски, не смягчившись даже женственной подушечкой *wife* в последнем случае» [«Новый сладостный стиль: 341].

Иноязычное оформление незнакомых слов рождает метафорические ассоциации, акцентирующие форму языкового знака, придающие образность, оригинальность и экспрессивность описываемым явлениям.

В ряде случаев оценки писателя могут быть направлены на языковые соответствия некоторых лексем русского и английского языков:

- «В дверях огромного кабинета двух эмигрантов приветствовал Американский Политик их тех, чье имя в официальных списках предваряется словом “*Honorable*”. Эту возвышенность, увы, лучше не переведешь, чем некоторой толстопузостью – “достопочтенный”» [«Новый сладостный стиль»: 325].

В анализируемом примере семантика русской лексики «*достопочтенный*» вызывает комментарии и метафорические оценки автора. Рефлектируя по поводу значения иноязычного слова, писатель выступает в позиции толкователя. Языковая рефлексия используется для поиска более адекватного способа передачи авторского отношения к описываемому явлению и сравнения слов-коррелятов ‘*honorable*’ и «*достопочтенный*». Данный случай представляет собой межъязыковое сопоставление явлений, существующих в русском и английском языках.

4. Наиболее разнообразно представлены в романах эмоциональные оценки. Адаптация к жизни в Америке вызывает оценку писателя по отношению к окружающим реалиям и предметам, которая сопровождается авторским осмыслением новых явлений, субъективными представлениями, появлением эмоционально-оценочных коннотаций. В подавляющем большинстве случаев эмоциональные оценки носят позитивный характер (восхищение Америкой, присущими ей реалиями, американским образом жизни):

- «... я вспоминаю как одно из лучших американских очарований: “*You are welcome to America!*”» [«В поисках грустного бэби»: 43].

В данном случае традиционное приветствие «*Добро пожаловать в Америку*» вызывает самые положительные отклики писателя. При этом языковая рефлексия распространяется не только на знак, но и на денотат. Автор оценивает денотат как факт новой действительности, новой культуры и быта, который восхищает и изумляет его. В следующем примере оценка писателя направлена на значение иноязычного слова:

- Постоянно приходится сталкиваться с тем, что в американском языке с приятной точностью называется *blockhead* (болван, дурень)» [«В поисках грустного бэби»: 54].

Очевидно, что в данном примере иноязычное слово получает позитивную оценку писателя, поскольку служит для более точного выражения передаваемой информации и соответствующего явления. В ряде примеров эмоциональную оценку автора вызывает звучание слова:

- «Само понятие “*кампус*” как крошечной автономии внутри гигантского государства звучит необычно и вдохновляюще для пришельца с Востока» [«В поисках грустного бэби»: 222].

В отдельных случаях автор испытывает затруднения, связанные с номинацией иноязычных слов или словосочетаний, не имеющих эквивалентов в русском языке. При этом значение иноязычных единиц передается с помощью описательных средств и сопровождается рефлексией автора о способах возможной передачи их значения на русский язык:

- «А что, если лет через двадцать и до советского населения дойдут микрокомпьютеры с программированием словесного производства, не знаю уж, как перевести то, что называется *word processing*?» [«В поисках грустного бэби»: 232]; «электрическая самомоющаяся плита с каким-то там еще *таймингом*» [«В поисках грустного бэби»: 171]; «... машинка, для которой-то и подходящего русского слова не подберешь, разве что блюдомойка-сушилка, потом фиговина, полностью пребывающая за пределами русского языка, так называемый, *гарбидж*-

диспозал, поглощающий без остатка пищевые отбросы (может быть, мусоропоглотитель?) ...» [«В поисках грустного бэби»: 171].

В приведенных примерах иноязычные лексемы оказываются объективно необходимыми, поскольку служат для обозначения соответствующих денотатов. Авторские номинации эксплицируются комментариями «*не знаю, как перевести*», «*так называемый*», «*может быть*», «*с каким-то там еще*», которые подчеркивают отсутствие понятия в русском языке, сложность перевода, свидетельствуют о неуверенности писателя в адекватности подобранного эквивалента. Комментарии писателя соответствуют пушкинскому способу заимствования иноязычных единиц, не имеющих точного выражения в системе русского языка. Как отмечают исследователи, отвлеченные понятия, отсутствующие в родном языке, А.С. Пушкин заменял иноязычными лексемами, комментируя их использование в тексте [Виноградов 1982: 264]. Подобный принцип заимствования находит отражение в текстах В. Аксенова, чье внимание во многих случаях направлено на поиск аналогичных знаков в собственной языковой системе.

Проанализированные примеры позволяют заключить, что способы выражения языковой рефлексии представлены в текстах В. Аксенова весьма разнообразно. Они обусловлены языковым чутьем писателя, его отношением к слову и непосредственными художественными задачами, которые он перед собой ставит. Следует учитывать, что языковая рефлексия возможна только при высоком уровне владения иностранным языком. Анализ эмпирического материала показывает, что для В. Аксенова более характерна языковая рефлексия над словами или словосочетаниями иноязычной этимологии, хотя факты оценочного отношения к окружающей действительности в ряде случаев также представлены эксплицитно.

Наблюдение над художественным творчеством В. Аксенова приводит к выводу о продуктивном использовании автором заимствований в текстах своих произведений. Проанализированный материал показывает, насколько

широка палитра иноязычных элементов в идиостиле В. Аксенова. Иносистемные языковые явления в пространстве его текстов образуют открытое динамичное множество. Преимущественное использование заимствований в номинативной функции (57%) свидетельствует о том, что язык писателя в значительной степени отражает тенденции в языковых процессах русской диаспоры США. Ориентация на речевой узус русских эмигрантов характеризует В. Аксенова в этой связи, прежде всего, как носителя языка. Дополнительные стилистические функции иноязычных заимствований многообразны, заимствования в этих функциях используются как собственно художественные приемы, они принадлежат литературной речи и позволяют охарактеризовать В. Аксенова как писателя, способного оценить сущность иносистемных языковых явлений, потенциал их воздействия на читателей и возможность повышения информативности и экспрессивности высказывания. Следует отметить также, что выявленные функции заимствований весьма условны, поскольку в художественном тексте они взаимообусловлены, и использование иноязычного элемента может соответствовать сразу нескольким функциям.

2.2. Особенности функционирования заимствований

В текстах В. Аксенова заимствованные языковые элементы употребляются на различных уровнях языка. Их использование характеризуется рядом типичных особенностей, отражающих основные свойства иносистемных языковых явлений. Языковая необычность прозы В. Аксенова, обусловленная продуктивным использованием заимствований, создает специфический индивидуальный стиль писателя.

2.2.1. Графико-орфографические особенности заимствований в индивидуально-авторском словоупотреблении

Изучение графико-орфографических особенностей заимствований представляет собой отдельную специфическую область исследования, поскольку учитывает как основные принципы, так и частные приемы индивидуально-авторской передачи новых иноязычных слов в русских текстах.

При передаче заимствованной лексики в художественном тексте автор использует следующие основные приемы: 1) употребление заимствований в тексте в исконной орфографической и грамматической форме в качестве вкрапления; 2) использование транскрипции; 3) использование транслитерации; 4) сочетание латинской и кириллической графики в пределах лексемы; 5) применение графических средств; 6) перевод.

1. Вкрапление иноязычных элементов в русский текст – один их характерных приемов автора. Частотные случаи использования иноязычной графики можно объяснить тем, что в письменной речи существенную роль играет контраст графической формы языка-источника с привычной графикой русского языка. Этот контраст служит определенным стилистическим целям, позволяет автору реализовать собственные замыслы и осуществить определенное воздействие на читателей.

При изучении корпуса иноязычных элементов, представленных в графике языка-источника, прежде всего, целесообразно выделить широко известные слова и словосочетания интернационального характера. Таковы, например, латинские словосочетания *alter ego*, *alma mater*, *post factum* и др., которые имеют устойчивую традицию написания в русском литературном языке и знакомы образованным читателям:

- «Почему юноша выпал из своей *alma mater*?» [«В поисках грустного бэби»: 38]; «В ярком пустынном небе над нами, словно наши *alter ego*,

парили два орла» [«В поисках грустного бэби»: 44]; «...иногда ты будешь чувствовать это сразу, иногда *post factum*» [«Кесарево свечение»: 544].

Несмотря на преимущественное использование латинской графики для передачи интернациональных словосочетаний, в единичных случаях автор употребляет кириллицу:

- «Ходит также слух, что эта огромная собака Полкан является на деле *альтер эго* нашего банкира» [«Кесарево свечение»: 171]; «Фил Фофановф – один из моих ближайших друзей, если не мое *альтер эго*» [«Желток яйца»: 19].

Подобное использование латинских выражений соответствует основным нормам русского литературного языка, допускающим применение как русской, так и латинской графики. Использование данных выражений без перевода на русский язык не является помехой для восприятия и интерпретации текста.

В ряде случаев латиница использована для непосредственного включения в русский текст медицинских терминов, что характерно для специальной литературы:

- «Нижняя челюсть, то есть *mandibula*, была аккуратно прикручена провололочкой» [«Московская сага», книга третья: 227]; «На третьем курсе профессор Гуцин как-то сказал студентам: “*Chirurgia est obscura, terapia – obscurissima*”» (хирургия темна, терапия – еще темнее) [«Коллеги»: 37].

Употребление терминов в латинском облике, принятое в медицине, способствует более легкому узнаванию, носит традиционный характер. В текстах В. Аксенова использование латинской графики для обозначения биологической номенклатуры не случайно – писатель получил медицинское образование: в 1956 году он окончил Ленинградский медицинский институт,

несколько лет занимался врачебной практикой, медицинская терминология для него близка и понятна.

Продуктивны вкрапления в текст иноязычных элементов других языков, в первую очередь английского, французского, немецкого в качестве цитат, фрагментов речи персонажей и номинации соответствующих предметов и явлений:

- «... миазмы пресловутого *midlife crisis*¹ одолевают» [«В поисках грустного бэби»: 8]; «Она смущенно присвистнула по-французски: *C'est la vie!*» (от фр. такова жизнь) [«Кесарево свечение»: 335]; «Публика не могла разобраться, кого эти молодчики напоминают, тем более что, хохоча и матерясь, они называли друг друга *mein lieber Karl, mein lieber Fritz*² и что-то пели на пфальцском языке» [«Кесарево свечение»: 234].

Использование графики языка-источника, как представляется, подчеркивает этимологию слова, служит указателем места действия. Кроме того, иноязычная графика свидетельствует о том, что именно так данные слова закрепились в языковом сознании писателя. Несмотря на то, что многие лексемы довольно легко поддаются переводу, автор сохраняет их иноязычный облик, придавая этим национальный колорит тексту и подчеркивая собственную причастность к западному образу жизни.

В ряде случаев автор вводит заимствованное слово на латинице, используя кириллическое написание при повторном употреблении:

- «...мы, пользуясь романским пространством, можем слегка размахнуться по его *curriculum vitae*³» [«Новый сладостный стиль»: 7]; «Заканчивая этот предельно краткий корбаховский “*куррикулум витэ*”, мы выходим на вполне банальную фразу...» [Там же: 32].

¹ кризис среднего возраста (англ.).

² мой милый Карл, мой милый Фриц (нем.).

³ краткая биография (англ.).

Можно предположить, что в расчете на компетентного читателя В. Аксенов стремится сохранить оригинальное написание лексемы, чтобы избежать неточностей и ошибок при ее декодировании; в дальнейшем он адаптирует ее к общему контексту своего произведения, используя средства родного языка. Русский графический облик лексемы позволяет ввести ее в словоизменятельную парадигму и систему согласования принимающего языка.

2. Достаточно распространенным способом передачи заимствований является прием транскрибирования. Поскольку фонетические системы английского и русского языков значительно отличаются друг от друга, передача звучания английского слова при транскрибировании несколько условна и воспроизводит лишь некоторое подобие английского звучания. При оформлении иностранного слова средствами родного языка требуется возможно более точное воспроизведение звукового облика слова на языке-источнике с учетом его морфологической структуры. В основе приема транскрипции лежит стремление имитировать иностранное произношение с помощью звуков родного языка.

При транскрипции заимствованных лексем используется разнообразные приемы передачи звучания слова. Это, в первую очередь, субституция звуков, составляющих слово:

- «*шримп*» [«Остров Крым»: 20] от англ. shrimp – креветка; «*энтшудиген*» [«Остров Крым»: 185] от нем. entschuldigen – извините и др.

В данных случаях звуковая последовательность лексем языков-источников передана с помощью соответствующих звуков русского языка.

Автором продуктивно использована звуковая конвергенция – замена двух близких звуков одним:

- «*хелло*» [«Ожог»: 356] от англ. hello – привет, английский дифтонг [eu] передан русским о; «*бэби*» [«В поисках грустного бэби»] от англ. baby – малютка, крошка, английский дифтонг [ei] передан русским э и т. д.

Как показывает практический материал, звуковая конвергенция находит отражение в замене английских дифтонгов монофтонгами русского языка.

При преимущественном использовании субституции и конвергенции единичны случаи звуковой дивергенции, сводящейся к передаче одного звука двумя:

- «дансинг» [«Остров Крым»: 25] – от англ. dancing – танцы, пляска; «паркинг» [Там же: 169] – от англ. parking – место стоянки автотранспорта; «киднэппинг» [Там же: 195] – от англ. kidnapping – похищение и т. д.

В приведенных примерах специфический английский [ŋ] передан сочетанием русских букв нг, приблизительно воспроизводящих звучание английского звука.

Заемствованные при помощи транскрипции лексемы адаптированы автором к русскому языку в соответствии с характерными для него фонетическими особенностями: оглушением в конце слова, аканьем, иканьем, редукцией безударных гласных. Продуктивное использование русской графики для передачи иноязычных лексем свидетельствует о том, что автор считает данные слова своими, обычными для собственного словоупотребления и не видит необходимости выделять их из общего литературного контекста.

3. Транслитерация выступает на первый план в тех случаях, когда практическая транскрипция искажает графический облик заимствуемого слова:

- *сэндвич* [«Ожог»: 77] – от англ. sandwich – бутерброд.

Русский эквивалент лексемы не соответствует произносительным нормам английского языка: [sænwidʒ] и передан с помощью транслитерации. Случаи транслитерации не характерны для текстов В. Аксенова, примеры носят единичный характер. Возможно, причина этого – в ориентации писателя именно на речевой укус окружающих, так как речевая коммуникация осно-

ываается, прежде всего, на фонетической форме слова. Введенные с помощью транскрипции или транслитерации слова сохраняют свою иноязычность и становятся элементами языковой системы русского языка, где они приобретают определенное значение и функции.

4. В отдельных случаях автор допускает сочетание графики языка-источника и русского языка в пределах одного слова:

- «Наше семейство стало увлекаться этими пресловутыми hearty *breakfast'ами*» [«Кесарево свечение»: 36]; «...царит цивилизация *understatement'a* – не знаю, как перевести – недоговоренности, что ли» [«Кесарево свечение»: 42]; «*Соловьевский “богочеловек” был вытеснен homo soveticus'ом*» [«Кесарево свечение»: 380] и др.

Латинская графика в приведенных примерах воспроизводит реальную графическую форму заимствованной лексемы, свидетельствует об иноязычности обозначаемого денотата. В то же время использование русских окончаний, отделенных апострофом от заимствованного оригинала, позволяет органично включить заимствование в русский текст путем уподобления его грамматической системе принимающего языка.

5. В ряде случаев автор вводит иноязычный элемент при сопровождении полиграфических средств. Следует отметить, что основным графическим средством у В. Аксенова остаются кавычки – выделение курсивом или иными графическими средствами не типично для автора. Кавычки создают в тексте эффект отстраненности:

- «Они полностью не понимают друг друга, – говорит режиссер, – люди разных миров, совершенно разный “*бэкграунд*”» [«В поисках грустного бэби»: 15]; «Теперь, после того как “*соважи*”¹ были рассеяны, он с еще большей решимостью раскрыл объятия перед своей внучкой: дитя мое!» [«Кесарево свечение»: 309] и т. д.

¹ от фр. *sauvages* – дикари.

Употребление кавычек подчеркивает противопоставление заимствований общелитературному контексту и свидетельствует об их чужеродности и о собственной непричастности писателя к подобному словоупотреблению, таким образом он дистанцируется от употребления заимствований. В целом использование графических средств направлено на придание большей экспрессивности контексту.

6. Продуктивно применяется в текстах способ перевода. Забота автора о доступности текста и стремление представить предметы и явления окружающей иностранной действительности средствами русского языка объясняют случаи перевода ряда иноязычных лексем.

Особый интерес представляет использование перевода для передачи некоторых географических наименований. В то время как в английском языке географические названия, как правило, используются без каких-либо сопроводительных нарицательных элементов, для русского читателя автор считает необходимым введение дополнительных поясняющих слов:

- «... к озеру *Айриш Понд*» [«В поисках грустного бэби»: 216]; «над горизонтом висела огненная полоска знаменитого *моста Голден Гейт Бридж*» [«Круглые сутки нон-стоп»: 384].

В. Аксенов оставляет географические названия без перевода, однако добавляет к английским словосочетаниям нарицательные элементы «озеро» и «мост», которые можно рассматривать как перевод одного из составляющих словосочетание элементов: «*понд*» (от англ. pond – озеро, пруд), «*бридж*» (от англ. bridge – мост). Значения данных элементов передают дополнительные сведения об объектах, которые, по мысли автора, могут быть непонятны русскому читателю; таким образом, сопровождение названий русскими эквивалентами направлено на снятие трудностей при декодировании содержания высказывания.

В отдельных случаях автор использует перевод для передачи наименований узкого, местного значения:

- «В его любимом баре, который называется “*Неряха Джо*”»...» [«В поисках грустного бэби»: 183].

Название бара в этом случае дано в переводе на русский язык, поскольку передает специфику внутренней формы наименования, вносит дополнительную информацию о характере главного персонажа произведения.

Вариативное написание имеет место в случае передачи иностранных имен собственных, так, например, название английского корабля автор вначале передает транскрипцией, сохраняя иноязычное звучание словосочетания, тем самым подчеркивая его принадлежность Великобритании, впоследствии то же наименование дается в переводе:

- «В морской канал вошел английский пароход “*Дьюк оф Нормандии*”» [«Коллеги»: 51]; «На палубе “*Герцога Нормандского*” ... болтались свободные от вахты матросы» [«Коллеги»: 52].

Можно предположить, что в данном случае автор уделяет внимание практической полезности наименования, в результате чего возрастает роль перевода по сравнению с фонетической передачей.

Разнообразие графико-орфографических средств в идиостиле В. Аксенова можно объяснить воздействием иноязычной среды и речевого узуса окружающих, стремлением сделать свой язык более выразительным и индивидуальным, повысить экспрессивность текста. Кроме того, использование заимствований в тексте как в русской графике, так и с сохранением графического написания языка-источника в целом соответствует современным тенденциям развития русского литературного языка, для которого на современном этапе «характерно освобождение от оков “орфографического режима”, и это выражается в не присущей периоду тотальных запретов значительной свободе орфографических реализаций» [Григорьева 2000: 66].

2.2.2. Лексические особенности заимствований

На лексическом уровне под воздействием системы английского языка писатель использует многочисленные иноязычные единицы, непосредственно заимствованные из языка-источника и выполняющие в текстах самые разнообразнейшие функции (см. п. 2.1.1 – 2.1.8.)

Помимо непосредственного использования прямых заимствований, на лексическом уровне обращает на себя внимание включение писателем семантических калек. В данной работе мы будем рассматривать кальки как вид заимствования, применяемый для номинации и передачи значений иноязычных концептов и реалий, при котором заимствуется структура иностранного языка с использованием средств родного языка.

Исследователи называют калькирование одним из самых активных видов влияния чужого языка [Земская 2001: 96]. Продуктивное употребление калек характерно для языка значительной части русских эмигрантов третьей – четвертой волны. Явление калькирования, которое сводится, как правило, к расширению семантического объема и изменению сочетаемости слов, было отмечено такими лингвистами, как Д.Р. Эндрюс (1997), Е.А. Земская (2001), Е.Ю. Васянина (2001) и др.

Сходство русского и английского языков в плане выражения переносится на план содержания, в результате чего наблюдается расширение семантического значения слов. Семантической калькой является, например, употребление словосочетания «*генеральный хирург*» от англ. *general surgeon* – хирург общего профиля:

- «... а ведь это вредит здоровью, что наш *генеральный хирург* убедительно доказал» [«Кесарево свечение»: 53].

Лексема «*генеральный*» в значении «главный, основной, ведущий» характерна для русского языка, ср. *генеральный директор*, *генеральная линия*,

однако словосочетание «генеральный хирург» хотя и в не противоречит нормам языка, но и не соответствует узусу литературного общения.

Другой пример употребления семантической кальки – словосочетание «капитан квартала»:

- «“Капитан квартала”, отставной коммодор Трой Крэнкшоу, всегда был горазд устроить какое-нибудь светское событие прямо на улице...» [«Кесарево свечение»: 328].

Лексема «капитан» употреблена в значении «лидер, вожак, глава, авторитет», заимствованном из английского языка; для русского языка данное значение не характерно.

В текстах В. Аксенова находят употребление такие семантические кальки, как «публика *продвинутого* возраста» (от англ. advanced – здесь: пожилой) [«Новый сладостный стиль»: 198]; «*прямые* подростки» (от англ. straight – здесь: гетеросексуальный) [«Новый сладостный стиль»: 141]; «главный *кредит*» (от англ. credit – здесь: заслуга) [«Новый сладостный стиль»: 15] и др.

Изменение значения лексем в проанализированных примерах обуславливается не только сходным звуковым обликом слов, но и переносом части значений заимствований на соответствующие русские. Таким образом, многие англицизмы переходят в язык русских эмигрантов, расширяя свои семантические возможности.

Идиостиль В. Аксенова отличается частотным использованием семантических калек, отражающих особенности речи представителей русской диаспоры. Однако, помимо того, использование калькированных выражений служит целям создания стилистического эффекта, необходимого в тексте художественного произведения.

Характерно, что в более ранних произведениях писатель использует преимущественно прямые заимствования, употребление калькированных заимствований имеет место в романах позднего, эмигрантского периода, что

отражает более высокий уровень владения английским языком и подтверждает непосредственное влияние иноязычной среды.

2.2.3. Морфемные и словообразовательные особенности заимствований

Заимствованная из языка-источника иноязычная лексика проходит различные этапы адаптации в принимающем языке. Одним из важных показателей усвоения иноязычного слова являются его морфологические особенности.

Анализ практического материала с точки зрения словообразовательных процессов позволяет выявить две основные группы иноязычных лексем в текстах В. Аксенова:

- 1) заимствования, представленные без использования грамматических средств языка-реципиента, переданные с сохранением графики языка-источника или с помощью фонетической субституции: «Она была явно увлечена своим партнером из разряда *something different*» (от англ. какой-то другой) [«Кесарево свечение»: 432]; «*Beg ёр пардон*¹» [«Скажи изюм»: 318]; «...становятся осведомленными в таких понятиях, как “баланс” и “кэш флоу”²» [«В поисках грустного бэби»: 100] и т.д. Иноязычные лексемы данной группы совпадают по семантическим и структурно-морфологическим показателям со своими иноязычными этимонами, они достаточно употребительны, однако не представляют интереса с точки зрения использования словообразовательных средств.
- 2) заимствования, включенные в парадигму принимающего языка и претерпевшие в связи с этим различные изменения и модификации. Признаками грамматической адаптации можно считать падежные и число-

¹ от англ. **beg your pardon** – прошу прощения.

² от англ. **balance** – (ком.) баланс, сальдо, **cash flow** – приток наличности.

вые формы имен существительных и прилагательных, спряжение глаголов по нормам русского языка. Заимствования данной группы продуктивно представлены в текстах писателя.

Наиболее существенное место среди заимствованной лексики образуют имена существительные. Они подвергаются грамматическому оформлению в соответствии с законами русского языка, однако степень их адаптации может быть различной.

Существительные с финальной согласной склоняются как существительные мужского рода в русском языке: «в *свинге*» [«Ожог»: 31]; «*френды*» [«Ожог»: 153]; «тележка с *хот-догом*¹» [«Ожог»: 113] и т. д.

Иноязычные существительные с исходом на *-tion*, *-sion* склоняются как существительные женского рода по аналогии с русским языком: «весенними *вакациями*» [«Ожог»: 239]; «произвел *импрессию*» [«Ожог»: 39]; «една *генерацыя*»² [«Новый сладостный стиль»: 322] и т. д.

Ряд иноязычных существительных, соответствующих русским существительным женского рода, при грамматическом переоформлении приобретают соответствующие окончания и начинают склоняться как существительные женского рода: «*экипа*» [«Новый сладостный стиль»: 323]; «*герла*»³ [«Кесарево свечение»: 528] и т. д.

В ряде случаев имеет место смешение грамматических форм имен существительных, когда использование заимствования во множественном числе языка-источника приобретает в языке-реципиенте окончание, присущее существительному множественного числа: «*лэпсы*» [«Кесарево свечение: 163] – от англ. lap – круг на стадионе, трек; «*кидсы*» [«Кесарево свечение: 526] – от англ. kid – ребенок. В приведенных примерах показатель множественного числа английских этимонов не передает значение множественности,

¹ от англ. **swing** – размах, взмах, естественный ход, свобода действий; **friends** – друзья; **hot dog** – горячие сосиски.

² от англ. **vacations** – каникулы, отпуск; **impression** – впечатление; **generation** – поколение.

³ от фр. **equipe** – здесь: съемочная группа; от англ. **girl** – девочка, девушка.

грамматическое значение языка-источника теряется в процессе заимствования, в русском языке происходит переосмысление их формы, и они получают дополнительную форму множественного числа.

Производные существительные могут быть использованы с иноязычным суффиксом. Одним из наиболее распространенных суффиксов является *-er (-or)*, обозначающий лиц по роду деятельности, привычкам, профессии и т. д., наименования которых отсутствуют в русском языке: «*ню-йоркеры*» [«Остров Крым»: 83]; «*мани-мейкеры*» [«Остров Крым»: 88]; «*нюз-мейкеры*» [«Остров Крым»: 97]; «*спичрайтер*»¹ [«Кесарево свечение»: 62] и т. д. Многочисленные примеры данной группы подчеркивают антропоцентрический характер словообразования.

Английский суффикс *-инг*, передающий значение номинации явления, действия или процесса, абстрактного понятия, продуктивно используется при заимствовании иноязычных единиц: «*комьютинг*» [«В поисках грустного бэби»: 224]; «*руфинг*» [«Новый сладостный стиль»: 108]; «*билдинг*»² [«Кесарево свечение»: 131] и т. д.

Морфологические особенности заимствований проявляются, кроме того, в использовании словообразовательных калек, их иноязычность заключается в возникновении по словообразовательному образцу и подобию соответствующих слов языка-этимона. Данный вид калькирования не характерен для заимствований из английского языка, исследователи отмечают отсутствие словообразовательных калек в языке эмигрантов [Земская 2002: 39]. В исследуемых текстах найден один пример словообразовательной кальки:

- «Остановились в городке *Сладководске* (как еще назовешь *Sweetwater-city*) [«В поисках грустного бэби»: 42].

¹ от англ. **New-Yorker** – житель Нью-Йорка, **money maker** – человек, зарабатывающий деньги, **speech writer** – человек, подготавливающий речь, ораторское выступление.

² от англ. **commuting** – поток транспорта из пригорода в город; **roofing** – покрытие крыши; **building** – здание.

Название города образовано сочетанием английских лексем *sweet* – *сладкий*, *water* – *вода*, *city* – *город*. Автор находит наиболее удачный способ перевода всех составляющих слово морфем, в результате чего рождается новая номинация, представленная словообразовательной калькой «*Сладководск*» по аналогии с русским «*Кисловодск*».

Большой продуктивностью обладают авторские неологизмы, образованные от иноязычных основ с помощью русских аффиксов. В целом словообразование авторских существительных в текстах отличается исключительным разнообразием. При помощи традиционных суффиксальных средств русского языка были образованы следующие неологизмы от основ иноязычных субстантивов:

– имена существительные с суффиксами *-их*, *-иц*, *-ин*, *-чик*, *-к*, передающие размерно-оценочные значения; оттенок увеличительности, как правило, сочетается с негативной оценкой: «*герлфрендиха*» [«Кесарево свечение»: 125], «*чайльдице*» [«Скажи изюм»: 217], «*геттугезина*» [«Скажи изюм»: 176], «*уайтхорсина*»¹ [«Скажи изюм»: 140]; значение уменьшительности совмещено с положительной оценкой: «*шатапчик*» [«Новый сладостный стиль»: 42], «*айдийка*»² [«Скажи изюм»: 220];

– суффиксы *-иц*, *-ств* – используются для образования отвлеченных понятий: «*фратернизация*» [«Кесарево свечение»: 106], «*экзибиция*» [«Скажи изюм»: 220], «*тинэйджерство*»³ [«Новый сладостный стиль»: 354];

– суффикс *-ист* обозначает лиц, занимающихся тем, на что указывает производящая основа: «*энвайронменталисты*»⁴ [«Кесарево свечение»: 582].

Единичны случаи использования в текстах сложных и суффиксально-сложных существительных, образованных на основе неизменяемых иноязычных лексем, которые в системе английского языка относятся к сложным

¹ от англ. **girlfriend** – подруга; **child** – ребенок; **get together** – сбор, вечеринка, собрание; **white horse** – белая лошадь, кобыла.

² от англ. **shut up** – (груб.) замолчи, заткнись; **idea** – мысль, идея.

³ от англ. **fraternization** – тесная дружба, братание; **exhibition** – выставка, показ; **teenager** – подросток.

⁴ от англ. **environment** – окружающая среда.

словам: «*бой-друг*» [«Новый сладостный стиль»: 208]; «*бой-френд*» [«Кесарево свечение»: 84]; «*ти-майка*» [«Новый сладостный стиль»: 310]; «*пип-дырка*» [«Новый сладостный стиль»: 300]; «*герлфрендиха*»¹ [«Кесарево свечение»: 125].

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о продуктивном использовании имен существительных в текстах писателя. Они образуют основную массив иноязычных слов, составляют 91% всех зафиксированных единиц. Слова, относящиеся к другим частям речи, встречаются намного реже. По-видимому, столь широкое распространение иноязычных существительных можно объяснить их лексико-семантическими особенностями. При описании предметного мира, представленного преимущественно именами существительными, писатель сталкивается с необходимостью номинации разнообразных предметов и явлений, которые, как правило, выражаются именными формами, образованными от иноязычных основ.

Группа адъективных и адвербиальных образований представлена единичными примерами и образует около 5% от общего количества морфологически усвоенных лексем. Прилагательные и наречия в текстах В. Аксенова образованы преимущественно суффиксальным способом. Наибольшей частотностью обладают суффиксы *-н*, *-ск*, служащие для характеристики свойств предмета или явления, представленного иноязычной основой: «*Бьютифульная*² айдейка» [«Скажи изюм»: 220]; «*Это ридикюльно*³» [«Кесарево свечение»: 37]; «*плюральный*⁴ пипл» [«Кесарево свечение»: 334]; «*в тинейджерском*⁵ возрасте» [«Новый сладостный стиль»: 211] и др.

Подобные новообразования не выражают новых признаков или свойств предметов, в основном они образованы от иноязычных субстантивов

¹ от англ. **boy-friend** – друг; **T-shirt** – футболка; **peep-hole** – глазок, смотровое отверстие, щель; **girlfriend** – подруга.

² от англ. **beautiful** – прекрасный, красивый.

³ от англ. **ridiculous** – смешно, смехотворно, нелепо.

⁴ от англ. **plural** – многочисленный, множественный.

⁵ от англ. **teenager** – подростковый.

или соответствующих прилагательных. Адъективные и адвербиальные неологизмы отражают субъективные ощущения и ассоциации автора и его персонажей, вызванные отображаемой действительностью.

Заимствованные иноязычные глаголы приобретают соответствующие русскому языку формы лица, наклонения и времени, получают определенное видовое значение. Формальным показателем грамматической адаптации иноязычного глагола является включение его в категорию спряжения по имеющимся в русском языке моделям. Глагольная деривация от иноязычных основ может быть представлена как суффиксальным, так и приставочно-суффиксальным способами.

Иноязычная основа заимствуемого глагола может употребляться в сочетании с русскими грамматическими показателями. Активно использованы автором иноязычные глаголы, образованные по образцу русских продуктивных классов на *-ать*: «*спикать*» [«Ожог»: 182]; «*бибисовать*» [«Ожог»: 337]; «*спелинговать*» [«В поисках грустного бэби»: 45]; «*эбьюзать*»¹ [«Кесарево свечение»: 173] и др.

Продуктивны случаи употребления в текстах глаголов на *-уть*: «*фиксануть*» [«Кесарево свечение»: 33]; «*киднепнуть*» [«Кесарево свечение»: 188]; «*дефектнуть*»² [«Новый сладостный стиль»: 31] и т. д.

Единичны случаи приставочно-суффиксального словообразования: «*заджемить*» [«Бумажный пейзаж»: 406]; «*зафоргетить*» [«Ожог»: 319]; «*проспелинговать*»³ [«Скажи изюм»: 152]. Данные глаголы мотивированы иноязычными глаголами или отглагольными существительными, выражающими категорию процессуальности, они характеризуют действие с различных сторон.

¹ от англ. **to speak** – говорить; **BBC** – Британская вещательная корпорация; **to spell** – писать, называть по буквам; **to abuse** – нарушать, неправильно обращаться, злоупотреблять.

² англ. **to fix** – приготовить; **to kidnap** – похищать людей; **to defect** – нарушить долг, дезертировать.

³ от англ. **to jam** – загромождать, запруживать; **to forget** – забывать; **to spell** – писать, называть по буквам.

Рассмотренные глаголы образованы в соответствии с грамматическими законами русского языка, не противоречат языковому сознанию русского человека и остаются доступными для восприятия. В текстах В. Аксенова заимствованные глаголы составляют около 4%.

Словообразовательная активность иноязычных неологизмов в идиостиле писателя достаточно велика. Можно выявить словообразовательные пары, один из компонентов которых образован от иноязычной именной основы с помощью аффиксации: «*спеллинг*» – «*проспелинговать*»¹ [«Скажи изюм»: 152], «*джетлег*» – «*джетлеготина*»² [«Кесарево свечение»: 56], «*тинейджер*» – «*тинейджерский*», «*тинэйджерство*» [«Новый сладостный стиль»: 211, 354] и т. д.

Архитектоника словообразовательных гибридов соответствует основным принципам русского литературного языка: на основе существующих тождественных моделей словообразования создаются новые семантически емкие понятия, сочетающие использование исконных и заимствованных языковых средств. Сочетание этимологически разноязычных элементов (иноязычная производящая основа + исконные аффиксы) иллюстрирует взаимодействие национального и заимствованного компонентов, отражает степень усвоения языком иноязычной морфемы.

В целом для В. Аксенова характерно использование производных от иноязычных слов, не получивших широкого употребления в современном русском литературном языке. Подобное словоупотребление соответствует особенностям речевой коммуникации представителей русской диаспоры в Америке и демонстрирует один из наиболее распространенных и перспективных способов номинации в языке эмигрантов, отражающих моделирование языковой действительности. Употребление слов-гибридов становится возможным благодаря использованию инвентаря русских аффиксальных

¹ от англ. **spelling** – правописание, орфография.

² от англ. **jet-lag** – реактивное отставание, нарушение суточного ритма организма в связи с перелетом через несколько часовых поясов (на реактивном самолете).

морфем для выражения различных оттенков значений. Словообразование иноязычных неологизмов отражает тенденцию сохранения русского словоизменения: «сильный словообразовательный механизм русского языка порождает на базе иноязычных основ имена и глаголы, включающие суффиксы, приставки и флексии, то есть оформленные по законам русской грамматики» [Земская 2001: 207].

Проанализированные примеры свидетельствуют о продуктивном характере словообразования от иноязычных основ. Наиболее частотным способом образования новых лексем можно считать аффиксальную деривацию, представленную преимущественно суффиксацией, что подтверждается данными исследователей, отмечающих, что в современном русском литературном языке префиксация активна, но отстает от суффиксации [Земская 1992: 90]. Неологизмы в текстах В. Аксенова образованы с помощью действенных и функционально активных аффиксов, обладающих высоким внутренним потенциалом и придающих новые оттенки значений иноязычным словам. Экспрессивный характер большинства словообразовательных средств повышает эмоциональность контекста, дает возможность выразить авторскую модальность.

Анализ приведенного материала позволяет заключить, что словообразование у В. Аксенова является продуктивно используемым экспрессивным приемом, оно обусловлено потребностью смысловой дифференциации и уточнения информативных возможностей лексем. Словообразование от иноязычных основ отражает стремление писателя найти необходимый способ номинации предмета или явления в соответствии с художественным замыслом, осуществлять эксперименты со словами, направлено на поиск языковых средств, позволяющих максимально выразить авторскую индивидуальность при опоре на словообразовательную систему русского языка.

2.2.4. Синтаксические особенности

Функционирование заимствований на синтаксическом уровне проявляется в использовании фразеологических, синтаксических калек и пассивных конструкций. Устойчивость синтаксической системы русского языка препятствует активному внедрению калек в современный речевой узор, поэтому они остаются в сфере окказионального употребления автором в рамках отдельного речевого отрезка. Продуктивное использование калек в художественных текстах обусловлено их прагматической направленностью, поскольку их частотность находится в непосредственной зависимости от тематики и социально-коммуникативной ситуации, отраженной в тексте. Анализ эмпирического материала показывает продуктивное употребление калек как своеобразного способа заимствования в текстах об Америке и жизни эмигрантов.

Прекрасно владея английским языком и живя в англоязычной среде, В. Аксенов, как и многие другие эмигранты, продуктивно употребляет кальки преимущественно фразеологические, отражающие в совокупности заимствование строения словосочетания, семантику национальных концептов и особенности индивидуального словотворчества.

В отдельную группу следует выделить фразеологические кальки, характерные для системы государственного устройства и общественно-политической жизни США, не имеющие аналогов в русском языке. Так, словосочетания «*зеленая карта*», «*красная лента*» являются кальками, заимствованными из США, называющие характерные только для Соединенных Штатов реалии:

- «Не без чувства усталой гордости я представил в вашингтонский отдел иммиграции толстый пакет со всеми бумагами, необходимыми для получения “*зеленой карты*” постоянного обитателя США» [«В поисках грустного бэби»: 81], *зеленая карта* – от англ. green card – документ, названный так по своему цвету, разрешающий человеку,

не являющемся гражданином США, жить и работать в этой стране; «Гордость мою поймет всякий иммигрант, потому что этому моменту предшествовало множество унылого бюрократического вздора, который в Америке со столь неожиданной для выходцев из стран социализма красноречивостью зовется “красной лентой”» [«В поисках грустного бэби»: 81], *красная лента* – от англ. red tape – бюрократизм, волокита, канцелярщина.

Употребление данных фразеологических калек обусловлено необходимостью номинации соответствующих явлений, отсутствующих в русском языке, с которыми неизбежно сталкиваются эмигранты при получении права на жительство в Соединенных Штатах. Автор предпочитает заимствованную фразеологическую кальку русскому описательному обороту, поскольку это позволяет ему наиболее экономно передать суть обозначаемых явлений, сохраняя характерные национальные особенности.

Ряд фразеологических калек основан на метафорическом употреблении лексем, например, «*повернуть холодное плечо*», «*выкатить красный ковер*»:

- «Вам там *выкатят красный ковер*. Ну, это просто такое английское выражение. В общем, великолепный прием вам обеспечен» [«Новый сладостный стиль»: 32], от англ. to roll out the red carpet for somebody – оказать кому-либо теплый прием; «Она жаловалась, что ты окатил ее ушатом холодной воды, то есть “*повернул к ней холодное плечо*” по-нашему» [«Новый сладостный стиль»: 275], от англ. to give (show) somebody the cold shoulder – оказать кому-то холодный прием.

В. Аксенов использует калькированный перевод данных английских идиоматических выражений в речи иностранных персонажей произведений, тем самым достигая эффект образной насыщенности, яркости в оценке явлений и реалистичности описания. Характерно, что при обозначении малознакомых реалий средствами фразеологических калек писатель активно прибе-

гает к приему комментирования, позволяющему точнее понять содержание текста.

Значительный пласт образуют кальки, имеющие в качестве составляющих переходные глаголы английского языка (*to have, to take, to make*) с именами существительными. Под влиянием английского языка изменяется сочетаемость этих глаголов, появляются сочетания, не характерные для современного русского языка, такие, как «*сделать новость*», «*брать уроки*», «*брать историю, иностранные языки*», «*брать что-то серьезно*» и т. д. Употребление калек этого рода характерно для языка значительной части представителей русской диаспоры в Америке. Тексты В. Аксенова обеспечивают письменную фиксацию этих особенностей, позволяют проанализировать наиболее характерные черты языка эмигрантов:

- «Вы “*сделали новость*”, мой друг, – сказал седовласый, сияющий от счастья профессор актерской школы Шеннон» [«Новый сладостный стиль»: 254]; «Я, признаться, многого и не ждал, но все-таки был удивлен, обнаружив, что выпускники университета, “*берущие уроки*” по классу писательского мастерства, то есть господа молодые американские писатели, не знают ни Ахматовой, ни Пастернака...» [«В поисках грустного бэби»: 228] и т. д.

Данные словосочетания используются либо в речи иностранных персонажей и русских эмигрантов, придавая произведению естественность и колорит, либо в авторских размышлениях, связанных с жизнью В. Аксенова в Америке. Показательно, что фразеологические кальки от соответствующих английских выражений автор заключает в кавычки, подчеркивая их свежесть и сторонность общелитературному контексту, с одной стороны, и используя как показатель чуждости и собственной непричастности к подобным выражениям, не соответствующим стандартам речевого общения русского литературного языка, с другой стороны.

Английские и американские фразеологические обороты активно используются автором для передачи специфического национального колорита в тексте:

- «*Чтобы сделать эту длинную историю короткой*,¹ скажу только, что мне дали пинка под зад, дитя мое» [«Новый сладостный стиль»: 171]; «*Называя лопату лопатой*»,² я скажу, что в наши дни антиамериканисты, даже и такие, как Габриэль Гарсия Маркес, являются врагами свободы...» [«В поисках грустного бэби»: 262].

Автор предпочитает калькированный перевод английских фразеологизмов соответствующим русским эквивалентам, оставляя их без комментариев и предоставляя читателям самим судить об их значении.

Характерны случаи авторского употребления названий американских городов, которые в ряде случаев обладают кличками и используются автором в виде фразеологических калек в текстах:

- «В *Большом Яблоке* не возникло русской литературной столицы» [«В поисках грустного бэби»: 26].

В. Аксенов комментирует в сносках кальку «*Большое Яблоко*», указывая, что яблоко – символ Нью-Йорка;

- «Люди в роскошном и полном чудес *городе Ангелов* вывешивают на своих домах предупреждения...» [«В поисках грустного бэби»: 31].

Использование калькированного выражения «*город Ангелов*» для названия Лос-Анджелеса позволяет избежать тавтологии, служит для расширения синонимических средств и придает национальный колорит тексту.

Фразеологические кальки составляют самую существенную группу в идиостиле писателя, они оживляют язык, позволяют отразить особенности английской речи и речи русских эмигрантов. Однако в то время как в речи

¹ от англ. **to cut a long story short** – короче говоря.

² от англ. **to call a spade a spade** – называть вещи своими именами.

эмигрантов кальки используются в основном в денотативном значении, типичном для английского языка, в текстах писателя они служат созданию художественных образов и передаче экспрессивной окраски. Существенное преобладание фразеологических калек по отношению к калькам других видов можно объяснить их образностью и легкостью запоминания. Как отмечают исследователи, фразеологические кальки активно усваиваются языком, поскольку «словосочетания из исконного русского материала запоминаются легче и быстрее, чем незнакомые словесные блоки из других языков» [Наумова 1989: 68].

Явление синтаксического калькирования распространяется на заимствование грамматической структуры предложения при использовании лексических средств русского языка и проявляется в продуктивном употреблении пассивных конструкций, отражающих несомненное влияние иноязычного окружения:

- «... и Маркес *был спрошен* московским телевизионным человеком...» [«В поисках грустного бэби»: 54]; «На Дюпон-серкл я *был остановлен дамой*, которая спросила...» [«В поисках грустного бэби»: 182] и др.

Частотное употребление пассивных конструкций не свойственно современному русскому литературному языку, что можно объяснить его флективным характером. Аналитический строй английского языка, напротив, допускает распространение пассивных оборотов в речи, поэтому они используются автором для иллюстрации влияния американской языковой среды.

В отдельных случаях В. Аксенов воспроизводит в текстах характерную для английского языка конструкцию «*сложное дополнение с причастием вторым*» “to have something done” – «иметь что-то сделанным». Пассивный характер причастия второго в английском языке передает информацию о том, что субъект не выполняет действия сам, а принимает результаты действия, выполненного кем-то другим:

- «До чрезвычайности приятный негр, имея над собой включенным личный источник света (прошу прощения за безобразный англицизм, но как иначе скажешь об этом), почитывал какой-то журнальчик...» [«Скажи изюм»: 228].

Грамматическая конструкция английского языка позволяет передать информацию более полно и исчерпывающе, кроме того, содержит определенную экспрессивно-стилистическую коннотацию. Противопоставление в одном контексте русских и английских лексем усиливает стилистический эффект. Автор таким образом максимально использует потенциальные возможности языка, создавая напряжение языковых норм и вводя в текст элементы других языков, воспроизводит реальную картину иного общества с другой культурой.

Показательно, что примеры с данной конструкцией не были выявлены исследователями в речи эмигрантов – они характерны только для языка В. Аксенова. Синтаксические кальки подчеркивают владение писателем грамматическими особенностями построения предложений и английским языком в целом, характеризуют его стиль и художественное мастерство.

За счет использования калек существенно расширяются смысловые возможности текстов, они становятся значительно богаче любого отдельного языка, поскольку в них взаимодействуют и интерферируют элементы других языков. Внутренне неоднородная структура текстов позволяет не только адекватно передать информацию, но и способствует порождению нового дополнительного смысла.

2.3. Способы введения заимствований в текст

Вводя в русский текст большое количество иноязычных лексем, автор использует различные средства осмысления их значений, которые могут варьировать в зависимости от его интенций.

1. Иноязычное слово может быть объяснено внутритекстовыми пояснениями, которые, как правило, небольшие по объему и сводятся к поиску соответствующего русского эквивалента и комментированию заимствований с его помощью. Комментарии подробно объясняют значение иноязычных элементов, они представляют собой парафразы, обусловленные контекстом. Авторские комментарии облегчают знакомство с иноязычными предметами для широкого круга читателей. Кроме того, они обладают определенным стилистическим назначением – подчеркивают иноязычность заимствованных лексем, передают их коммуникативную нагрузку и адаптируют для восприятия русскоязычными читателями:

- «В мае одного из девяностых годов, вроде бы где-то в середине десятилетия получил *sabbatical*, то есть академический отпуск на весь осенний семестр» [«Кесарево свечение»: 202].

В приведенном примере автор сосредоточивает внимание на иноязычной лексеме и комментирует ее, поскольку она выполняет значительную смысловую нагрузку – от ее правильного декодирования зависит смысл всего предложения.

Внутритекстовое пояснение незнакомой лексической единицы может быть представлено словом-синонимом или родовым понятием:

- «Профессор как в воду глядел, когда перед поездкой купил за двадцатку в соседнем *пон-шопе* (комиссионке) наган с инкрустациями» [«Кесарево свечение»: 342].

Синонимы облегчают восприятие высказывания и используются в качестве семантической поддержки. Автор продуктивно использует способ употребления заимствований в синонимических рядах среди однородных членов, обладающих общей семантикой. Заимствования могут быть использованы как в конце синонимического ряда, так и в начале:

- «Начинается период семейных неурядиц, измен, *адюльтеров*¹ и появляется роман о писательских романах, изменах, *адюльтерах*» [«В поисках грустного бэби»: 155]; «С тех пор как подвесили кормушки, у дома стало порхать множество здешней крылатой братии: все эти *финчи*, *роббины*, *ориолы* и *кардиналы*²; иной раз залетает *мэгпай*³, а то вдруг из зеленых глубин близкого леса, словно воздушный разведчик, пожалует *хупу*⁴» [«Кесарево свечение»: 33]; «Так создается общество *вэлфэра*⁵, идеальная утопия, невиданный коммунизм» [«Кесарево свечение»: 33] и т.д.

Заимствования, использованные в конце ряда, вносят дополнительные характеристики перечисленных ранее явлений, в начале синонимического ряда они направлены на привлечение и обострение читательского внимания и декодируются в контексте с помощью следующих за ними синонимов.

2. Широко распространены в текстах подстрочные сноски неизвестных заимствований:

- «Однажды меня пригласили на *creative writing*⁶ одного женского колледжа в окрестностях Вашингтона» [«В поисках грустного бэби»: 140]; «... этим столь прекрасным организмам, олицетворяющим *sun and fun*⁷ Южной Калифорнии» [«В поисках грустного бэби»: 221].

Подстрочные сноски представляют собой дефиниции иноязычных лексем. Они предназначены для предоставления адресатам информации, необходимой для адекватного восприятия содержания текста и расширения фоновых знаний читателей. В подстрочные комментарии, как правило, автор вы-

¹ от англ. **adultery** – измена.

² от англ. **finch** – зяблик, **robin** – малиновка, **oriole** – иволга, **cardinal** – кардинал (птица из семейства дубоносов).

³ от англ. **magpie** – сорока.

⁴ от англ. **hoopoe** – удод.

⁵ от англ. **welfare** – социальное пособие.

⁶ писательское мастерство (англ.) (перевод В. Аксенова).

⁷ солнце и радость (англ.) (перевод В. Аксенова).

носит реалии, объяснение которых по каким-либо причинам невозможно в тексте.

Характерно, что употребление заимствований в качестве повторных номинаций не сопровождается дополнительным русским толкованием:

- «Скрип тормозов, рядом с нами останавливается *вэн*» (фургон) [«В поисках грустного бэби»: 87]; «... и я залез в его *вэн*» [Там же: 88].

В расчете на доступность первоначального толкования автор употребляет иноязычную лексему во второй раз без комментариев, таким образом резюмируя сказанное выше и закрепляя новое слово в сознании читателей. Отсутствие дополнительного перевода и толкования в данном примере свидетельствует о семантической освоенности приведенного заимствования русским языком.

В романе «Новый сладостный стиль» (1997) В. Аксенов использует способ толкования значений иноязычных слов в глоссарии, представленном в конце книги. Как представляется, использование глоссария не является удобным для читателей, не владеющих иностранными языками, поскольку интерпретация незнакомого слова или словосочетания оказывается сопряженной с поиском в глоссарии и отвлекает от нити повествования.

3. Введение в текст иноязычных элементов может быть сопровождено особыми сопутствующими словами или словосочетаниями, такими, как *американцы, американский, в Америке*, которые служат специфическими индикаторами, раскрывающими этимологию заимствований, и придают тексту национальную атмосферу:

- «Вот как раз “по делу” вспомнилось американское словечко “*босс*”¹» [«Круглые сутки нон-стоп»: 308]; «Вы говорите как наши “*ред нек*”, – возражали американцы» (от англ. *red neck* – деревенщина, тупица) [«В

¹ от англ. **boss** – хозяин, предприниматель, босс.

поисках грустного бэби»: 48]; «Домоуправляющий просиял: все в порядке, *фолкс*², вы в Америке!» [«В поисках грустного бэби»: 171].

Использование подобных слов актуализирует связь иноязычного элемента с исходным языком, указывает на место действия и подтверждает его иноязычность.

4. Иноязычное слово может быть дублировано соответствующим русским непосредственно в тексте:

- «Москвич совсем еще был не в своей тарелке, его покручивало современное страдание, именуемое в той стране, куда он попал, *jet-leg*, *джет-лэг*, “реактивное отставание”» [«Круглые сутки нон-стоп»: 286]; «Есть в США тип мужского населения, который называют *tough guy*, “*таф гай*”, “*жесткий парень*” – это мужчина средних лет с крепко очерченным лицом, неизменный герой коммерческих реклам» [«Круглые сутки нон-стоп»: 366].

Употребление иноязычного словосочетания сначала в графике исходного языка, а затем в графическом и фонетическом оформлении средствами русского языка и, наконец, в переводном варианте, по-видимому, рассчитано на попытку донести до читателей максимум информации путем актуализации этимологии иноязычного выражения и ассоциативных связей.

5. При введении заимствований в русский текст автором продуктивно использованы дискурсивные приемы, предупреждающие читателя о появлении иноязычной единицы. К таким дискурсивным приемам можно отнести обороты: «кого называют», «что называют», «так сказать» и др. Авторские комментарии в данных случаях выполняют информативную функцию и передают ссылку на источник информации или выражают субъективную точку зрения писателя, его попытки подобрать адекватный эквивалент описываемому явлению:

² от англ. **folks** – здесь: братва, братцы.

- «... те, кого называют *high yellow* (здесь: светлокожий)» [«В поисках грустного бэби»: 85]; «Все как будто принадлежали к тому типу, что нынче называют “*яппи*” (от англ. YP – young professionals – интеллектуальная молодежь)» [«В поисках грустного бэби»: 49]; «Вспоминая весь этот советский, так сказать, *background* ...(здесь: опыт)» [«В поисках грустного бэби»: 139]; «Перешагнув порог, я увидел, что в *anteroom*, ну, как это по-нашему – в прихожей, что ли, – кто-то сопит на двух сдвинутых креслах» [«Кесарево свечение»: 39] и др.

В приведенных примерах дискурсивные обороты использованы в нейтральном контексте, предваряя введение заимствования, они подготавливают читателя к появлению нового иностранного слова, а также подчеркивают авторскую отстраненность, свидетельствуют о том, что подобное словоупотребление не стало нормой для самого писателя.

6. Нередко один контекст без каких-либо пояснений позволяет раскрыть семантику неизвестного иностранного слова, при этом автор опирается на собственный культурно-языковой опыт и содержательное пространство текста:

- «Вышколенные *гарды*¹ из лучших охранных агентств Москвы и Острова Крыма...» [«Кесарево свечение»: 246]; «Над ними заходили на посадку *джамбо-джеты*²» [«Кесарево свечение»: 401]; «Обнаружив экзистенциальный смысл идеи бегства, Александр без труда написал “*аутлайн*”³, отослал странички в Лос-Анджелес и вскоре получил пятизначный чек от “Чапски продакшн”» [«Новый сладостный стиль»: 337] и т. д.

Во многих случаях заимствования в текстах не переводятся и комментарии в сносках тоже отсутствуют. Можно предположить, что автор адресует свои произведения в основном осведомленным и квалифицированным чи-

¹ от англ. **guard** – телохранитель, охранник.

² от англ. **jumbo-jet** – гигантский аэробус, реактивный лайнер.

³ от англ. **outline** – набросок, эскиз, очерк, схема, план, конспект.

тателям в расчете на их подготовку, фоновые знания или контекстуальное осмысление. По-видимому, иностранная оболочка заимствований оказывает для него более существенной, чем передаваемое содержание.

Изученный материал позволяет сделать вывод о продуктивном использовании автором разнообразных способов передачи иноязычных лексем в русскоязычном тексте. Выбор способа ввода заимствования, комментирование и осмысление значений обусловлены их местом в тексте, содержанием произведения и намерениями автора. Важную роль при этом играет значимость лексической единицы и контекстное окружение. Использование авторских комментариев и их структурно-семантическая организация зависит от прагматической направленности, цели комментариев определяются интенциями адресанта и предназначены для толкования или оценки текста.

Разнообразие приемов и способов введения иноязычной лексики в тексты писателя позволяют судить об индивидуальности и неповторимости авторского стиля. Использование заимствований не нарушает восприятия текста для читателей, владеющих иностранными языками, кроме того, обилие комментариев и ссылок призвано помочь понять суть явления адресату, не знающему языков.

Анализ функций заимствований и особенностей их использования в идиостиле В. Аксенова позволяет утверждать, что в художественных текстах писателя иноязычные элементы в полном объеме реализуют собственные языковые возможности. Они становятся самостоятельными единицами текста, обладают специфическими графико-орфографическими, лексическими, словообразовательными и синтаксическими особенностями и, выполняя определенные функции, выступают носителями индивидуально-авторской семантики, одним из составляющих идиостиля писателя.

Глава 3. Формирование и особенности билингвизма в художественном дискурсе В. Аксенова

3.1. Западное влияние и предпосылки билингвизма писателя (советский период)

Полноценный анализ произведений писателя-эмигранта третьей волны В. Аксенова невозможен без рассмотрения его творчества в контексте жизни писателя. Творчество В. Аксенова можно рассмотреть в качестве одного из примеров существования билингвизма в пределах национальной литературы. Анализ текстов писателя существенно важен для изучения явления литературно-художественного билингвизма: он даст возможность в известной мере восстановить ту языковую ситуацию, которая существует в настоящее время в среде русских эмигрантов Америки, позволит изучить взаимовлияние двух и более языков с точки зрения передачи определенной культурной информации.

Америка занимает особое место в творчестве В. Аксенова как по продолжительности пребывания, так и по той роли, которую она сыграла в его жизни. Мировосприятие писателя складывалось под влиянием западной культуры и литературы.

Формирование творческой личности писателя и эволюция его социально-философских взглядов приходится на шестидесятые годы двадцатого века, когда период «оттепели» в России ознаменовался падением «железного занавеса» и способствовал возникновению массового интереса к западной культуре и образу жизни. По словам современников, «шестидесятые Америки не знали, но в нее верили. Огромная, еще не открытая страна целиком помещалась в радостном подтексте советского сознания» [Вайль, Генис 1992:

146]. Интерес ко всему западному вскоре сменился отрытым подражанием, что нашло воплощение в манере поведения, общения и одежде.

В. Аксенов пишет об увлечении молодых людей своего поколения Америкой: «Клочки музыки, обрывки информации создавали золотое свечение ауры, поднимавшейся над горизонтом на закате, над недоступным и таким желанным Западом и над самым западным Западом, над Америкой. Одежда из Америки фетишизировалась. По Невскому проспекту в Ленинграде ходила толпа стилиг. Дергая конечностями (так, им казалось, должны были вести себя американцы на Бродвее; кстати, и Невский проспект они называли «Бродом»), они пели: «Я девушку встретил прекрасней зари, зовут ее Пегги Ли!» [«В поисках грустного бэби»: 19].

Василия Аксенова принято считать одним из лидеров прозы шестидесятых годов. Его произведения в полной мере отразили эволюцию взглядов этого поколения, ценностные ориентации молодежи, увлечение западным образом жизни, западной действительностью. Исследователи творчества В. Аксенова отмечают: «Аксенов воспитал в себе западника назло всякого рода идеологическим и эстетическим табу ... Раскаленная от гнева литературная печать не раз указывала на позорную зависимость «звездных мальчиков» Аксенова от героев Сэлинджера» [Сидоров 1989: 44].

На фоне подражания Западу в молодежной среде складывалось «прозападническое» сознание, «основой которого становились западные же ценности, главным образом, индивидуализм..., максимальная свобода личности, а в творческой среде – еще и подчеркнутая свобода творчества (модернизм вместо «замшелого соцреализма», джаз и рок-н-ролл вместо партийно-патриотической музыки и т. д.)» [Харитонов 1993: 8].

Анализируя развитие менталитета молодежи своего поколения, В. Аксенов отмечал повышенный интерес к Западу: «В разгар холодной войны, живя за нерушимым железным занавесом, мы как-то умудрились развить

прозападное направление ума, и в этом направлении, конечно, преобладал американизм» [«В поисках грустного бэби»: 18].

Следует отметить, что за открытым подражанием Западу, кроме того, стояло желание «шестидесятников» противостоять тоталитарному режиму, выразить свой протест против правящей идеологии и выразить себя в этом протесте.

Значительную роль в раскрепощении личности в то время сыграла музыка. Распространение в России джаза и рок-н-ролла было встречено поклонниками с большим восторгом. Неслучайно герои многих произведений В. Аксенова увлекаются джазовой музыкой, зародившейся в Великобритании. Распространение джазовой музыки и концерты популярных английских и американских исполнителей, музыкантов способствовали появлению и распространению новых английских слов, незнакомых для большинства окружающих и объединяющих любителей музыки. Персонажи произведений В. Аксенова либо с увлечением слушают музыку в стиле «рок», либо выступают в ансамблях, подражающих западным исполнителям. Автор приводит названия или строки известных песен на английском языке: «в такт джазовым мелодиям типа: *I'm beginning to see the light* или *Those foolish things*» [«В поисках грустного бэби»: 245]; «под звуки элингтоновского “*Take train “A”*» [«В поисках грустного бэби»: 18]; «*Come to me my melancholy baby*» [«В поисках грустного бэби»: 79]; «Что это было “*Stranger in the night*” или “*Summer time*”? [«Ожог»: 363] и т. д.

Приведенные названия песен используются как средство экспрессии в произведениях, они отражают стремление автора оживить повествование, сделать его более информационно и ассоциативно насыщенным. При условии наличия общего культурного опыта автора и читателя названия и строки песен рождают множество ассоциативных представлений.

Одним из проявлений межъязыковых контактов явилась переводческая деятельность писателя. В 70-е годы XX века В. Аксенов перевел с англий-

ского популярны произведения мировых авторов: «Рэгтайм» Э. Доктороу и «Переворот» Дж. Апдайка.

В целом западная литература оказала существенное влияние на умы и настроение «шестидесятников». Особенно популярны в среде советской интеллигенции того периода были произведения Э.М. Ремарка и Э. Хемингуэя. В. Аксенов отмечает влияние западной литературы (Э. Хемингуэя, Дж. Джойса, М. Пруста) на свое творчество еще в период жизни в Советском Союзе: «От нас же все было закрыто. Мы по крохам вытаскивали сначала западную литературу» [Аксенов 1990а: 18].

Влияние американской литературы прослеживается и в утверждении В. Аксенова о том, что он хотел бы быть «писателем американского типа с ударением на двух последних словах и потому не стеснялся брать свое там, где находил» [Кузнецов 1995: 209].

Воздействие американской культуры, литературы и западного образа жизни на личность писателя можно проследить в ряде его произведений еще доэмигрантского, советского периода. Для В. Аксенова всегда было характерно осознанное стремление к английской культуре и языку. Существует мнение, что один из первых романов писателя «Коллеги» перекликается с романами Э.М. Ремарка и Э. Хемингуэя, ироничность и сарказм персонажей литературоведы объясняют стилизацией под тексты вышеназванных авторов: «Роман В. Аксенова «Коллеги» (1960) связан с изменениями в психологии молодежи, связанных с выходом двухтомника Э. Хемингуэя (январь 1957) и романа «Три товарища» Э.М. Ремарка в 1958. Писатель ощутил, что эстетика данных произведений становится эстетикой жизни если не большинства, то многих сверстников В. Аксенова, а модели поведения героев Ремарка и Хемингуэя активно копируются» [Харитонов 1993: 38].

Дальнейшему знакомству автора с американской культурой способствовали поездки в Соединенные Штаты. После посещения Америки в 1975

году, куда В. Аксенов был приглашен для чтения лекций по современной советской литературе и писательскому мастерству, им был написан ряд произведений, посвященных Соединенным Штатам. С этого момента начинается перенос автором элементов английского языка в русский текст.

Роман «Ожог» (1975) интересен в плане развития тем и идей, представленных на более раннем этапе творчества В. Аксенова. В нем автор показывает жестокость коммунистической диктатуры и сталинской репрессивной машины, затрагивает нравственные проблемы современного ему общества. Характерно, что автор изначально не рассчитывал на публикацию в Советском Союзе и «Ожог» был впервые опубликован в Соединенных Штатах. Западное влияние в романе можно проследить на примере количественного анализа заимствований. Обращение автора к элементам иностранных языков с различными стилистическими целями (239 случаев) свидетельствует о влиянии иностранного языка и культуры на язык писателя, желании представить реальную картину в своем произведении.

Ориентация на американский образ жизни и следы годового пребывания в Америке в 1975 году отчетливо прослеживаются в романе «Остров Крым» (1979). Это было отмечено критиками сразу после выхода романа: «Любопытно, что «Остров Крым» был написан Аксеновым до отъезда; он уже тут, у нас, в мечтах своих выстроил собственную мини-Америку, точнее, собственный – и победивший, как в сказке, нэп» [Рассадин 1991: 205].

В. Аксенов рисует государство, живущее по западным нормам и стандартам, отсюда большое количество американизмов в романе (320 случаев). Персонажи романа говорят на английском и русском языках, пользуются иноязычной лексикой для номинации реалий, соответствующих американскому образу жизни.

В романе «Остров Крым» отчетливо прослеживаются некоторые мотивы романа Дж. Оруэлла «1984». Аллюзии на роман «1984» создаются, на-

пример, с помощью лозунга: “Big Brother watches you everywhere, doesn’t he?” (Большой Брат наблюдает за тобой повсюду, не так ли? (англ.) [«Остров Крым»: 111]. В. Аксенов проводит параллель между идеологией коммунистической партии и идеями антиутопии, высказанными Дж. Оруэллом.

В публицистическое эссе «Круглые сутки нон-стоп» (1976), написанное после посещения Соединенных Штатов, В. Аксенов включил путевые заметки, свои впечатления и размышления об Америке. Продуктивное обращение автора к заимствованиям (198 случаев) детерминируется тематической направленностью произведения. Использование заимствований в названиях произведения и отдельных глав стимулирует читательский интерес, говорит о причастности писателя к западному образу жизни.

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что хорошее владение английским языком, переводческая деятельность и интерес к западной литературной и культурой традиции, индивидуальные языковые контакты, желание постичь иное восприятие действительности, иную культуру, стиль мышления сформировали у писателя в целом позитивное отношение к американской культурно-языковой действительности и послужили предпосылками билингвизма.

3.2. Формирование билингвизма В. Аксенова (эмигрантский период)

Вопрос об отношении каждого отдельного эмигранта к своему родному языку и культуре и, соответственно, об отношении к языку и культуре принимающей стороны является существенным для изучения функционирования языка русской эмиграции, поскольку это основной фактор, влияющий на сохранение или, напротив, утрату речевых навыков в иноязычном окружении.

Один из исследователей языка эмигрантов Х. Пфандль пишет о понятии «внутренней» эмиграции, существовавшей в России в 60-е – 70-е годы,

выражавшейся в «отрицании образа жизни страны, в которой данный человек живет» и положительном настрое к принимающей стране [Пфандль 1994б: 104]. Такая установка оказала влияние на вербализованное поведение писателя, способствовала развитию интереса к культуре Соединенных Штатов.

Эмиграция В. Аксенова в 1980 году в Соединенные Штаты Америки, где он прожил более двух десятилетий и преподавал в университете Джорджа Мейсона в Вирджинии, оказала существенное влияние на его художественное видение мира и язык. Произведения эмигрантского периода знаменуют переход к новому этапу творчества, они представляют собой нечто новое, свидетельствуют о некотором изменении образа мышления, о попытках адаптироваться к новой языковой и культурной среде. Иноязычное окружение, использование иностранного языка в профессиональной сфере, необходимость постоянно совершенствовать свой английский не могли не оказать влияния на его русский язык. В одном из интервью В. Аксенов говорил: «Я преподаю в университете, то есть с утра до вечера говорю по-английски, иногда ловлю себя на том, что и думаю по-английски. Тем не менее мне нужно сохранять свой русский живым, поэтому я вынужден два раза в году отрываться от своих близких и проводить месяца по два в России» [Нузов 2002].

Вместе с тем В. Аксенов хорошо знает и чувствует английский язык. Годы жизни в Соединенных Штатах только усовершенствовали знание языка: «Америка не могла не повлиять на произошедшие во мне изменения, – говорит В. Аксенов. – Это – моя среда, среда моего обитания. Я здесь живу. Это мой дом» [Шарымова 1990: 88].

Повесть «В поисках грустного бэби» (1986), полностью посвященная Америке, содержит авторские размышления и ассоциации, связанные с жизнью в этой стране. В. Аксенов описывает новый образ жизни, он очарован и восхищен окружающей действительностью: Америка представляется ему свежим миром «либерализма и благородного неравенства», который вызывает самые положительные оценки писателя [«В поисках грустного бэби»: 20].

Естественно, что, когда речь идет непосредственно об Америке, автор не может обойтись без использования английских лексем. Диапазон обращения автора к иноязычной лексике намного шире, чем в других произведениях. Количественный анализ заимствований в тексте «В поисках грустного бэби» выявил 440 случаев. Столь продуктивное употребление заимствований в данном тексте выглядит вполне уместным. Анализируя использование англицизмов в художественной литературе на примере книг «В поисках грустного бэби» и «Круглые сутки нон-стоп», М.А. Брейтер приходит к выводу, что «англицизмы – это не только средство создания местного колорита, но и основной сюжетный ход произведений Аксенова и, в то же время, основа их художественной системы» [Брейтер 1997: 104].

В 1989 году на английском языке написан роман «Желток яйца». На вопрос, эксперимент ли это или он решил стать американским писателем, В. Аксенов ответил: «Нет, нет, я не собираюсь переходить на другой язык. Просто в процессе улучшения своего английского я попробовал написать роман. Это сугубо авантюрное, наглое такое предприятие» [Аксенов 1989: 83]. По-видимому, жизнь в иноязычной языковой среде способствовала тому, что автор всецело привык к общению на английском языке и писать на чужом языке для него не представляло никаких трудностей. Английский язык в романе послужил ему своеобразным средством опоры на западные традиции и западную культуру в соответствии с сюжетом. Кроме того, творчество на иностранном языке можно объяснить активной, жизнеспособной натурой писателя. Знание языковой системы английского языка и расчет на компетентного читателя позволяет В. Аксенову проводить языковые эксперименты. Сам писатель говорил, что использование потенциалов двух языков «может дать толчок к языковому эксперименту, к какой-то игре между двумя языками» [Аксенов 1990б: 73]. Очевидно, таким языковым экспериментом и стало создание романа на английском языке.

Во многих интервью В. Аксенов отмечает, что в Америке художественные произведения расцениваются как товар, который автор вынужден предлагать многим издательствам: «на Западе книга становится «коммодити», такой же, как любой другой торговый предмет» [Аксенов 1990а: 19]. Написанный на английском языке, «Желток яйца» так и не вышел в оригинальной версии. Писатель комментирует это следующим образом: «Я написал его в виде шутки, хохмы. Игровая абсолютно вещь. Можно воспринять как шпионско-политическую пародию на американцев... написал, американцы-друзья поправили язык немного... А потом двенадцать издательств его здесь отвергли. И он вышел во Франции в переводе на французский. Потом я его перевел на русский, а английского издания так и нет» [Аксенов 1993: 6].

Переведенный на русский язык, «Желток яйца» был опубликован в России. Русскоязычная версия романа обнаруживает явное влияние американского контекста (языка, культуры, действительности). В романе продуктивны случаи использования заимствованных иноязычных элементов и калек. В результате количественного анализа заимствований в тексте романа было выявлено 154 случая обращения писателя к элементам иностранных языков. В. Линецкий в критической статье указывал, что «язык “Желтка яйца” – “плохой”, изобилующий кальками, язык среднего перевода американской прозы». Далее автор статьи отмечает, что язык «намеренно продумано плох, ибо вообще-то Аксенов умеет переводить, как показал его давнишний перевод “Регтайма” Доктору, а самого себя переводить проще» [Линецкий 1992: 248]. Безусловно, автор намеренно допустил использование иноязычных элементов в переводном варианте романа, поскольку заимствование стало неотъемлемой чертой его творческой деятельности, характерной особенностью его стиля.

Подтверждение прогрессирующего влияния английского языка на язык писателя можно найти в результате количественной оценки заимствованных элементов в текстах, созданных в эмигрантский период жизни в США. Так

количественный анализ заимствований в романе «Кесарево свечение», написанного в 2000 году, позволяет выявить 595 случаев авторского обращения к иностранным языкам, а последний роман писателя «Новый сладостный стиль» обнаруживает 742 случая. Основные действия в данных романах происходят в Соединенных Штатах, главные действующие лица – русские эмигранты.

Таким образом, сравнительный количественный анализ позволяет сделать вывод, что в динамике обращения автора к заимствованиям существует тенденция более продуктивного функционирования иноязычных элементов. Частотность использования иноязычных слов и выражений в языке В. Аксенова детерминирована темой текстов и социально-коммуникативной ситуацией, изображенной в произведении. Анализ эмпирического материала показывает, что наибольшее количество заимствованных элементов встречается при описании так называемой «иноязычной» темы, где заимствования включаются в отображение этнокультурной ситуации и коммуникации. Данные произведения посвящены жизни и быту русских эмигрантов и отражают особенности американской действительности. Наибольшее количество иноязычных лексем встречается в произведениях В. Аксенова об Америке («Круглые сутки нон-стоп», «В поисках грустного бэби», «Новый сладостный стиль»), в которых автор отражает основные наиболее типичные черты иноязычной языковой коммуникации.

Постоянные языковые контакты и погружение в английский язык позволяют автору органично вписаться в новое общество, слиться с его языком и культурой, максимально приблизить свою речь на иностранном языке к речи носителей языка. Влияние американской языковой среды, речевого узуса окружающих приводит к тому, что использование иноязычной лексики становится нормой для писателя.

Наблюдения над текстовыми извлечениями иноязычного характера свидетельствуют о преимущественном использовании лексем английской

этимологии. Близость английского языка писателю, свободное владение английским языком и прекрасное знание американской культуры подтверждается многочисленными примерами употребления заимствованных английских лексем в текстах его произведений различных жанров. В количественном отношении заимствования из английского значительно опережают случаи употребления лексем из других языков (2292 примера в проанализированных произведениях). Они представляют основную фундаментальную часть языкового иноязычного фонда писателя.

Характерно, что в своих произведениях В. Аксенов постоянно обращается к заимствованиям не только из английского, но и из других языков. Отвечая на вопрос, какой же язык доминирует в его жизни, писатель заметил, что «напоминает себе Набокова, который когда-то написал, что голова у него говорит по-английски, сердце чувствует по-русски, а ухо ловит по-французски» [Нузов 2002]. Продуктивно используются писателем лексемы из французского (222 примера) и немецкого (145 примеров) языков. В текстах писателя встречаются случаи употребления заимствований итальянского, испанского, латинского, немецкого, польского, эстонского, грузинского происхождения. Диапазон лексических средств из этих иностранных языков представлен довольно широко, однако их употребление в большинстве случаев ограничено речевой характеристикой персонажей и колоритным описанием окружающей действительности.

С помощью иноязычной лексики автору удалось существенно разнообразить арсенал языковых средств, включить в свои произведения много нового, незнакомого, даже экзотичного для российских читателей. Воздействие американской языковой системы существенно увеличивает свободу действий писателя: при использовании средств родного языка он продуктивно вводит в текст маркированные элементы других языков, что обеспечивает повышенную информативность и разнообразие текста. Можно с уверенностью утверждать, что В. Аксенов продолжает традицию использования иноязычных

лексем в произведениях для определенных художественных целей, идущую еще с пушкинских времен.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что в условиях эмиграции, находясь постоянно в иноязычной среде, В. Аксенов действительно сблизился с американской культурой. Данные нашего исследования подтверждают факт владения писателем русским и английским языками, а количественный и качественный анализ заимствований фиксирует их наличие в текстах. Анализ языка его произведений, сочетающих элементы двух языковых и культурных систем, позволяет утверждать, что В. Аксенов является писателем-билингвом. Билингвизм автора проявляется в продуктивном использовании элементов иностранных языков в художественном дискурсе (1,02 случая использования на страницу текста) и в его способности создавать тексты на русском и английском языках.

Функционирование иноязычной лексики в русскоязычных текстах В. Аксенова определяется влиянием экстралингвистических и лингвистических факторов: наличием языковых контактов и определенной языковой ситуации, ролью иностранного языка в жизни писателя, его ориентацией на подлинную речь под влиянием современного речевого узуса, а также художественным методом писателя, особенностями его индивидуального стиля, содержанием и жанровым своеобразием произведения.

Опыт жизни в Америке и усвоение американской культуры взаимодействует с российской культурной традицией в языковом сознании писателя. Это приводит к тому, что через произведения В. Аксенова читатели узнают иную культуру, психологию и менталитет другой нации. Органичное сочетание элементов двух культур достигается именно благодаря его билингвизму и бикультурности.

3.3. Язык русских эмигрантов в оценке писателя

Как писатель и литературовед, человек небезразличный к судьбе литературного языка, В. Аксенов не может оставаться безучастным к тем процессам, которые происходят в русском языке под влиянием системы английского языка. Свои впечатления и размышления автор выражает в текстах произведений и интервью.

Писатель отмечает, что русские эмигранты оказываются оторванными от родного языка, от языковых процессов на родине. Частые визиты в Россию дают ему возможность сравнивать русский язык метрополии и эмиграции. Свои впечатления он выразил в интервью журналу «Огонек» следующим образом: «Эмигранты отстают от языка, и в обыденной речи за рубежом появляются всевозможные искажения: пошли *поланчuem...* *Возьмешь двадцать седьмой экзит, повернешь на втором лайте*, то бишь светофоре. С другой стороны, когда я оказываюсь здесь, мое ... ухо замечает то, что для обычного московского люда стало обыденным...» (выделено мной Н.К.) [Шерстеников 2002: 36].

Рассуждая о влиянии английского языка на русский в условиях эмиграции, В. Аксенов указывает на обилие идиоматических выражений, переведенных из английского языка, не характерных для литературного языка метрополии. Они вызывают резко отрицательную реакцию писателя. В одном из интервью В. Аксенов отмечал, что в эмигрантской среде английский вытесняет русский, «часто слышишь прямые переводы английских идиом, порой звучащие почти по-идиотски». Автор приводит в качестве примера речь гостившего у него эмигранта, который однажды сказал: «Извините, я выбежал из сигарет», то есть у него кончились сигареты. «Сначала я подумал, – комментирует писатель, – что он бравирует: дескать, он уже больше англичанин, чем русский, а оказалось, просто так слетело с языка» [Аксенов 1990б: 73].

В ряде случаев чрезмерное использование иноязычных заимствований в речи вызывает критичную и отрицательную оценку писателя. Так, в романе «В поисках грустного бэби» он сравнивает речь современных ему эмигрантов с консервативным литературно-хрестоматийным русским языком, в лучшем случае; в худшем, пишет он, речь идет «о немыслимом «воляпюке», составленном из английских, французских, испанских и немецких слов с русскими окончаниями и падежами». Иронизируя в этой связи по поводу речи русских эмигрантов, В. Аксенов приводит следующие цитаты:

- «Сколько смешных русско-английских экспрессий я слышал! Вот несколько примеров: мудрый «философ»: «Що ты имаешь в своей *кантри*? Я имаю *кару*, *севен чилдренят*, *вайф*...» (Что у тебя есть в твоей стране? У меня автомашина, семеро детишек, жена...); маленькая девочка, весело визжа: «*Мамми, ай’м гоинг ту* бегать на цыпочках!»» (мамочка, я хочу бегать на цыпочках); диалог между бабушкой и внуком: «Ты *ноу*, *грани*, *дад пэйнтеров захирил*». «Закрой *уиндовку*, внучек, *коулд поймаешь!*» (Ты знаешь, бабушка, папа маляров нанял. Закрой форточку, внучек, простудишься) [«Круглые сутки нон-стоп»: 379].

Автор приводит следующий фрагмент речи одного из эмигрантов, прожившего в Германии, Франции и Соединенных Штатах:

- «Еду с супругой по *хайвею* в своем *вуатюре*. Неожиданно перед нами появляется *реклис спидер*. Я *каширую*, супруга – вообразите! – уринирует... *Кель кошмар*, господа!» [«В поисках грустного бэби»: 197]

За оценкой автором данных явлений стоят его представления о языковых нормах, принципах и закономерностях родного ему языка. Использование подобных гибридных слов, сочетающих элементы иностранного и русского языка в речи на родном языке в целом свойственно эмигрантам третьей – четвертой волны.

Характерно, что в иноязычной среде писатель сам оказывается несвободным от влияния иностранного языка. Он не может избежать употребления типичных для русских эмигрантов заимствований в собственной речи, влияние русского языка ослабевает под прогрессирующим влиянием английского. По этому поводу В. Аксенов однажды сказал: «И теперь невольно даже засоряешь свою речь, потому что один язык находит на другой, одни понятия – на другие...» [Шарымова 1990: 89].

Тем не менее жизнь в иноязычной среде и в иной культуре обострила чувство ценности родного языка, заставила писателя по-новому взглянуть на него. Русский язык остается для него предметом рефлексии, он заботится о чистоте языка, именно поэтому ему, возможно, необходимы были частые поездки в Россию. Характеризуя собственное отношение к языку, автор отметил: «Разумеется, отрыв от родного языка, от жизни на родине как-то сказывается. В то же время он пробуждает в тебе особое отношение к языку, который становится для тебя не просто средством общения. Ты даже теряешь скороговорку, но жажду языка – нет» [Огнев 1990: 1].

Следует отметить также замечания В. Аксенова о положении русского языка в Америке и отношения его собратьев по перу к родному языку. Особое положение русского языка в американском окружении, его распространение в ограниченной среде и в ограниченных функциях приводят писателя к мысли о необходимости поддержания языка: «Главной заботой русского писателя в Америке, – пишет он, – конечно, становится язык. Нельзя сказать, что русского нет совсем. В немыслимой каше языков в Америке, среди которых первым после английского, конечно, является испанский, русский тоже занимает свое место. Но это язык групповой, нечто вроде закрытого жаргона» [Аксенов 1990б: 73].

Несмотря на то, что В. Аксенов многие годы провел в Америке, преподавал в университете Джорджа Мейсона в Вирджинии, хорошо знает и чув-

ствуется английский язык, он продолжает оставаться русским писателем, пишет на русском языке, его произведения ориентированы на русскоязычных читателей. Авторские оценки явлений иностранного языка носят своеобразный характер; они в значительной степени отражают субъективное отношение писателя, его ощущения и индивидуально-личное понимание развития и изменения русского языка в эмиграции.

3.4. Особенности литературно-художественного билингвизма писателя

При изучении идиостиля В. Аксенова в аспекте литературно-художественного билингвизма следует учитывать владение писателем иностранным языком, знание его внутренней структуры, что позволяет автору свободно передавать и воспринимать информацию и применять оба языка в определенных сферах: русский язык – в быту, при создании произведений и общении с русскоязычными носителями языка; английский – в профессиональной деятельности, в общении с иностранцами. Следовательно, в языковом сознании писателя русский и английский языки неравноценны, они разграничиваются функционально: русский язык остается основным языком творчества писателя, в то время как английский используется в качестве второй языковой системы. Такое отношение дополнительного распределения языков в различных социальных и коммуникативных ситуациях является закономерным следствием существования языковой ситуации, сложившейся в среде русских эмигрантов в Соединенных Штатах и сопровождающейся ростом билингвизма.

Кроме того, рассмотрение двуязычия в зависимости от степени владения контактирующими языками позволяет отметить, что в текстах В. Аксенова второй язык используется эпизодически для передачи определенной информации, следовательно, билингвизм писателя приближается к асиммет-

ричному типу, который имеет место в тех случаях, когда объем знаний одного языка больше, чем знание другого, при этом отмечается несомненная подчиненность английского языка русскому.

Способность писателя строить осмысленное высказывание на иностранном языке, одновременно или попеременно использовать два языка в художественных произведениях с определенными стилистическими целями, позволяет утверждать, что билингвизм В. Аксенова носит продуктивный характер, на его базе и формируется литературное двуязычие. Таким образом, литературно-художественный билингвизм писателя обусловлен, с одной стороны, его индивидуальными и творческими способностями; с другой стороны, отражает специфические особенности развития русского языка за рубежом.

Адаптация В. Аксенова к новой окружающей действительности и языковой среде, безусловно, сопровождалась серьезными усилиями. Не случайно Х. Пфандль, анализируя поведение эмигрантов в новой языковой и культурной действительности, поставил Василия Аксенова в один ряд с Владимиром Набоковым и Иосифом Бродским, характеризуя самый редкий сознательный тип освоения иностранного языка и культуры на фоне родного языка и привел их в качестве примеров «многостороннего, касающегося всех сфер билингвизма и бикультурализма» [Пфандль 1994а: 72].

Изучение литературно-художественного билингвизма обуславливает необходимость рассмотрения проблемы культурной принадлежности писателя, создающего свои произведения на английском языке. Использование элементов иностранных языков в художественных текстах, попытки творчества на английском языке, создание произведений об Америке, умение понять и оценить своеобразие этой страны не делают В. Аксенова национальным американским писателем. Рассматривая феномен творчества В. Аксенова, следует отметить, что полного перехода автора в другую культуру не произошло. Американская действительность осмысливается им через национально-

русское мироощущение и психологию, следовательно, можно сделать вывод, что В. Аксенов по происхождению, особенностям мышления и духовному складу остается русским писателем. Он пишет преимущественно на русском языке, его произведения ориентированы, прежде всего, на русскоязычных читателей или русских эмигрантов. Это подтверждается словами самого писателя, который на вопрос, хотелось бы ему печататься на родине, с уверенностью ответил, что «он пишет, в основном, для русских читателей» [Аксенов 1990в: 55].

Безусловно, изменение среды и образа жизни оказало серьезное влияние на писателя. На вопрос, чувствует ли себя автор русским или американцем после пятнадцати лет эмиграции, В. Аксенов ответил: «Я себя, конечно, чувствую русским в Америке. Американцем я не стал и, кажется, уже не совсем русский» [Аксенов 1995: 5].

3.5. Категория автора и предполагаемая читательская аудитория

Лингвистическое исследование текста ориентировано, прежде всего, на понятие человеческого фактора и не может не учитывать субъекта языковой коммуникации, или автора произведения. Авторская позиция оказывает влияние на структуру построения художественного текста, идею, композицию, смысловые связи. Авторские интенции реализуются в ходе порождения текста и его смысловой структуры. Категория автора влияет на такие параметры текста как связность и целостность.

Творческая индивидуальность В. Аксенова как создателя художественного текста обусловлена, с одной стороны, влиянием общественных отношений и языковой среды, в которой он находится; с другой стороны, автор обладает собственными индивидуальными и неповторимыми чертами, поэтому в своих произведениях он отражает окружающую действительность и самого себя. Таким образом, свобода писателя в выборе языковых средств в

значительной степени ограничена и детерминирована коммуникативной и социальной ситуациями и их параметрами, а также личностью самого автора.

Личность В. Аксенова, его мировоззрение и индивидуальность можно проследить на основе анализа созданных им произведений. Сам факт обращения к элементам иностранного языка непосредственно характеризует писателя. Его личность раскрывается через увлечение джазовой музыкой, автор продуктивно включает в тексты строки из популярных песен на английском языке, отражающие его индивидуальные вкусы и пристрастия. Кроме того, личность писателя обнаруживается, например, в преимущественном использовании лексем определенных тематических групп, связанных с его интересами и увлечениями, профессиональной деятельностью, отношением к языку и происходящим в нем процессам. Так, профессорско-преподавательская деятельность В. Аксенова в университете Джорджа Мейсона обусловила употребление многочисленных заимствований, относящихся к семантической подгруппе «образование». Существенное количество заимствованных номинаций, обозначающих названия газет и журналов, можно также объяснить профессиональной деятельностью В. Аксенова. В доэмигрантский период он был одним из авторов и главным составителем альманаха «Метрополь», издаваемого в обход цензуре, и был связан с издательскими компаниями за границей, жизнь и писательская деятельность в Америке неизбежно сталкивала автора со многими журналами и газетами, что нашло отражение на страницах романов. Значительная группа номинаций иностранных средств передвижения помогает раскрыть такую характерную черту писателя как увлечение техникой, что прослеживается во многих произведениях В. Аксенова и подтверждается данными исследователей [Кузнецов 1995: 208].

Следовательно, можно утверждать, что отбор иноязычной лексики автор осуществляет не только в зависимости от места действия, тематики произведения и речевой характеристики персонажа, существенную роль при

этом играет личность самого писателя, его культурный опыт и языковые пристрастия.

Через систему созданных им образов автор произведения взаимодействует с адресатом, что придает антропоцентрический характер художественному тексту. Присутствие адресата в тексте произведения очевидно: «адресат как компонент среды всегда присутствует в тексте» [Торсуева 1986: 67].

Влияние адресата на структуру текста и отбор языковых средств осуществляется опосредованно. Создавая художественный текст, автор вынужден принимать во внимание фоновые знания читателей, их социальный статус, образовательный уровень, национальные, возрастные особенности, учитывать способности адекватного декодирования смысла художественного произведения. Как отмечал В.В. Виноградов, «язык всякого писателя рассчитан на понимание его в плане языка читателя» [Виноградов 1980: 82].

Исследователи указывают на диалогический характер отношений между текстом и читательской аудиторией: «между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога. Диалогическая речь отличается не только общностью кода двух соположенных высказываний, но и наличием определенной общей памяти у адресанта и адресата. Отсутствие этого условия делает текст недешифрируемым» [Лотман 1992: 161].

Фактор адресата заставляет автора заботиться об организации языкового материала. Указания на характеристики адресата могут быть представлены в тексте эксплицитно и имплицитно, что дает возможность реконструировать образ предполагаемого читателя.

Рассматривая лингвистический аспект образа предполагаемого читателя в художественном тексте, О.П. Воробьева указала на наличие в нем «точек контакта» автора и читателя, обусловленных действием «имплицитного и ориентационного» механизмов, которые могут быть представлены эксплицитно и имплицитно [Воробьева 1992: 61– 62]. К *прямым эксплицитным* ука-

зателям адресованности, помимо обращений В. Аксенова к читателю и авторских отступлений, можно отнести комментарии к иноязычным словам и словосочетаниям, продуктивно использованные в текстах писателя, которые играют важную роль в составлении образа предполагаемого читателя. Структурно-семантические особенности авторских комментариев находятся в непосредственной зависимости от читательской аудитории, так как автор выделяет для комментирования именно те языковые элементы, которые, как ему кажется, могут представлять наибольшие трудности для читателей в процессе декодирования содержания. Как показал анализ эмпирического материала, комментарии к иноязычным лексемам в текстах В. Аксенова ориентированы на адресата, владеющего русским языком, но незнакомого с той лингвокультурной традицией, которую представляет в своих произведениях автор.

К *косвенным эксплицитным* указателям адресованности текста относятся элементы, принадлежащие «к определенным лексико-семантическим, тематическим или ассоциативным рядам, полям или группам и идентифицируемые как таковые заданным кругом читателей». В данную группу входят иноязычные топонимы, антропонимы, номенклатурная лексика, аббревиатуры, продуктивно использованные в текстах писателя.

Имплицитные средства указания на контакт автора и читателя выявляются при создании в тексте «проблемных ситуаций», направленных на «активизацию языковой и коммуникативной компетенции предполагаемого адресата, его умения переструктурировать и/или перефокусировать свои фоновые знания в связи с интерпретируемым текстом» [Там же: 62]. К этой группе можно отнести аллюзии, национально-культурные реалии, авторские неологизмы, игру слов. Анализ практического материала позволяет судить о присутствии в текстах В. Аксенова многочисленных точек контакта между автором и предполагаемым читателем, которые представлены как эксплицитно, так и имплицитно и подтверждают факт ориентации писателя на читательскую аудиторию.

Язык, на котором создает свои произведения В. Аксенов, по мнению исследователей, значительно отличается от современного русского литературного языка метрополии. Так, в его последнем романе «Новый сладостный стиль» собственные пояснения автора к иноязычным словам романа, представленные в комментариях, занимают 13 страниц. Поэтому совершенно оправданной кажется точка зрения М. Кронгауза, который утверждает, что «фактически фрагменты текста романа написаны на другом языке и, в принципе, не могут быть понятны российскому читателю, не знающему английского языка» [Кронгауз 2002: 141].

Анализ текстов В. Аксенова и изучение наборов языковых кодов позволяет сделать вывод об аудитории, на которую ориентированы данные тексты. Тексты писателя как бы подразделяют аудиторию на две группы: те, которым тексты понятны и знакомы (для которых в продуктивном употреблении элементов различных языков нет ничего необычного, т.е. основная масса русских эмигрантов в Америке и люди, владеющие английским языком) и остальная масса читателей, которые не могут расшифровать текст до конца. Таким образом, будучи рассчитанными на определенного рода читателей, тексты В. Аксенова сами отбирают себе аудиторию и показывают авторскую ориентированность на читателя, способного понять и интерпретировать заимствования в тексте. Именно опорой на осведомленного читателя и его культурный опыт можно объяснить продуктивное использование заимствований в идиостиле писателя, поскольку в противном случае значение текстов может оказаться информативно бедным и безадресным.

Таким образом, данные исследования позволяют судить о литературно-художественном билингвизме писателя, сформированном под влиянием американской языковой среды и речевого узуса окружающих. Как писатель-билингв, В. Аксенов обладает особым видением мира и новым арсеналом изобразительных средств. Он способен оценить систему национально-исторических традиций и сохранить при этом своеобразие стиля. Литератур-

но-художественный билингвизм писателя проявляется не только в использовании иностранного языка в художественной ткани произведения, но и в выборе темы, сюжета, структуры и композиции.

Заключение

Специфика художественного текста, его основные свойства и характеристики, наличие в тексте экстралингвистических факторов и внеязыковых знаний обуславливает использование элементов иноязычного происхождения, придающих повышенную информативность и национально-культурное своеобразие тексту.

В художественном тексте иноязычные лексемы вступают в парадигматические отношения с исконной лексикой и приобретают под воздействием русского контекста дополнительные стилистические характеристики, кроме того, стилистическая маркированность заимствований обусловлена их необычным звучанием и графикой.

Особый специфический характер заимствований, их выделяемость на фоне русского контекста, сохранение лингвистической и ассоциативной связи с языком-источником обеспечивает высокий прагматический потенциал заимствований, которые используются для привлечения внимания, оказания определенного воздействия на читателей и повышенной информативности текста.

Продуктивное использование заимствований в художественном творчестве, создание литературных произведений на иностранном языке позволяет говорить о литературно-художественном билингвизме. Сочетание родного языка с иностранным или элементами иностранного языка формирует специфический индивидуальный стиль писателя, позволяет отобразить национальную действительность и характеры, культуру, традиции и мировосприятие другого народа.

Несмотря на то, что общее количество иноязычных лексем в текстах В. Аксенова чрезвычайно велико, они не представляют собой хаотической массы, напротив, обладают определенными общими свойствами, поддаются систематизации и классификации.

Проведенное исследование заимствований в идиостиле В. Аксенова позволяет судить о разнообразии функций иноязычных элементов в художественных текстах писателя. Характерно, что иноязычные лексемы обладают многофункциональным характером. Прежде всего, они используются для обогащения языка писателя путем номинации иностранных предметов, явлений, идей, заполнения лексического пространства, незаполненного коренным словом языка-реципиента, обогащения словаря синонимов вследствие более точной семантической дифференциации, коррекции полисемии, расширения грамматических стилистических возможностей принимающего языка. Помимо того, заимствования являются одним из средств характеристики персонажей, создания комического или иронического эффекта, устанавливают смысловые и ассоциативные связи между словами, передают эмоциональное отношение автора к изображаемой действительности. Кроме того, заимствования придают тексту аутентичность и колорит, создают характерную национальную атмосферу.

Разнообразие функций иноязычных единиц в тексте позволяет утверждать, что автор привлекает иноязычные элементы не только для передачи предметно-логической информации, но и в целях воздействия на читателей. В своих произведениях В. Аксенов осознанно идет на использование некодифицированных форм, обладающих высокой прагматической ценностью, в авторской речи и речи персонажей в соответствии с собственными коммуникативными целями.

Показательно, что заимствования, использованные В. Аксеновым в текстах, не находят широкого употребления в современном русском литературном языке, оставаясь в сфере индивидуально-авторского словоупотребления. Они не предназначены для выхода за пределы соответствующего контекста, и именно в этом контексте они выполняют экспрессивно-семантическую функцию.

Через продуктивное употребление заимствований в художественных текстах В. Аксенов может быть охарактеризован, с одной стороны, как носитель языка, ориентирующийся на речевой укус представителей русской диаспоры, на бытующие в их речи конструкции и модели, многие из которых имеют письменную фиксацию в эмигрантской публицистике, и отражающий основные тенденции в языковых процессах в эмиграции, с другой стороны, он характеризуется как писатель, использующий заимствования в качестве художественного приема, включая их в систему языковых выразительных средств, которые составляют идиолект писателя, выполняют в тексте различные функции и оказывают воздействие на адресата.

Использование заимствований повышает когнитивно-информационный потенциал и формирует билингвистическое пространство текстов писателя, а способность В. Аксенова создавать тексты на английском языке и продуктивно включать в русскоязычный текст иносистемные языковые явления позволяет сделать вывод о билингвизме писателя. Как писатель-билингв, В. Аксенов свободно использует средства иностранного языка, изменяя привычные сочетания, повышая экспрессивность и информативность текста.

Продуктивное использование писателем иноязычных элементов объясняется его преимущественной ориентацией на определенного читателя, способного понять и интерпретировать заимствования в тексте.

Изучение идиостиля В. Аксенова не ограничивается анализом функций и особенностей употребления заимствованных элементов в его текстах, существуют дальнейшие перспективы исследования словотворчества писателя в словообразовательном, структурном и социолингвистическом аспектах.

Список использованной литературы

1. Агафонова Н.Д. Узуальные иноязычные вкрапления в современном русском языке: Дис ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 1994. 198 с.
2. Агеносов В.В. Проза второй волны русской эмиграции // Филол. науки. 1998. № 4. С. 13–22.
3. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент. 1988. 122 с.
4. Аксенов В. «Я по сути дела не эмигрант... » [беседа с писателем] // Юность. 1989. № 4. С. 80–83.
5. Аксенов В. Право на свой остров (беседа с писателем) // Огонек. 1990а. № 2. С. 18–19.
6. Аксенов В. Капитальное перемещение (выступление в Спасо-Хаус, ноябрь 1989) // Вопр. литературы. 1990б. № 8. С. 66–80.
7. Аксенов В. «Я в основном пишу для русских читателей...» // Искусство кино. 1990в. № 3. С. 51–60.
8. Аксенов В. Об американской цензуре, авангарде, кино и намерении издать свой бестселлер // Моск. новости. 1993. 3 окт. № 40. С. 6.
9. Аксенов В. Письменного стола в России у меня нет // Известия. 1995. 19 апр. С. 5.
10. Алексеев М.П. Многоязычие и литературный процесс // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 7–18.
11. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новороссийск. 1989. 197 с.
12. Антошина Е.В. «Чужое слово» в прозе В. Набокова 1920–1940х гг.: Дис ... канд. филол. наук. Томск. 2002. 225 с.
13. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. Англицизмы в русском языке. Л., 1978. 151 с.

- 14.Аристова В.М., Кравченко И.П. Семантика производных слов-англизмов в русском языке XVIII – XX вв // Семантика слова в диахронии. Калининград. 1987. С. 86–92.
- 15.Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. 1985. С. 3–43.
- 16.Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. 263 с.
- 17.Багдасарян М.А. Роль фразеологических единиц в речевой репрезентации образа автора в художественном тексте // Коммуникативные единицы и системы языка: Сб. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1986. С. 5–16.
- 18.Балеевских К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина): Дис ... канд. филол. наук. Ярославль. 2002. 229 с.
- 19.Балеевских К.В. Писатель-билингв: свой среди чужих? // Педагогический вестник. Ярославль. 2003. С. 234–240.
- 20.Балтаев М.П. Ориентализмы в русском художественном тексте I половины XIX в.// Рус. яз. в школе. 1994. № 1. С. 64–70.
- 21.Балясникова О.В. «Свой – чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: Дис ... канд. филол. наук. М., 2003. 224 с.
- 22.Барт Р. От произведения к тексту // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.
- 23.Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 1989. № 4. С. 22–34.
- 24.Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филол. науки. 2002. № 4. С. 66–74.
- 25.Беляевская Е.Г. Семантика слова. М., 1987. 128 с.
- 26.Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988. 120 с.

27. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка 18-го века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. 431 с.
28. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Ч. I: Пособие для филологов. Томск. 2001. 127 с.
29. Бондаренко В. Возвращение невозвращенцев // Слово. 1992. № 1. С. 51–55.
30. Борисова-Лукашанец Е.Г. О лексике современного молодежного жаргона // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 104–120.
31. Бочаров С. Из русского зарубежного литературоведения. // Вопр. литературы. 1989. № 11. С. 106–108.
32. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. М., 1973. 224 с.
33. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Пособие для иностранных студентов-русистов. М., 1997. 156 с.
34. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Театр. 1992. № 4. С. 132–151.
35. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–61.
36. Васильев Н.Л., Савина Е.В. Варваризмы в языке Пушкина // Филол. науки. 2000. № 2. С. 99–105.
37. Васянина Е.Ю. наброски к лингвистическому портрету русских американцев // Рус. яз. за рубежом. 2001. № 2. С. 95–102.
38. Веренич Т.К. Дезэкзотизация современных заимствований в русском научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов): Автореф. дис ... канд. филолог. наук. Барнаул. 2004. 21 с.
39. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. 160 с.
40. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983. 269 с.

- 41.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Внешняя форма слова и его национально-культурная семантика // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1987. С. 63–78.
- 42.Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с.
- 43.Виноградов В.В. «Европеизмы» в лексике, фразеологии и семантике пушкинского языка и их национальное оправдание // Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков: Учебник. М., 1982. С. 263–169.
- 44.Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. 342 с.
- 45.Воробьева О.П. Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингвокультурной традиции // Филол. науки. 1992. № 1. С. 59–66.
- 46.Галимуллина З.М. Роль ксенизмов в художественном тексте и их динамика в системе языка // Сб. тр. МГПИИЯ им. М. Горька. Вып. 294. 1987. С. 74–90.
- 47.Гальперин И.Р. К проблеме необычных сочетаний слов // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978. С. 61–71.
- 48.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.
- 49.Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М., 1985. 303 с.
- 50.Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991. 318 с.
- 51.Григорьева Т.М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб. статей. М., 2000. С. 66–77.
- 52.Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.
- 53.Григорян Э.А. «Чужой язык» в русской литературе // Русск. речь. 1997.

№ 4. С. 73–79.

54. Данилевский Р.Ю. Немецкие стихотворения русских поэтов // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 18–66.
55. Дешериев Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании билингвизма // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 20–33.
56. Диброва Е.И. Иноязычная лексика // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 1. М., 2001. С. 306–315.
57. Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Английские трансплантаты в русскоязычных текстах // Проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск. 2000. С. 65–74.
58. Ефимова Н. Василий Аксенов в американской литературной критике // Вопр. литературы. 1995. № 4. С. 336–348.
59. Заборов П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 66–106.
60. Зайцев В.А. Творческие поиски русских поэтов II волны эмиграции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 1993. № 3. С. 40–49.
61. Залесова О.В. Языковая игра в творчестве В. Аксенова: Дис ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2002. 196 с.
62. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.
63. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты / Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография. М., 2001. 496 с.
64. Земская Е.А. Сорняк или роза? (К вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны) // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Том 61. № 4. С. 37–42.

65. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172–210.
66. Зорько А.С. Функционирование иноязычной лексики в газетно-публицистическом тексте // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 294. М., 1987. С. 64–73.
67. Зубкова Т.А. Латинизмы в исторической прозе В. Я. Брюсова («Огненный ангел», «Алтарь победы»): Дис ... канд. филол. наук. М., 2000. 201 с.
68. Изюмская С.С. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты: Дис ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2000а. 168 с.
69. Изюмская С.С. Новые английские заимствования как средство языковой игры // Рус. яз в школе. 2000б. № 4. С. 75–79.
70. Ильяшенко Т.П. Языковые контакты (на материале славяно-молдавских отношений). М., 1970. 205 с.
71. Кабакчи В.В. Заимствование в тексте иноязычного описания культуры // Совершенствование профессиональной подготовки студентов на факультете иностранных языков. Л., 1975. С. 114–121.
72. Кабакчи В.В. Прагматика иноязычия // Прагматический аспект предложения и текста. Л., 1990. С. 30–40.
73. Казкенова А.К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопр. языкознания. 2003. № 5. С. 72–80.
74. Каменева Л.Н. О передаче иноязычных выражений в немецких текстах при переводе на русский язык // Вопросы научно-технического перевода. Челябинск. 1978. С. 54–57.
75. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.

- 76.Коваленко А.Г. «Я выхожу на Place de la Concorde». Иноязычная лексика в поэзии В. Маяковского // Русск. речь. 1986. № 5. С. 36–44.
- 77.Кожевникова Н.А. О языке художественной литературы русского зарубежья // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 119–287.
- 78.Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 175 с.
- 79.Корчевская Г.П. Функции иноязычных вкраплений и приемы их введения в поэтический текст // Филол. журнал. Южносахалинск. 2000. Вып. 7. С. 34–42.
- 80.Кривоносов А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 23–37.
- 81.Кронгауз М. Язык мой – враг мой // Новый мир. 2002. № 10. С. 135–141.
- 82.Крысин Л.П. О причинах лексического заимствования // Рус. яз. в школе. 1965. № 3. С. 11–13.
- 83.Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 208 с.
- 84.Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Рус. яз. в школе. 1991. № 2. С. 74–78.
- 85.Крысин Л.П. Оценочный компонент в семантике иноязычного слова // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке (Виноградовские чтения XIX–XX). М., 1992. С. 64–70.
- 86.Крысин Л.П. Языковое заимствование в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 142–161.
- 87.Крысин Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Рус. яз. в школе. 1998. № 2. С. 71–74.
- 88.Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 384–409.

89. Кудрина Н.А. Прецедентные высказывания иностранного происхождения в русском тексте: функции и особенности интерпретации // Текст: восприятие информация, интерпретация. Текст как система: Синтаксис и семантика. Интерпретация и взаимодействие культур. Личностное восприятие текста и интерпретация. М., 2002. С. 252–260.
90. Кузнецов С. Обретение стиля: доэмигрантская проза Василия Аксенова // Знамя. 1995. № 8. С. 206–212.
91. Кухаренко В.А. Интерпертация текста: Учеб. пособие. М., 1988. 192 с.
92. Левин Ю.Д. Немецко-русский поэт Э.И. Губер // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 106–124.
93. Леонова Л.А. К проблеме классификации лакун // Семантика и структура слова. Калинин. 1984. С. 65–73.
94. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. № 7. С. 62–67.
95. Линецкий В. Аксенов в новом свете. Феномен двойничества как фактор литературного процесса // Нева. 1992. № 8. С. 246–252.
96. Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века. Воронеж. 1979. 156 с.
97. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж. 1986. 144 с.
98. Лихолетов В.А. Прагматические импликации специфических ирландских синтаксических конструкций в английском художественном тексте // Семантика и прагматика текста. Барнаул. 1991. С. 91–97.
99. Лобанов С.В. Стилистические аспекты функционирования терминологической лексики в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): Дис ... канд. филол. наук. М., 2003. 185 с.
100. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
101. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Избранные статьи. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992. С. 161–166.

102. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. 149 с.
103. Мазанаев Ш. Многоязычие в мировой литературе // Литературный Дагестан. 2002. Приложение № 14. <http://www.dagpravda.ru/litdag/indlit.htm>
104. Мальсагова А.М. Восточная лексика в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»// Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный. 1989. С.138–145.
105. Маслова Ж.Н. Явление билингвизма и англоязычные традиции в поэзии И. Бродского и В. Набокова: Дис ... канд. филол. наук. Балашов. 2001. 174 с.
106. Матвеев В.И. «Крылатая» латынь в прозе Салтыкова-Щедрина // Рус. речь. 1999. № 4. С. 23–29.
107. Мельников А.И. Текст художественного произведения как предмет социолингвистического исследования // Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров. Сб. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1981. С. 156–164.
108. Михайловская Н.Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия // Вопр. языкознания. 1979. № 2. С. 61–73.
109. Напцок М.Р. Словообразование в художественной прозе русского зарубежья (первая волна эмиграции: И.А. Бунин, Е.И. Замятин, В.В. Набоков): Дис ... канд. филол. наук. Майкоп. 2001. 214 с.
110. Наумова И.О. Фразеологизмы английского происхождения в современной публицистике // Рус. яз. в школе. 1989. № 4. С. 65–68.
111. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. М., 2000. С. 551–561.
112. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.
113. Новикова Н.В. Культура использования заимствованных слов в функциональных разновидностях языка // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 375–397.

114. Нузов В. Жаль, что вас не было с нами ... [встреча с Василием Аксеновым]. <http://www.sem40ru.famous2.m>
115. Огнев Н.В. Аксенов: «Родиной остается Россия»: размышления по поводу президентского указа // Лит. газета. 1990. №35. С. 1.
116. Орешкина М.В. Тюркские слова в современном русском языке (проблемы освоения). М., 1994. 160 с.
117. Основы теории текста: Учебное пособие. Барнаул. 2003. 180 с.
118. Пастухова И.Г. Прагматические функции современных лексических заимствований в художественной прозе ГДР: Автореф. дис ... канд. филолог. наук. М., 1987. 24 с.
119. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Рус. речь. 1994а. № 3. С. 70–74.
120. Пфандль Х. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Рус. яз. за рубежом. 1994б. № 5–6. С. 101–108.
121. Рассадин С. Будем читать Плутарха? // Октябрь. 1991. № 1. С. 196–208.
122. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983. 215 с.
123. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Л., 1972. 72 с.
124. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в молодежном сленге // Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. М., 2000а. С. 102–110.
125. Романов А.Ю. Стилистические функции американизмов и англицизмов // Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. М., 2000б. С. 111–120.
126. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. 552 с.
127. Сапожникова О.С. К вопросу о переводе иноязычных элементов оригинала // Актуальные вопросы теории и практики перевода научно-технической литературы. Орел. 1980. С. 40–42.

128. Сидоров Е.В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1987. С. 25–38.
129. Сидоров Е. Рэгтайм в стиле Аксенова // Юность. 1989. № 7. С. 44–45.
130. Сковородников А.П. Языковая игра или игра с языком, игра слов, языковая эксцентрика, реализация людической функции языка // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 796–803.
131. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. 2004. № 2. С. 79–87.
132. Скребов Г.Н. Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе: Дис ... канд. филол. наук. Воронеж. 1997. 163 с.
133. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 120–136.
134. Станишич Й. К проблеме двуязычия и многоязычия в литературе южных славян // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 149–240.
135. Тимофеева Г.Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград. 1991. С. 28–36.
136. Торсуева И.Р. Детерминированность высказывания параметрами текста // Вопр. языкознания. 1986. № 1. С. 65–74.
137. Торунова Г.М. Эволюция героя и жанра в творчестве Василия Аксенова (от прозы к драматургии): Дис ... канд. филол. наук. Самара. 1998. 178 с.
138. Трубина Л.А. «...С глазами на Россию». Тема памяти литературы русского зарубежья // Литература в школе. 1996. № 6. С. 26–42.

139. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М., 1986. 127 с.
140. Турганбаева Л.С. Эвфемистическая номинация в современном французском языке // Семантические и стилистические проблемы текста: Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1983. С. 158–179.
141. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.
142. Федоров А.В. Индивидуальный стиль автора и случаи писательского двуязычия // Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971. С. 167–193.
143. Феоклистова В.М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70 – 90х гг. XX века: Дис ... канд. филол. наук. Тверь. 1999. 227 с.
144. Фролова О.Е. Иностранные языки в «Евгении Онегине» // Рус. яз. за рубежом. 2002. № 1. С. 64–72.
145. Харитонов Д.А. Проза Василия Аксенова 1960–1970х годов. Проблема творческой эволюции: Дис ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 1993. 205 с.
146. Чеплыгина И.Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова: Дис ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2002. 318 с.
147. Чигирин Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М. Цветаевой: Дис ... канд. филол. наук. Воронеж. 2002. 158 с.
148. Шайтанов И. «...В СССР практически не печатался» // Знамя. 1989. № 12. С. 215–224.
149. Шарымова Н. Василий Аксенов «Взгляд на нас и себя» [интервью] // Аврора. 1990. № 1. С. 86–90.
150. Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопр. языкознания. 1982. № 5. С. 39–48.
151. Шерстенников Л. Отцы по домам или Звездный билет туда и сюда // Огонек. 2002. июль, 29. С. 36–40.

152. Шмелькова В.В. Роль литературных заимствований в художественном тексте // Русский язык: вопросы функционирования и методики обучения. М., 1994. Вып. 2. С. 280–287.
153. Щитова О.Г., Некрасова Л.Т. Функциональная природа иноязычных средств в художественном тексте // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения. Томск. 2001. С. 120–127.
154. Эндрюс Д.Р. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. 1997. № 2. С.18–30.
155. Ярцева В.Н. Межъязыковые контакты и стилистическая система языка // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978. С. 14–25.

Источники

1. Аксенов В. Ожог. М., 1990. 400 с.
2. Аксенов В. Московская сага. Книга первая. Поколение зимы. М., 1993. 319 с.
3. Аксенов В. Московская сага. Книга вторая. Война и тюрьма. М., 1993. 335 с.
4. Аксенов В. Московская сага. Книга третья. Тюрьма и мир. М., 1993. 389 с.
5. Аксенов В. Апельсины из Марокко (Коллеги, Звездный билет, Апельсины из Марокко). М., 2000. 446 с.
6. Аксенов В. В поисках грустного бэби (В поисках грустного бэби, Бумажный пейзаж). М., 2000. 416 с.
7. Аксенов В. Остров Крым. М., 2000. 320 с.
8. Аксенов В. Кесарево свечение. М., 2001. 640 с.
9. Аксенов В. Скажи изюм. М., 2001. 408 с.
10. Аксенов В. Новый сладостный стиль. М., 2002. 656 с.
11. Аксенов В. Гибель Помпеи (повести и рассказы). М., 2003. 624 с.
12. Аксенов В. Желток яйца. М., 2003. 672 с.

Справочная литература

1. Англо-русский медицинский словарь / Г.Н. Акжигитов, М.С. Бенюмович, А.К. Чикорин. М., 1988. 608 с.
2. Большой англо-русский словарь / Сост. И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова. – 4-е изд., Т. 1. М., 1988. 1038 с.
3. Большой англо-русский словарь / Сост. И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова. – 4-е изд., Т. 2. М., 1988. 1072 с.
4. Немецко-русский словарь. / Сост. Н.В. Глен-Шестакова и др. М., 1979. 528 с.
5. Французско-русский словарь: 25000 слов/ Сост. В.В. Потецкая. М., 1995. 496 с.